Русская Старина

Ежемѣсячный историческій журналъ

ЯНВАРЬ

1885 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

Январь, 1885 г.

I. ХАРАКТЕРИСТИКА ЮЖНО-РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XVII ВѢКА. **Н. Ѳ. Сумцова.** 1
II. ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ ЮГО-ЗАПАДНОЙ РУСИ 20
III. ПРИЛУЦКІЙ ПОЛКОВОЙ АСАУЛЪ МИХАЙЛО МОВЧАНЪ И ЕГО ЗАПИСНАЯ КНИГА. **В. Антоновича.** 57
IV. ДРЕВНІЯ И НОВЫЯ СКАЗАНІЯ О НАЧАЛѢ КІЕВСКОЙ АКАДЕМІИ. (Къ вопросу о томъ, можетъ-ли кіевская академія въ 1889 году праздновать трехсотлѣтіе своего существованія). **С. Голубева.** . . . 85
V. ДУНАЙЦЫ. **А. Скальковскаго.** 117
VI. СТАРОСВѢТСКІЕ БАТЮШКИ И МАТУШКИ. *(Продолженіе).* **И. Левицкаго.** 133
VII. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Пчела почаевская. Изборникъ назидательныхъ поученій и статей, составленныхъ и списанныхъ преподобнымъ Іовомъ, игуменомъ лавры почаевской (1581—1651 г.), изданный въ переводѣ съ славянскаго на русскій языкъ, по собственной рукописи преподобнаго, подъ редакціею профессора кіевской духовной академіи Н. И. Петрова. Почаевъ. 1884 года.—*С. Голубева.*—б) Археологическое обозрѣніе, органъ ц. к. Музея древностей и львовскаго археологическаго общества. Вып. 1—3. Львовъ. 1882—1883 гг.—*И. Д.*—в) Рада, украинскій альманахъ на 1884 г. Кіевъ. 1884 г.—*Г.* . . 157
VIII. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Гдѣ жили первые кіевскіе митрополиты, въ Переяславѣ или въ Кіевѣ.—*П. Л.*—б) Новый варіантъ думы «Алексій Поповичъ».—*Н. Ѳ. Сумцова.*—в) Нѣмецкій тринкгельдъ на малорусской почвѣ.—*С. Бѣлинскаго.*—г) Два письма Б. Хмельницкаго къ П. Сапѣгѣ, воеводѣ виленскому, великому гетману литовскому.—Сообщ. *Н. В. С—ко.*—д) Изъ народныхъ разсказовъ о слободско-украинскихъ помѣщикахъ.—*А. Катрухина.*—е) Изъ воспоминаній о маневрахъ подъ Елисаветградомъ.—*Ф. Н—на.*—ж) Изъ письма въ редакцію.—з) Журнально-газетныя статьи и матеріалы по южно-русской исторіи.—*Ѳ. Н.* 177
ОБЪЯВЛЕНІЯ.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА,

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

ТОМЪ XI.

ЯНВАРЬ.

1885 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 29-го декабря 1884 года.

ХАРАКТЕРИСТИКА
ЮЖНО-РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XVII ВѢКА.

Глава I.

Римско-католическая пропаганда, довольно сильная въ западной и южной Россіи въ XIV и въ XV вѣкахъ и почти совсѣмъ прекратившаяся въ XVI ст., въ золотой вѣкъ польской свободы, съ чрезвычайной силой развилась въ послѣднее десятилѣтіе XVI и въ началѣ XVII столѣтія, при королѣ-фанатикѣ Сигизмундѣ III. Пронырливые іезуиты, овладѣвъ королемъ, польскимъ духовенствомъ и частью польской аристократіи, захвативъ въ свои руки высшія учебныя заведенія и цензуру, обнаружили рѣшительное намѣреніе ввести въ западной и южной Россіи церковную унію, какъ переходную ступень къ латинству, замѣнить юліанскій календарь новымъ календаремъ григоріанскимъ и въ замѣнъ церковно-славянскаго языка ввести въ южно-русскую письменность языкъ латинскій. Устроенный посредствомъ козней и интригъ брестскій церковный соборъ разорвалъ южно-и западно-русскій народъ на части, на православное большинство и уніатское меньшинство. Меньшинство это было сильно поддержкой короля и католическаго духовенства, ежегодно усиливалось приливомъ новыхъ уніатовъ.

Отъ южнорусскаго народа прежде всего отпали высшее духовенство и аристократія. Ихъ ослѣпилъ блескъ польской цивилизаціи, польская наука, литература, коллегіи. Въ особенности ихъ обольстила вольная и роскошная жизнь польской аристократіи. Рус-

ская аристократія и высшее русское духовенство, которое, какъ извѣстно, комплектовалось также изъ людей «уроженыхъ», знатныхъ, стали изъ всѣхъ силъ стремиться къ соединенію съ польской аристократіей, стали принимать латинскія вѣрованія, польскій языкъ, польскіе обычаи и нравы.

Гордые своей наукой и литературой, своими коллегіями латино-уніатскіе писатели въ концѣ XVI столѣтія настойчиво указывали православнымъ южно-руссамъ на ничтожество ихъ школъ, невѣжество и бѣдность духовенства, отсутствіе проповѣди, грубость нравовъ. «Во всей столь обширной русской странѣ, писали они, не имѣете и трехъ ученыхъ, а школъ по всей вашей землѣ Господь Богъ не соизволяетъ». Мало того латино-уніатскіе писатели, хорошо сознавая, какое огромное значеніе имѣли въ Рѣчи Посполитой родовитость и старожитность, особенно настойчиво указывали православнымъ, что у нихъ исчезли сильные паны...

Православные превосходно сознавали всю основательность этихъ упрековъ. Князь К. К. Острожскій писалъ Потѣю: «Не отъ чого иншого розмножилося межи людьми такое лѣнивство, оспалство и отступленіе отъ вѣры, яко найбольшей отъ того, ижъ устали учители, устали проповѣдачи слова Божаго, устали науки, устали казанья»...[1]) Мелетій Смотрицкій такъ оплакивалъ потерю лучшихъ русскихъ родовъ въ своемъ сочиненіи «Ѳриносъ» въ 1610 г.: «Гдѣ теперь тотъ неоцѣненный камень, которымъ украшена была православная церковь,—гдѣ теперь домъ князей Острожскихъ, который превосходилъ всѣхъ яркимъ блескомъ своей древней (православной) вѣры? Гдѣ другіе славные роды русскихъ князей, сапфиры и алмазы,—князья Слуцкіе, Заславскіе, Збаражскіе, Вишневецкіе, Сангушки, Чарторыйскіе, Пронскіе, Рожинскіе, Соломерецкіе, Головчицкіе, Массальскіе, Горскіе, Соколинскіе, Лукомскіе, Пузыны и другіе безъ числа? Гдѣ вмѣстѣ съ ними и другіе роды,—древніе, имепитые, сильные роды славнаго по всему міру народа русскаго,—Ходкевичи, Глѣбовичи, Кишки, Сапѣги, Дорогостайскіе, Воины, Воловичи, Зеновичи, Пацы, Ханецкіе, Тышкевичи, Корсаки, Хребтовичи, Тризны, Горностаи, Калиновскіе, Мелешки, Сосновскіе,

---

[1]) Акты западной Россіи, IV, стр. 65.

Скумины, Поцѣи и другіе?...» Отвѣты получились самые печальные. «Вы, злые люди, говоритъ Смотрицкій отъ лица православной церкви, обнажили меня отъ этой дорогой моей ризы и теперь насмѣхаетесь надъ немощнымъ моимъ тѣломъ» [1]). Современникъ князя Острожскаго и Мелетія Смотрицкаго Іоаннъ Вишенскій подтверждаетъ печальный фактъ отступничества аристократіи отъ народа и указываетъ въ то-же время, что твердость религіозныхъ вѣрованій и преданность церковно-славянскому и малорусскому языкамъ сохранилась нерушимо лишь среди тѣхъ, которые «зъ одной мысочки борщикъ хлебчутъ, биццкимъ або муравскимъ кчермачкомъ покрываются и сами соби папове и слуги суть».

Православный южнорусскій народъ созналъ опасность своего національнаго положенія, вѣрно опредѣлилъ свои религіозные интересы, ясно увидѣлъ слабыя стороны своего духовнаго развитія, и съ необыкновенной энергіей принялся за выработку необходимыхъ средствъ самообразованія и самозащиты. Мелкопомѣстное дворянство, низшее духовенство, мѣщане и крестьяне слились въ одномъ стремленіи отстоять православную вѣру, юліанскій календарь, языкъ церковно-славянскій, сохранить главенство константинопольскаго патріарха, удержать за міряпами право участія въ церковныхъ дѣлахъ, вообще отстоять всѣ проявленія національной самобытности.

Результатъ этого стремленія оказался поразительнымъ. Народъ южнорусскій, почти вовсе не находя опоры въ могущественной аристократіи, при временномъ случайномъ содѣйствіи высшаго духовенства, главнымъ образомъ усиліями мелкихъ общественныхъ единицъ, повсемѣстно создаетъ церковныя братства, возстановляетъ разрушенныя церкви, учреждаетъ греко-славянскія училища, библіотеки, типографіи, издаетъ «вшелякія книги» [2])—богослужебныя, правоучительныя, историческія и даже филологическія, отправляетъ дьячковъ заграницу въ Румынію учиться церковному пѣнію, снаряжаетъ депутаціи къ королю съ жалобами на угнетеніе православныхъ латино-уніатами, покрываетъ всю страну мелкими цер-

[1]) Засадкевичъ, М. Смотрицкій, какъ филологъ, стр. 16.

[2]) Флеровъ, О православныхъ церковныхъ братствахъ, стр. 121.

ковно-приходскими школами, шпиталями, или больницами и, наконецъ, выдвигаетъ изъ своей среды энергичныхъ и талантливыхъ церковныхъ полемистовъ, историковъ и филологовъ. И все это создается въ короткое время, въ нѣсколько десятилѣтій, такъ что у трудолюбиваго и скромнаго Захаріи Копыстенскаго въ 1622 г. вырвалось радостное признаніе: «Омннаютъ, за ласкою Божею, нашу россійскую церковь лѣта грубой простоты; свѣтити ей почала свѣтлость умѣетности и правды» [1]).

«Свѣтлость умѣетности и правды» въ половинѣ XVII ст. была настолько уже значительна, что озарила всю западную и южную Россію, проникла даже въ другія православныя страны, въ Румынію, Сербію, Московское государство. Молдавскіе господари пользовались южно-русскими типографіями и оказывали имъ денежное пособіе. Обладая значительными средствами, церковныя братства снабжали даромъ Сербію необходимыми для нея книгами. Въ кіево-могилянской коллегіи училось много сербовъ. Малорусскіе ученые проникли даже въ сербское населеніе южной Австріи и завели здѣсь школы. Сербы охотно пользовались сочиненіями южнорусскихъ писателей. Такъ, въ произведеніяхъ Гавріила Стефановича или Венцловича (1725—1745) находятся отрывки изъ сочиненій Лазаря Барановича [2]). Московское государство стало пользоваться услугами южнорусскихъ и западнорусскихъ ученыхъ съ половины XVII ст. Въ 1649 г. царь Алексѣй Михайловичъ вызвалъ въ Москву кіевскихъ ученыхъ иноковъ Епифанія Славинецкаго и Арсенія Сатановскаго [3]). Вскорѣ приближеннымъ къ царю человѣкомъ, наставникомъ царскихъ дѣтей становится дѣятельный Симеонъ Полоцкій. Петръ Великій въ своей преобразовательной дѣятельности опирался, между прочимъ, на кіевскихъ ученыхъ, переселившихся по вызову царя въ Великороссію. Ученые малороссіяне работали въ Великороссіи въ духѣ и направленіи южнорусской литературы и лишь въ началѣ XVIII ст. стали приспособляться къ великорусскимъ особенностямъ быта, причемъ въ дѣлѣ такого приспособленія болѣе всего пошли

[1]) Завитневичъ, Палинодія Зах. Копыстенскаго, стр. 70.

[2]) Засадкевичъ, М. Смотрицкій, какъ филологъ, стр. 144, 179.

[3]) Акты южной и западной Россіи, т. III, № 323.

и принесли Великой Россіи наибольшую пользу Феофанъ Прокоповичъ и Димитрій Ростовскій. Южнорусскіе ученые, переселившись въ московское государство, создали здѣсь проповѣдь, ввели въ обыкновеніе составленіе мистерій и, удовлетворяя насущной потребности великороссіянъ, приняли самое дѣятельное участіе въ исправленіи богослужебныхъ книгъ отъ накопившихся въ теченіи вѣковъ ошибокъ и неточностей.

Писателямъ малороссамъ нѣтъ никакой надобности преувеличивать культурное вліяніе малороссіянъ въ Москвѣ въ XVII ст., такъ какъ вліяніе это признано и по достоинству оцѣнено московскими учеными. Такъ, профес. П. А. Безсоновъ говоритъ слѣдующее: «всякій знаетъ, какъ были они (т. е. малорусскія и бѣлорусскія вліянія) обильны, сильны и вліятельны, напримѣръ для Великороссіи и особенно Москвы. Пришельцы заняли здѣсь самыя видныя и вліятельныя мѣста, отъ іерарховъ до управленій консисторій, ими устроенныхъ, отъ воспитателей семьи царской до настоятелей монастырскихъ, до ректоровъ, префектовъ и учителей ими-же проэктированныхъ школъ, до кабинетныхъ и типографскихъ ученыхъ, дѣлопроизводителей, дьяковъ и секретарей. Все почти подверглось ихъ реформѣ, по крайности неотразимому вліянію: богословское ученіе, исправленіе священнаго и богослужебнаго текста, печатаніе, дѣла раскола, церковная администрація, проповѣдь, храмовое, общественное и домашнее пѣніе, ноты, внѣшность архіерейскихъ домовъ, образъ ихъ жизни, экипажи и упряжь (цугомъ, въ шорахъ, съ бичами, въ трехъуголкахъ), одежда служителей, напримѣръ, пѣвчихъ, видъ и составъ школъ, предметы и способы ученія, содержаніе библіотекъ, правописаніе, выговоръ рѣчи устной и въ чтеніи (церковное мягкое г вмѣсто твердаго), общественныя игры и зрѣлища и т. д., и т. д.[1]).

По словамъ иностранца Вебера, ознакомившагося съ ученой дѣятельностью малороссіянъ въ Великороссіи въ началѣ XVIII ст., малорусскіе учители были «люди острые и разумные»[2]).

---

[1]) Безсоновъ, Бѣлорусскія пѣсни. Предисловіе, стр. VI.

[2]) Трегубовъ, Религіозный бытъ русскихъ въ XVIII ст., въ «Трудахъ кіевской духовной академіи, 1884 г., т. X, стр. 205.

Глава II.

Въ исторіи южно-русской науки и литературы XVII ст. можно намѣтить два главныхъ періода, періодъ греко-славянскій и періодъ польско-латинскій.

Быстрое развитіе науки и литературы, послѣ продолжительнаго періода духовнаго застоя, предполагаетъ возникновеніе сильныхъ внѣшнихъ культурныхъ вліяній. Малороссія XVII столѣтія служитъ подтвержденіемъ этого общаго историческаго вывода. Благодаря исключительнымъ географическимъ и историческимъ обстоятельствамъ, малорусскій народъ въ XVI и въ XVII ст. вошелъ въ близкое соприкосновеніе съ южной и западной Европой и воспользовался выработаннымъ здѣсь культурнымъ содержаніемъ жизни для удовлетворенія своихъ насущныхъ духовныхъ потребностей, прежде всего воспользовался тѣмъ, что могла дать греческая и славянская наука XVII вѣка, затѣмъ захватилъ изъ западной латинской науки столько, сколько можно было взять, не нанося большаго ущерба главнымъ расовымъ и національнымъ особенностямъ вѣроисповѣданія и языка.

Греко-славянскій періодъ южно-русской науки и литературы обнимаетъ время отъ восмидесятыхъ годовъ XVI ст. до тридцатыхъ годовъ XVII ст., около тридцати лѣтъ въ совокупности. Очагомъ научнаго движенія являются греко-славянскія братскія училища, возникшія въ концѣ XVI ст., какъ необходимое восполненіе существовавшихъ въ странѣ изстари элементарныхъ церковно-приходскихъ школъ. Въ церковно-приходскихъ школахъ обученіе ограничивалось чтеніемъ и письмомъ. Въ высшихъ братскихъ училищахъ изучались языки греческій, славянскій, латинскій, польскій, грамматика, риторика, піитика, діалектика, богословіе. Научное образованіе состояло главнымъ образомъ въ изученіи греческаго и славянскаго языковъ и въ основательномъ ознакомленіи съ богословіемъ. Главными просвѣтительными центрами были училища острожское, основанное въ 1580 г., львовское, основанное въ 1586 г., виленское и кіевское, основанныя въ 1588 г. Изъ лицъ высшаго сословія, въ концѣ XVI ст. еще не порвавшаго духовныхъ связей съ народомъ, дѣятельными насадителями науки въ юго-западной Руси были извѣстный московскій эмигрантъ князь Андрей Курбскій и

могущественный его другъ князь Константинъ Острожскій, въ особенности послѣдній. Струи латинской цивилизаціи прорываются въ малорусскія науку и литературу и въ первый періодъ ихъ существованія; уже въ началѣ семнадцатаго вѣка появляются православныя полемическія сочиненія на польскомъ языкѣ, напримѣръ, «Ѳриносъ»; появляется искуственная схоластическая проповѣдь, напримѣръ, проповѣди Леонтія Карповича; но все это явленія одиночныя, исключительныя, не нарушающія общаго греко-славянскаго характера южной-русской образованности. Предпочтеніе греческаго языка передъ латинскимъ, церковно-славянскаго и малорусскаго передъ польскимъ выражается во всеобщей наклонности давать сочиненіямъ греческія заглавія (напримѣръ, Апокрисисъ, Антирисисъ, Ѳриносъ, Палинодія), въ составленіи большинства сочиненій на церковно-славянскомъ языкѣ съ весьма значительной примѣсью малорусскаго языка и въ появленіи сочиненій почти вполнѣ народныхъ по содержанію и языку. Характеристическая особенность науки и литературы конца XVI и начала XVII ст. состоитъ въ ихъ тѣсной связи съ народной жизнью, въ томъ, что онѣ исходятъ изъ народной жизни, питаются ею, почерпаютъ въ ней свои главныя силы, выражаютъ преимущественно интересы народа, во всей его вѣроисповѣдной цѣльности и въ совокупности всѣхъ его сословій.

Степень научнаго развитія южно-русскихъ писателей конца XVI ст. различна, равно какъ весьма различно ихъ умѣніе владѣть перомъ. Изъ всѣхъ научныхъ и литературныхъ дѣятелей конца XVI ст. выдается Христофоръ Бронскій, авторъ «Апокрисиса». Это былъ человѣкъ глубокаго ума и обширныхъ свѣдѣній. Быть можетъ, самая глубина его научнаго образованія, притомъ основаннаго на латино-польскихъ школьныхъ началахъ, была причиной, что Бронскій писалъ тяжелымъ искусственнымъ западно-русскимъ языкомъ, съ длинными періодами, съ частыми полонизмами. Другіе южно-русскіе писатели конца XVI ст., напримѣръ, Феодулъ и Іоаннъ Вишенскій, далеко отстали отъ Бронскаго въ научномъ отношеніи, но за то значительно его превзошли по ясности изложенія и простотѣ языка. Писатели послѣдней категоріи не могли въ религіозной полемикѣ дать надлежащаго отпора латинско-уніатскимъ религіознымъ полемистамъ. Сильное латино-уніатское сочиненіе, въ родѣ сочиненія Скарги «О едности церкви Божіей», дол-

гое время оставалось безъ возраженія. Неизвѣстный авторъ «Ключа царства небеснаго» въ опровергеніи латино-уніатскаго сочиненія Гербеста «Выводы вѣры римскаго костела» откровенно сознается въ томъ, что неудобно «плохому и голому за збройнаго рыцеря воевати, а простаку неученому за мудраго оратора отповедати» [1]). Такъ могли говорить только воспитанники элементарныхъ церковно-приходскихъ школъ. Воспитанники греко-славянскихъ братскихъ училищъ выступили на литературное и научное поприще въ первые годы XVII ст. Это были уже «збройные рыцари» въ области полемическаго богословія. Въ то время, какъ православные писатели конца XVI ст., по причинѣ младенческаго состоянія полемической литературы, въ принципѣ отказывались отъ прямой борьбы съ латино-уніатскими писателями и ограничивались лишь простымъ оправданіемъ православной церкви отъ взводимыхъ на нее обвиненій, ученые дѣятели начала XVII ст. относительно своихъ противниковъ занимаютъ твердую оборонительную позицію и по временамъ дѣйствуютъ даже наступательно. Можно сказать, съ каждымъ годомъ въ лагерѣ православныхъ все болѣе и болѣе усиливается «свѣтлость умѣетности». Современники замѣтили, что стремленіе проникнуть въ глубину таинствъ церковныхъ догматовъ овладѣло не только мужчинами, но и «бѣлыми головами, которымъ призволтша-бы куделя зъ веретеномъ, а нижли тое, што писано перомъ» [2]). Начавшись въ концѣ XVI ст. небольшими и суровыми сочиненіями, «зачепкой» Христофора и «краткословнымъ отвѣтомъ» Феодула, южно-русская литература развивалась очень быстро, какъ въ количественномъ, такъ и въ качественномъ отношеніяхъ. Завершеніемъ и лучшимъ выраженіемъ южно-русской литературы, развившейся подъ вліяніемъ греко-славянскихъ братскихъ училищъ, служитъ «Палинодія» Захаріи Копыстенскаго,—огромное религіозно-полемическое сочиненіе, приготовленное для печати въ 1622 г. и не вышедшее въ свѣтъ по неизвѣстнымъ въ точности причинамъ, вѣроятно, по трудности напечатать столь объемистое произведеніе. «Палинодія» въ рукописи была извѣстна южно-русскимъ людямъ и послужила матеріаломъ и пособіемъ для другихъ, болѣе позднихъ

---

[1]) Завитневичъ, Палинодія, стр. 85.

[2]) Тамъ-же, стр. 86.

по времени дѣятельности православныхъ полемистовъ, пособіемъ тѣмъ болѣе драгоцѣннымъ, что тутъ приведены и посредствомъ богословскихъ и историческихъ доводовъ опровергнуты всѣ главныя латино-уніатскія положенія о главенствѣ римскаго папы.

Лучшимъ доказательствомъ высоты и доброкачественности греко-славянскихъ училищъ въ южной Россіи служитъ то обстоятельство, что подъ ихъ благотворнымъ вліяніемъ развилось не только богословіе, что уже само собой истекало изъ общаго строя тогдашнихъ церковныхъ дѣлъ, но, что въ особенности заслуживаетъ вниманія историка южно-русской цивилизаціи XVII ст., развились исторіографія и филологія. Цѣнными историческими актами и свидѣтельствами наполнены «Ектезисъ», «Перестрога», «Палинодія». Достаточно самымъ бѣглымъ взглядомъ пробѣжать по страницамъ Палинодіи, замѣчаетъ г. Завитневичъ, чтобы убѣдиться, что авторъ ея много копался въ разнаго рода древнихъ историческихъ памятникахъ и новѣйшихъ сочиненіяхъ, прежде чѣмъ рѣшился взяться за перо. У него нельзя отыскать ни одного положенія, которое не было-бы закрѣплено болѣе иле менѣе длиннымъ рядомъ свидѣтельствъ выдающихся церковныхъ авторитетовъ и вообще большимъ или меньшимъ количествомъ фактическихъ данныхъ» [1]). Извѣстно, что православные писатели въ опроверженіе латино-уніатскихъ доводовъ изъ исторіи въ пользу ученія о главенствѣ папы и существованія уніи въ Малороссіи въ старинное время, доводовъ, часто опиравшихся на подложныхъ историческихъ актахъ, выдвигали цѣнные историческіе документы, отысканные въ братскихъ архивахъ.

Во второе и третье десятилѣтіе семнадцатаго вѣка, время полнаго расцвѣта южнорусской науки и литературы греко-славянскаго характера, появилось два капитальныхъ филологическихъ произведенія: «Славянская грамматика» Мелетія Смотрицкаго и «Лексиконъ славено-россійскій, именъ толкованіе» Памвы Берынды. Грамматика Смотрицкаго, впервые изданная въ Евю, близъ Вильны, въ 1619 г., представляла систематическое изложеніе грамматическихъ правилъ. Смотрицкому принадлежитъ наша грамматическая термино-

---

[1]) Тамъ-же, стр. 341.

логія, лишь отчасти измѣненная Ломоносовымъ. Смотрицкій устранилъ изъ грамматики членъ, какъ несвойственный славянскому языку, ввелъ ученіе о видахъ, замѣтилъ достигательное наклоненіе, удачно означилъ признаки для спряженій, ввелъ дѣепричастіе. Его грамматика пользовалась большой извѣстностью; нѣсколько разъ она была издана (1629 въ Вильнѣ, 1648 и 1721 г. въ Москвѣ); изъ нея дѣлали извлеченія и сокращенія; долгое время она служила единственнымъ руководствомъ при изученіи славянскаго языка; она, по словамъ Каченовскаго, составляетъ эпоху и въ исторіи образованія нашего языка; она одна была путеводительницею Ломоносова при наблюденіяхъ его надъ свойствами русскаго слова,—словомъ, она имѣла громадное вліяніе на теорію языка и книгопечатаніе не только въ Россіи, но и въ Болгаріи, въ Сербіи и даже у глаголитовъ [1]). Не столь извѣстнымъ, но тѣмъ не менѣе весьма почтеннымъ трудомъ былъ Словарь Беринды. Словарь этотъ представляется любопытнымъ и необходимымъ для всѣхъ изучающихъ основательно русскій языкъ. Архіепископъ Филаретъ замѣтилъ, что «Беринда выполнилъ свое дѣло съ честью... Дѣло сочинителя древняго словаря—выставить слова въ такомъ значеніи, въ какомъ принимали ихъ въ старое время, иначе, представить вѣрный сборникъ мыслей стараго времени; это и сдѣлалъ Беринда» [2]).

Отмѣтивъ то обстоятельство, что научное развитіе южнорусскихъ писателей конца XVI и начала XVII ст. было весьма различно и что въ этомъ отношеніи одни писатели представляются очень солидными дѣятелями, другіе—скромными литературными тружениками, мы въ заключеніе нашей характеристики греко-славянскаго періода южнорусской литературы должны отмѣтить тотъ замѣчательный въ историко-культурномъ отношеніи фактъ, что почти всѣ писатели южнорусскіе въ концѣ XVI и въ началѣ XVII столѣтія обнаружили отчетливое и ясное политическое самосознаніе. И крупные ученые дѣятели, какъ Христофоръ Бронскій, и мелкіе труженики пера, какъ неизвѣстные авторы «Перестроги» и «Ключа царства небеснаго», сходятся по широтѣ политическихъ взглядовъ

---

[1]) Засадкевичъ, М. Смотрицкій, какъ филологъ, стр. 98—99.

[2]) Филаретъ, Обзоръ русской духовной литературы, т. I, стр. 266.

на отношенія Малороссіи къ Польшѣ и на взаимныя отношенія различныхъ слоевъ малорусскаго народа.

По силѣ національнаго самосознанія южнорусскіе люди начала XVII ст. стояли очень высоко, выше южнорусскихъ людей конца XVII ст., не говоря уже о болѣе позднемъ времени, о XVIII ст., когда послѣдовало всеобщее духовное оскудѣніе и измельчаніе. Зрѣлость политическихъ взглядовъ южнорусскихъ ученыхъ конца XVI ст. обнаружилась въ ихъ сужденіяхъ объ отношеніяхъ Польши къ Руси и объ отношеніи высшаго русскаго духовенства и аристократіи къ поспольству и горожанамъ. Въ концѣ XVI ст. южнорусскіе политическіе и литературные дѣятели сдѣлали попытку привлечь на сторону угнетаемаго южнорусскаго народа лучшую часть польской интеллигенціи. Князь Острожскій предостерегалъ польскихъ магнатовъ, что ограниченіе свободы вѣроисповѣданія и гражданскихъ правъ южно и западно-руссовъ повлечетъ за собою ограниченіе гражданской свободы польскаго общества. Предостереженіе это повторилъ и разъяснилъ современникъ князя Острожскаго Христофоръ Бронскій. «Вы называете насъ братіей и членами единаго тѣла Рѣчи Посполитой, обращается Бронскій въ Апокрисисѣ къ польскимъ магнатамъ, то просимъ васъ, сжальтесь надъ угнетенною братіею своею; наши страданія пусть тронутъ васъ, какъ собственныя раны и страданія вашихъ милостей! Если-же ваша любовь къ намъ охладилась, то пусть тронетъ ваши милости по крайней мѣрѣ любовь къ собственнымъ правамъ, которыя заключены въ однѣхъ съ нашими доскахъ и укрѣплены однѣми связями. Берегитесь, чтобы сквозь ту дыру, которая продѣлывается въ правахъ, служащихъ намъ, не ускользнули всѣ свободы и у вашихъ милостей. Что постигаетъ теперь насъ, то своимъ примѣромъ и въ своихъ послѣдствіяхъ касается и всѣхъ васъ» [1])... Голосъ Бронскаго не былъ услышанъ. Нельзя сказать, чтобы въ концѣ XVI ст. въ польскомъ обществѣ не было людей съ свѣтлымъ умомъ, гуманныхъ и вѣротерпимыхъ; такіе люди были, только не они вліяли на ходъ историческихъ событій. Главными дѣйствующими лицами въ это время были узкіе религіозные фанатики, слѣпые слуги римской куріи, въ родѣ знаменитаго діалектика и проповѣдника Петра Скарги. Іоаннъ Вишен-

[1]) Бронскій, Апокрисисъ, стр. 240 (академич. изд.), 1870 г.

скій, при всей ограниченности своего научнаго образованія, вѣрнымъ національнымъ чутьемъ превосходно опредѣлилъ, что не помогутъ южно-русскому народу польскій король и сенаторы, не помогутъ ему даже его собственные архіереи и паны. «Бѣдные крестьяне, писалъ Вишенскій южно-русскимъ архіереямъ, день и ночь трудятся и мучатся для васъ, а вы, высосавъ изъ нихъ кровь, силы и плоды трудовъ ихъ, обобравъ ихъ до нитки, наряжаете на ихъ счетъ своихъ сорванцовъ слугъ въ дорогія платья. Вы съ поту ихъ наполняете мѣшки золотыми, талярами, полталярами, ортами, четвертаками и трояками, а у этихъ бѣдняковъ нѣтъ и шеляга на покупку соли». Въ посланіи къ православнымъ южно-руссамъ Вишенскій говоритъ: «На пановъ же вашихъ русскаго рода не надѣйтесь; въ нихъ-же нѣтъ спасенія! Вси бо живого Бога и вѣры, аже въ него, отступили, прелести-же еретической, любви духа тщеславнаго, жизнолюбію и лихоимству ся поклонили» [1]... Вишенскій былъ правъ, его суровое осужденіе высшаго духовенства и аристократіи оправдывается всей малорусской исторіей XVII ст.

Глава III.

Второй періодъ южно-русской науки и литературы обнимаетъ время отъ тридцатыхъ годовъ до конца восьмидесятихъ годовъ XVII ст., около пятидесяти лѣтъ въ цѣломъ. Очагомъ научнаго движенія служитъ кіево-могилянскій колегіумъ, построенный по образцу высшихъ іезуитскихъ училищъ, на преобладаніи внѣшней показной стороны обученія, на подавленіи духовной пытливости и скептицизма началами строгой школьной дисциплины и тяжестью церковныхъ авторитетовъ, на развитіи формальной стороны науки. Научное образованіе состоитъ главнымъ образомъ въ изученіи латинскаго языка и въ ознакомленіи съ средневѣковымъ схоластическимъ богословіемъ. Второй періодъ южно-русской литературы характеризуется преобладаніемъ въ полемикѣ богословскаго элемента надъ историческимъ, въ развитіи искусственной схоластической проповѣди

---

[1]) Вишенскій, въ Актахъ южной и западной Россіи, т. II.

или казанья, въ рѣшительномъ перевѣсѣ польскаго языка надъ церковно-славянскимъ. Значительное большинство сочиненій написано на языкѣ польскомъ; краевой южно-русскій элементъ проявляется случайно въ немногихъ сочиненіяхъ; изложеніе тяжелое, обильное макаронизмами. Сильно развивается наклонность къ стихотворству; наклонность эта въ концѣ XVII ст. переходитъ въ манію, въ сумасбродство, исключающее даже самую возможность появленія строго историческихъ или филологическихъ изслѣдованій. Развивается крайній панегиризмъ,—ясное свидѣтельство всеобщаго упадка духовной жизни, явное доказательство потери строгаго нравственнаго критерія въ области политической и научной дѣятельности. Люди науки гордятся своею наукою и отдѣляютъ ее отъ жизни общественной и народнаго быта, какъ нѣчто чрезвычайно высокое, не допускающее прикосновенія низменной дѣйствительности.

По времени дѣятельности, по взаимнымъ личнымъ и литературнымъ связямъ южно-русскіе писатели второй половины XVII ст. раздѣляются на двѣ группы. Въ первую группу входятъ литературные дѣятели тридцатыхъ, сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ XVII ст.: Петръ Могила, Сильвестръ Коссовъ, Исаія Трофимовичъ Козловскій и нѣсколько второстепенныхъ по значенію. Во вторую группу входятъ дѣятели шестидесятыхъ, семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годовъ: Иннокентій Гизель, Лазарь Барановичъ, Іоанникій Галятовскій, Антоній Радивиловскій. Наиболѣе вліятельными людьми были Петръ Могила и Лазарь Барановичъ, наиболѣе образованнымъ и плодовитымъ писателемъ Іоанникій Галятовскій. Всѣ эти дѣятели стояли тѣсно другъ около друга, поддерживали другъ друга всячески. Петръ Могила покровительствовалъ и повышалъ Коссова, Козловскаго и Гизеля; Гизель—Барановича и Радивиловскаго, Барановичъ—Галятовскаго. Они соединены были другъ съ другомъ тѣсными узами нравственной солидарности, узами дружбы, и всѣ они въ литературѣ и отчасти въ политикѣ дѣйствовали сообща и въ одномъ направленіи, что обусловлено было сходствомъ ихъ литературныхъ и научныхъ понятій. Хотя Барановичъ и Галятовскій обнаружили значительную зависимость отъ схоластической школы, хотя польско-іезуитскія педагогическія начала вытравили въ нихъ нѣкоторыя характерныя національныя черты, писатели эти, равно какъ писатели первой группы, жили и дѣйствовали подъ непогас-

шими еще вліяніями того строя малорусской жизни, какой созданъ былъ братствами въ началѣ XVII ст. Коллегіумская схоластика имъ повредила во многомъ, но она въ половинѣ XVII ст. была еще настолько парализуема свѣтлыми и чистыми вліяніями старинной украинской школы и литературы, что не могла вполнѣ изуродовать Барановича и Галятовскаго въ духовномъ отношеніи, какъ изуродовала въ самомъ концѣ столѣтія Іоанна Максимовича. Въ общественной, научной и литературной дѣятельности Барановича, Гизеля и Галятовскаго есть много еще цѣннаго; въ сочиненіяхъ ихъ среди празнаго схоластическаго хлама мѣстами, нельзя сказать чтобы часто и отчетливо, пробивается свѣтлая мысль и гуманное чувство, обнаруживается пониманіе общественныхъ потребностей и желаніе потрудиться для ихъ удовлетворенія.

Барановичъ, Галятовскій и Гизель свои мнѣнія объ улучшеніи общественной и семейной жизни, науки и литературы высказали въ видѣ случайныхъ замѣчаній и пожеланій. Эти оброненныя мимоходомъ замѣчанія даютъ изслѣдователю возможность намѣтить лишь главныя черты идеальныхъ стремленій поименованныхъ дѣятелей. Нѣтъ надобности доказывать, что идеалы Барановича, Гизеля и Галятовскаго исходятъ изъ малорусской дѣйствительности; идеалы эти не разрываютъ съ нею связей, они только очищаютъ ее отъ недостатковъ и такимъ образомъ возводятъ на опредѣленную, во всякомъ случаѣ значительную по высотѣ степень внутренняго и внѣшняго совершенства.

По мнѣнію Барановича, Галятовскаго и Гизеля, нужно думать, и всѣхъ лучшихъ людей Малороссіи второй половины XVII в., политическій и гражданскій строй страны долженъ былъ представляться въ слѣдующемъ, для нихъ желательномъ видѣ. Малороссія, лѣвобережная и правобережная въ совокупности, должна находиться подъ покровительствомъ московскаго царя. Православный царь защищаетъ православныхъ малороссіянъ отъ внѣшнихъ и иновѣрныхъ враговъ. Зависимость Малороссіи отъ московскаго государства выражается въ обязанности охранять южныя границы московскаго государства и въ опредѣленной дани, которая не была-бы тягостна для народа, разореннаго продолжительными войнами; южно-руссы оказываютъ великорусскому народу всякаго рода нравственныя услуги, напримѣръ, посылаютъ въ Москву ученыхъ богослововъ и

и проповѣдниковъ, правоучительныя книги, голосистыхъ пѣвчихъ, опытныхъ садовниковъ. Москва, Польша и Малороссія входятъ во взаимныя дружескія связи и заключаютъ наступательный союзъ противъ общаго врага, магометанства. Усилія великоруссовъ, малоруссовъ и поляковъ должны быть направлены къ тому, чтобы уничтожить крымскихъ татаръ, изгнать изъ Европы турокъ, даровать православнымъ народамъ балканскаго полуострова свободу и освободить Іерусалимъ отъ ига невѣрныхъ. Внутри Малороссія пользуется полной административной автономіей. Духовенство зависитъ исключительно отъ константинопольскаго патріарха, какъ велось изстари. Кіевскій митрополитъ избирается соборомъ духовенства и міряиъ, по предварительному соглашенію духовныхъ и свѣтскихъ лицъ. Низшее духовенство избирается громадой и получаетъ отъ нея достаточное матеріальное обезпеченіе. Оно совершаетъ церковныя службы, говоритъ проповѣди, обучаетъ дѣтей въ школахъ и поддерживаетъ шпитали. Гражданское управленіе страной находится въ рукахъ свободно-избранной старшины, во главѣ которой стоитъ гетманъ. Въ большихъ городахъ должны быть коллегіумы и типографіи, въ селахъ школы, повсемѣстно шпитали. Воспитаніе и образованіе юношества основывается на религіозно-нравственныхъ началахъ. Специальныя и семейныя отношенія опредѣляются евангельскимъ ученіемъ о любви къ ближнему. Посполитые представляются людьми подневольными, и господство надъ ними козацкой старшины и духовенства оправдывается ссылками на Ветхій Завѣтъ. Старшинѣ впрочемъ поставляется въ нравственную обязанность милостиво относиться къ простому народу, не отягощать крестьянъ тяжелой работой или налогами. Въ нравственную обязанность поставлялось «предпочитати добро общее надъ уединенное» (слова Гизеля въ его книгѣ «Миръ»).

Глава IV.

Южно-русская литература семнадцатаго вѣка, богатая по числу памятниковъ, оригинальная по ихъ внутреннему содержанію, изложенію и языку, долгое время являлась своего рода terra incognita. Трудно къ ней приступить по двумъ причинамъ. Во первыхъ,

въ старинной южно-русской литературѣ преобладаютъ богословскія полемическія сочиненія, большею частью темныя по содержанію и изложенію; изслѣдователи литературы не рѣшались опуститься въ пучину схоластическихъ толкованій догматовъ вѣры. Во вторыхъ, важнымъ препятствіемъ для успѣшнаго хода научной разработки старинной украинской литературы представляется почти полное отсутствіе южно-русской библіографіи. Не сдѣлано даже простаго перечня старинныхъ южно-русскихъ литературныхъ памятниковъ; не указано, гдѣ ихъ можно найти. Такого рода указанія представляются тѣмъ болѣе необходимыми, что старинные южно-русскіе памятники разбросаны по разнымъ книгохранилищамъ, причемъ весьма цѣнныя сочиненія попадаются не только въ такихъ громадныхъ книгохранилищахъ, какъ петербургская публичная библіотека и московскія библіотеки Румянцевскаго музея и синодальная, но и въ столь скромныхъ сравнительно съ первыми, какъ библіотека харьковской духовной семинаріи.

Если не считать короткихъ и фразистыхъ статей о Барановичѣ и Максимовичѣ, находящихся въ «Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія» сороковыхъ годовъ, то первымъ по времени и превосходнымъ по достоинству спеціальнымъ изслѣдованіемъ южно-русской литературы XVII вѣка была статья Пекарскаго о кіевскихъ ученыхъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» за 1862 г. Долгое время никто не шелъ по дорогѣ, указанной Пекарскимъ. Лишь въ 1873 г. появилась магистерская диссертація г. Скабалановича объ «Апокрисисѣ». Въ 1875 г. въ «Подольскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ» была помѣщена статья объ Іоаннѣ Вишенскомъ. Въ 1876 г. Строевъ помѣстилъ въ «Черниговскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ» весьма хорошую статью о проповѣдяхъ Лазаря Барановича. Въ концѣ семидесятыхъ годовъ Петербургская Археографическая Коммисія обратила серьозное вниманіе на старинную западно-русскую литературу, и нѣсколько научныхъ и литературныхъ памятниковъ было издано въ двухъ томахъ «Русской Исторической Библіотеки», при дѣятельномъ содѣйствіи члена коммисіи г. Гильтебрандта. Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ вышли XI и XII томы «Исторіи русской церкви» митрополита Макарія, въ которыхъ, между прочимъ, находится нѣсколько цѣнныхъ замѣчаній о южно-русской литературѣ XVII в. Прошлый 1883 годъ принесъ нѣсколько крупныхъ монографій по исторіи

южно-русской литературы XVII в. Въ Кіевѣ вышелъ огромный первый томъ изслѣдованія г. Голубева о Петрѣ Могилѣ (рецензіи профессора Н. И. Петрова и профессора Е. Е. Голубинскаго), въ Варшавѣ—спеціальное изслѣдованіе г. Завитневича о Палинодіи (рецензія профессора Н. И. Петрова), въ Одессѣ—богатое фактами изслѣдованіе г. Засадкевича о Мелетіи Смотрицкомъ, какъ филологѣ. Съ появленіемъ сочиненій гг. Голубева, Завитневича и Засадкевича, мракъ, покрывавшій южно-русскую литературу XVII ст., въ значительной степени разсѣялся. Небольшія, но цѣнныя замѣтки о памятникахъ южно-русской литературы XVII ст. разбросаны въ 8-мъ томѣ «Historia literat. polsk.» Вишневскаго, въ 1-мъ томѣ «Обзора духовной литературы» архіепископа Филарета, въ концѣ перваго тома «Литовской церковной уніи» г. Кояловича, во второмъ томѣ сочиненія покойнаго Ф. А. Терновскаго «Изученіе византійской исторіи», въ «Русской исторіи въ жизнеописаніи ея главныхъ дѣятелей» Н. И. Костомарова и въ исторіи русской словесности профессора И. Я. Порфирьева. Важные памятники южно-русской литературы изданы въ актахъ западной Россіи, въ актахъ южной и западной Россіи, въ сочиненіи г. Малышевскаго о Мелетіи Пигасѣ, въ «Чтеніяхъ въ московскомъ обществѣ исторіи и древностей» (при секретарѣ А. Поповѣ).

Въ интересахъ успѣшной научной разработки южно-русской литературы семнадцатаго вѣка желательно

во 1) чтобы составленъ былъ полный библіографическій указатель южно-русскихъ литературныхъ памятниковъ, религіозно-полемическихъ сочиненій, богословскихъ трактатовъ, словарей, писемъ, сочиненій о календарѣ и друг., съ подробнымъ приведеніемъ заглавія, съ указаніемъ, гдѣ находится памятникъ, какихъ изданій, что о немъ писано;

во 2) чтобы составленъ былъ библіографическій указатель изслѣдованій по политической и бытовой исторіи Малороссіи, который могъ-бы послужить изслѣдователю южно-русской литературы пособіемъ при объясненіи литературныхъ памятниковъ общимъ состояніемъ образованности;

и въ 3) чтобы были изданы южно-русскія старопечатныя книги, нравоучительныя, религіозно-полемическія и строго научныя, въ родѣ грамматикъ, словарей, сочиненій о календарѣ, во всемъ ихъ

составѣ, съ сохраненіемъ всѣхъ особенностей изложенія и языка, на подобіе того, какъ Обществомъ любителей древней письменности изданы старинные московскіе литературные памятники[1]).

Н. Ѳ. Сумцовъ.

20 октября 1884 г.

---

[1]) *Примѣчаніе:* Статья эта должна служить предисловіемъ къ первымъ тремъ выпускамъ моего изслѣдованія: «Къ исторіи южно-русской литературы». Первый выпускъ о Лазарѣ Барановичѣ изданъ въ Харьковѣ въ 1884 г., второй объ Іоанникіѣ Галятовскомъ и третій о Гизелѣ первоначально были напечатаны въ «Кіевской Старинѣ» 1884 г., потомъ вышли отдѣльно съ дополненіями и поправками.—Н. С.

ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ ЮГО-ЗАПАДНОЙ РУСИ [1]).

I.

На территоріи между морями Балтійскимъ, Чернымъ и Адріатическимъ жили славяне подъ разными названіями, а въ числѣ ихъ поляки и русь. Жили они отдѣльными родами, т. е. большими семьями. Каждый родъ повиновался своему начальнику. Старшины родовъ собирались въ опредѣленныя мѣста для совѣщанія; такія собранія назывались вѣчами. Кромѣ вѣча славяне имѣли еще князей, которымъ принадлежала высшая судебная власть и предводительство на войнѣ. Вѣча были общинныя, на которыхъ обсуждались дѣла отдѣльной общины, и народныя, которыя рѣшали общія дѣла народа.

Полную картину старославянскаго вѣча сохранила намъ исторія въ извѣстномъ «Судѣ Любуши», дочери Крока изъ Вышеграда; здѣсь собрана для совѣщанія вся народная старшина, состоящая изъ *кметей*, *леховъ* и *владыкъ*. Такъ какъ въ названномъ памятникѣ древне-чешской литературы термины эти повторяются много разъ въ неизмѣнномъ порядкѣ, то отсюда легко заключить, что *кмети*, владѣющіе землею, составляли главное ядро народа, занимая въ то

[1]) Предлагаемый очеркъ составленъ по сочиненію галицко-русскаго ученаго о. Стефана Качалы, вышедшему во Львовѣ въ 1879 г. подъ заглавіемъ *Polityka polaków względem Rusi* и представляетъ сжатое извлеченіе изъ него собственно исторической его части. Трудъ о. Качалы, за устраненіемъ изъ него полемической и публицистической части, даетъ весьма хорошій прагматическій очеркъ исторія юго-западной Руси, какого именно не достаетъ въ скудной южно-русской исторической литературѣ и какого мы тщетно стали-бы искать въ трудахъ Бантышъ-Каменскаго и Н. Маркевича, устарѣвшихъ не только со стороны фактическаго содержанія, но еще болѣе по основному взгляду и пріемамъ изложенія.

время первое мѣсто на вѣчахъ. Рядомъ съ ними стояли *лехи* или воины, правдоподобно, считавшіеся еще въ то время слугами цѣлаго народа, и наконецъ владыки, т. е. предводители родовъ и верховные жрецы, какъ высшіе начальники народа.

Не смотря на то, что славяне по природѣ своей племя отважное и воинственное, они избѣгали наступательныхъ войнъ и тогда только вступали въ битву, когда приходилось отражать нападеніе.

Необходимость обороны связывала свободныя племена въ политическія единицы; защита вѣры предковъ, съ которой соединялась идея независимости славянъ, была ихъ лозунгомъ въ битвахъ, побуждало-же ихъ къ защитѣ язычества распространеніе новой христіанской вѣры, происходившее на юго-восточной и въ особенности на западной границѣ славянщины.

Съ востока христіанство распространялось спокойно, путемъ убѣжденія и проповѣди. Совсѣмъ иначе происходило это на западѣ. Здѣсь вѣру христіанскую распространяли германцы, прикрывавшіе жажду завоеванія и захватовъ проповѣдью любви христіанской, лишая покоренныхъ не только ихъ земель, но языка и обычаевъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что христіанство пришло къ славянамъ съ востока, а не на оборотъ, и что въ Польшѣ греческая вѣра съ ея обрядностью проповѣдывалась раньше, чѣмъ латинская.

Въ Великой Моравіи слово Божіе проповѣдывали св. Кириллъ и Меѳодій. Въ Польшѣ вѣра христіанская была насаждена еще до Мечислава I проповѣдниками съ востока, а богослуженіе отправлялось на славянскомъ языкѣ [1]). Случилось такъ потому, что въ большей части своихъ границъ Польша соприкасалась съ славянскими государствами, принявшими вѣру отъ грековъ [2]); поэтому греческій обрядъ сдѣлался славянскимъ. Первымъ христіанскимъ храмомъ въ Краковѣ была церковь св. Креста [3]). Еще въ 1491 г. въ Краковѣ

---

[1]) Мацѣіовскій въ Pamiętnikach, стр. 149, говоритъ; Obrządek łaciński z tychże samych, co i u innych słowian, przyczyn nie przemawiał do serc Polaków, dla tego też bardzo wcześnie znalazł do nich przystęp obrządek słowiański.

[2]) Dzieje królewstwa polskiego przez I. S. Bandkie, 1820 r., t. I, str. 67.

[3]) Лавровскій, «Кириллъ и Меѳодій», Харьковъ, 1863 г.; Захарія Копыстенскій, «Защита вѣры восточной въ Польшѣ», 1620 г.

печатались русско-славянскія книги, а возлѣ Опатова за Вислой жили люди, исповѣдывавшіе греко-восточную вѣру.

Польскій языкъ того времени также немногимъ разнился отъ современнаго ему чешскаго и русскаго, такъ что и языкъ и религія связывали славянъ. Однако еще до Мечислава I противъ объединенія славянъ возстали сильные непріятели.

Начиная отъ Карла Великаго, врага восточной церкви и цѣлой славянщины, сперва франки, а потомъ нѣмцы, подстрекаемые Римомъ, усиленно стремились къ тому, чтобы уничтожить самихъ славянъ, а восточное богослуженіе ихъ замѣнить обрядомъ римской церкви. Устраняя славянскій языкъ изъ храмовъ, старались вмѣстѣ съ тѣмъ вытѣснить его и изъ домашняго обихода, а основаніемъ нѣмецкихъ колоній въ славянскихъ земляхъ старались онѣмечить эти края. Сверхъ того нѣмецкіе императоры старались еще ссорить славянъ между собою. Нѣмцы, эти непрошенные цивилизаторы, называли славянъ язычниками, хотя они были уже христіанами, и считая славянское ученіе языческимъ, вторично крестили исповѣдывающихъ его по латинскому обряду.

Обитавшіе за Эльбою славяне были покорены нѣмцами и, съ теченіемъ времени, мало по малу онѣмечились, другіе хотя и сохранили свою національность, но уже должны были въ своихъ храмахъ принять латинскій языкъ. При Мечиславѣ I въ Польшѣ были христіане какъ греческаго, такъ и латинскаго исповѣданія; первое было насаждено со времени Кирилла и Меѳодія.

Первою женою Мечислава I была Дубравка, чешка славянскаго обряда, отъ чего при дворѣ этого князя господствовало славянское исповѣданіе вѣры. Вторая жена Ода, католическая монахиня, похищенная изъ монастыря, склонила Мечислава къ исповѣданію западной церкви. Примѣру князя послѣдовало рыцарство и такимъ образомъ латинскій обрядъ становится вѣрою *леховъ*, славянскій—вѣрою простаго народа; первый все больше и больше распространялся и бралъ перевѣсъ надъ славянскимъ. Дѣло обращенія въ католичество довершилъ св. Войтѣхъ, окончательно вытѣснившій изъ Польши ученіе восточной церкви [1]). Римская пропаганда съ самаго начала шла объ руку съ религіозной нетерпимостью, которой принципомъ было: прости

[1]) Dzieje I. S. Bandkie, I, str. 174, 175.

ближнему всѣ его прегрѣшенія, но никогда не прощай того, если онъ осмѣлится исповѣдывать неправую вѣру. Русь сохранила греческую вѣру. Не наше дѣло вдаваться въ обсужденіе догматовъ обоихъ исповѣданій; обратимъ только вниманіе на различіе ихъ политическаго характера. Православная церковь стоитъ на принципахъ автономно-федеративныхъ, которыя выработались въ III и IV вв. вселенскою церковью, какъ-то: независимыя епископіи, подлежавшія только власти вселенскихъ соборовъ, далѣе національная церковь, т. е. каждое племя съ богослуженіемъ на своемъ языкѣ и т. д.

Принятіе католической вѣры не освободило однако поляковъ отъ опасностей худаго сосѣдства, и послѣ того они должны были выдерживать упорную вѣковую борьбу съ нѣмцами.

Существованіе западныхъ государствъ и германской имперіи основывалось на томъ завоевательномъ принципѣ, что вся земля цѣлаго края принадлежитъ монарху. Отъ него получали ее владѣтельные князья съ обязательствомъ военной помощи по первому требованію; подъ ихъ начальствомъ сидѣли на меньшихъ участкахъ мелкіе рыцари и еще болѣе мелкіе владѣльцы, оканчивая болѣе всѣхъ ихъ зависимымъ крестьяниномъ. Подобный государственный строй извѣстенъ подъ именемъ феодальнаго.

Зачатки польскаго рыцарства идутъ правда отъ очень отдаленнаго времени, но при такомъ порядкѣ сосѣдскихъ отношеній нужно было подумать объ организаціи военныхъ силъ для защиты края отъ угрожающей ему опасности.

Вѣковая борьба и продолжительное соприкосновеніе съ нѣмцами не осталось безъ послѣдствій. Стоя на защитѣ своей національной независимости, поляки все больше и больше заимствуютъ отъ нѣмцевъ ихъ нравы и обычаи и все быстрѣе теряютъ свой старо-славянскій общественный строй. Тогда старо-славянская равноправность стала колебаться и начало вырабатываться неравенство сословій, такъ какъ рыцарство все больше возвышалось, а крестьянъ постепенно низводили въ состояніе неволи.

Пока однако дѣло дошло до полной неволи, сельскіе жители, притѣсняемые обитателями замковъ, не разъ подымали противъ нихъ возстанія, забирали ихъ имѣнія и женъ, уничтожали привилегіи, совершенно такъ, какъ то позже дѣлали козаки, съ тою только разницею, что здѣсь папы дѣйствовали заодно съ католическимъ

духовенствомъ, состоявшимъ въ началѣ изъ пришлыхъ нѣмцевъ; это духовенство помогало панамъ подчинить себѣ поселянъ и въ концѣ концовъ рыцарство съ духовенствомъ получило перевѣсъ надъ возстававшими крестьянами. Поэтому неудивительно, что по смерти Мечислава II народъ снова поднялъ реакцію противъ пановъ и истребилъ латинскихъ епископовъ и ксендзовъ; многіе изъ жителей, по словамъ лѣтописцевъ, оставляли христіанскую вѣру и возвращались къ язычеству, при которомъ были свободными; возвращались они, правдоподобно, не къ язычеству, а къ греческому обряду, который латиняне также называли языческимъ. Догадку эту подтверждаетъ замѣчаніе Лелевеля. «Причиною войны между панами и крестьянами, говоритъ онъ, было преслѣдованіе греческаго обряда». Эта реакція, или, какъ ее называли, бунтъ хлоповъ противъ пановъ, окончательно подавлена была рыцарскимъ сословіемъ въ XI вѣкѣ; съ помощью нѣмцевъ и вновь присланныхъ епископовъ и ксендзовъ, панамъ удалось подчинить крестьянъ и принудить ихъ къ латинскому обряду. Такъ какъ противъ греческаго исповѣданія никогда не бывало подобныхъ возстаній, то это доказываетъ, что оно не нарушало свободы и равенства сословій.

Христіанская вѣра по восточному обряду проповѣдывалась не огнемъ и мечемъ, какъ это дѣлалъ Карлъ Великій съ саксонцами, крестоносцы и рыцари ордена меченосцевъ съ прибалтійскими народами, и вообще нѣмцы,—эта вѣра распространялась путемъ проповѣди; инквизиція и другія подобныя учрежденія въ ней были неизвѣстны. Характеръ греческаго обряда состоялъ въ томъ, что его іерархи не допускали даже той мысли, чтобы церковь нуждалась въ поддержкѣ путемъ мученій и смерти; крестъ былъ единственнымъ оружіемъ греческой церкви.

Въ началѣ Русью въ тѣсномъ смыслѣ называлась въ Несторовой лѣтописи кіевская земля, которая въ IX в. подчинила себѣ Новгородъ и другія областныя единицы, принявшія также съ этого времени общее имя Руси. Червенскіе города (Галиція) принадлежали Польшѣ; они также принимаютъ названіе Руси послѣ того, какъ Владиміръ святой въ 981 г. присоединилъ ихъ къ своимъ владѣніямъ. Люблинская земля до Даніила Романовича, т. е. до половины XIII в., также принадлежала Польшѣ и только со времени этого князя стала называться Русью. Однимъ словомъ все,

что только хоть на время входило въ составъ русскихъ земель, принимало названіе Руси; въ противоположность тому ни червенскіе города, ни люблинская земля, хотя вскорѣ снова возвратились къ Польшѣ, не присвоили себѣ однако имени Лехіи или Польши— мало того, современные польскіе историки не въ состояніи даже указать, какія именно земли и въ какое время начали называться Польшей. Имя это нигдѣ не привилось, и въ настоящее время простой народъ по обѣ стороны Вислы называетъ поляками только шляхту и мѣщанъ, а для себя удерживаетъ старинныя областныя названія: куявяцъ, мазуровъ, краковянъ и др.

Русь привлекала къ себѣ тѣмъ, что поддерживала мѣстные порядки, равенство и свободу народа, вѣчевое право и греческое исповѣданіе. Польша напротивъ и равенство, и вѣчевое право присвоила только рыцарскому сословію, ни во что обращала свободу народа и вводила неволю.

Вѣчевое право, общее всѣмъ славянамъ, было свойственно и населенію береговъ Вислы; ограниченное здѣсь, оно удержалось при русскихъ князьяхъ. Вездѣ, гдѣ только нѣкоторое время просуществовало вѣчевое право, уравнивающее всѣхъ гражданъ, тамъ народъ называлъ себя русскимъ; такимъ образомъ слово *русскій* означало тоже, что *славянскій*. Если-бы князь Владиміръ св. занялъ все пространство земель до Вислы, или далѣе, то можно съ большимъ основаніемъ допустить, что всѣ эти земли приняли-бы названіе Руси, потому что имя Руси было синонимомъ областныхъ учрежденій. Напротивъ того Польша развивалась вопреки народнымъ обычаямъ, поэтому слово *польскій* означало до нѣкоторой степени подчиненіе онѣмеченнымъ и окатоличеннымъ панамъ. Такимъ образомъ, вслѣдствіе принятія католическаго вѣроисповѣданія и отчасти феодальнаго устройства, Польша становится на сторонѣ запада. Уже въ XI столѣтіи польское рыцарство фактически захватило въ свои руки всю политическую власть въ краѣ и положило основаніе тому порядку вещей, который впослѣдствіи развился въ полномъ цвѣтѣ въ шляхетскую Рѣчь Посполитую, какъ это увидимъ дальше. Такое положеніе вещей въ Польшѣ держалось только потому, что народъ былъ бѣденъ и пригнетенъ, а шляхта всегда была вооружена и содержала на жалованьи нѣмецкіе отряды. Польша развилась въ государство по общимъ западно-европейскимъ образцамъ,

и вслѣдствіе того стала въ оппозицію съ прочими славянами. Поляки приняли съ давнихъ временъ принципы прогресса, общаго съ Западомъ; однако это стремленіе, которому они отдались добровольно, часто заводило ихъ слишкомъ далеко, а иногда и просто въ глухой конецъ; они не понимали своего исключительнаго положенія и, что еще хуже, не понимаютъ его и теперь. Польское славянское государство, ставши на сторону Запада, принимало отъ него не только образцы политической жизни, обычаи и права противныя славянству, но даже и языкъ, такъ что народности польской угрожала опасность [1]).

Въ 999 г. Болеславъ Храбрый, сынъ Мечислава I, посылалъ въ Римъ просьбу о королевской коронѣ, но папа отказалъ ему въ ней. Помогъ въ этомъ императоръ германскій.

Не смотря на всю свою силу и вліяніе, германская имперія не была безопасна отъ славянъ и нуждалась въ союзникѣ изъ ихъ среды. Поэтому, императоръ Оттонъ III, которому Болеславъ помогалъ противъ лютичей, прибылъ въ Гнѣзно въ 1000 г., подъ предлогомъ посѣщенія гроба св. Войтѣха, и тутъ возложилъ свою корону на голову Болеслава Храбраго. Однако папа долго еще не давалъ разрѣшенія на религіозный обрядъ коронаціи и Болеславъ только въ 1024 г. приказалъ епископамъ торжественно короновать себя.

Императоръ дѣйствовалъ изъ политическихъ видовъ, желая склонить польскаго князя на свою сторону, чтобы обезопасить себя отъ славянъ, жившихъ за Одеромъ и надъ Эльбою; вмѣстѣ съ короною онъ далъ Болеславу право завоеванія и покоренія западныхъ славянъ и обращенія ихъ въ католичество. Итакъ Болеславъ вмѣстѣ съ нѣмцами покоряетъ славянъ; такимъ образомъ Польша приняла на себя мисію служенія Германіи и Риму, которую выполняетъ и до настоящаго времени.

Польша врѣзывается клиномъ среди славянъ, понынѣ отличаясь сепаратизмомъ отъ славянскаго дѣла, и въ этомъ кроется причина ея собственной слабости и непопулярности среди остальной славянщины. Въ этомъ именно начало того зла, которое

---

[1]) Lelewel.

яркою полосою проходитъ черезъ всю исторію Польши и послужило причиной сперва ея роста, а впослѣдствіи упадка.

Польша не поняла своего призванія охранять западныхъ славянъ отъ онѣмеченія и вмѣсто опоры сдѣлалась для нихъ врагомъ. Послѣдствіями этой исторической ошибки были дальнѣйшіе успѣхи германизаціи и наконецъ упадокъ Польши.

II.

Русь и Польша граничили между собою и находясь въ сосѣдскихъ отношеніяхъ, бились и мирились, воевали и братались, какъ то обыкновенно бываетъ между сосѣдями. Это однако не входитъ въ предметъ настоящаго изслѣдованія. Начнемъ съ того времени, когда Польша и Русь начали входить въ болѣе близкія столкновенія между собою, когда различіе взглядовъ и религіи выступаютъ на сцену.

Въ 1336 г. скончался Юрій II, праправнукъ Даніила, послѣдній князь Галицкой Руси изъ династіи Романовичей. Не желая подчиниться татарамъ, галичане вмѣстѣ съ жителями Волыни признали своимъ княземъ племянника покойнаго Юрія по женской линіи Болеслава Тройденовича, сына мазовецкаго князя. Болеславъ былъ воспитанъ въ грековосточной вѣрѣ, но сдѣлавшись галицкимъ княземъ, онъ измѣняетъ обрядъ и принуждаетъ своихъ подданныхъ обращаться въ латинскую вѣру. Вслѣдствіе такого рода апостольства черезъ три года послѣ избранія (по Длугошу, Анониму Гнѣзненскому и др.) онъ былъ отравленъ и внезапно умеръ. По смерти Болеслава Тройденовича польскій король Казиміръ III по праву сильнаго вошелъ въ Галицкую Русь, осадилъ Львовъ и съ добычею возвратился въ Краковъ. Увидавъ слабость русскихъ, онъ рѣшилъ завоевать Червоную Русь, и, явившись съ новыми силами, занялъ земли: Перемышльскую, Саноцкую и Любачевскую. Русскіе согласились на подданство Казиміру подъ однимъ условіемъ, чтобы ихъ вѣроисповѣданіе и народность оставались неизмѣнными и ненарушимыми. Казиміръ обѣщалъ не стѣснять вѣры русскихъ и уважать ихъ народность, но впослѣдствіи, ободренный своими успѣхами,

началъ преслѣдовать грековосточный обрядъ, притѣснять духовенство и православныя церкви обращать въ латинскіе костёлы [1]).

И такъ польская политика уже съ XIV в. облачилась въ рясу. Поляки дѣйствительно остались побѣдителями, однако имъ не удалось слить оба народа въ одно тѣло. Результатомъ такого обращенія была внутренняя война. Морачевскій (кн. 4, стр. 165) говоритъ: «Только ничтожныхъ людей не оскорбляетъ униженіе ихъ религіи и народности и поэтому перемышльскій князь Дашко условился съ Даніиломъ Острожскимъ и призвалъ татаръ на помощь». Въ древнѣйшее время Польша была абсолютной монархіей; правда, при Болеславѣ Храбромъ выступаетъ рыцарство уже какъ отдѣльное сословіе, однако этотъ король держалъ его въ большой дисциплинѣ. Только со времени Болеслава III, когда государство распалось на удѣлы между его потомками, значеніе монарха все больше начинаетъ падать, а рыцарство съ тѣхъ поръ все больше получаетъ вліянія. Правда по волѣ Болеслава III установленъ сеніоратъ, т. е. право старшинства, за краковскимъ княземъ, однако во внутреннемъ управленіи своими удѣлами младшіе князья признавали себя независимыми владѣльцами и старались во всемъ сравняться съ краковскимъ княземъ. Это послужило источникомъ взаимной зависти, раздоровъ и все большаго ослабленія монархическаго принципа.

Краковскій князь желаетъ возвратить своей власти прежній блескъ, также и младшіе князья стараются уравняться съ нимъ въ значеніи, но не могутъ достигнуть своихъ цѣлей безъ помощи сильнѣйшихъ пановъ. Поэтому князья дѣлаютъ въ ихъ пользу различныя уступки, освобождаютъ ихъ отъ многихъ налоговъ и даже отъ всякихъ податей, которыя поэтому всею тяжестью падали на крестьянъ; позволяютъ панамъ собирать съ своихъ подданныхъ чинши, пошлины на таможняхъ и заставахъ, освобождаютъ отъ обязанности поддерживать дороги и городскіе замки, разрѣшаютъ постройку собственныхъ замковъ, изъятіе отъ судебныхъ инстанцій и т. д. Эти и другія подобныя изъятія изъ общаго права, называемыя привилегіями, подымая значеніе пановъ, понижали въ равной мѣрѣ крестьянское сословіе и съ теченіемъ времени все больше и больше обезсиливали королевскую власть. Еще болѣе тяжелая

---

[1]) Naruczewicz, «Hist. narodu polskiego», t. VI, str. 114.

участь постигла край, когда за обладателями этихъ прерогативъ признано право наслѣдства.

Съ того времени шляхта стремится къ возможно большему расширенію своей власти въ родовыхъ помѣстьяхъ и при Казимірѣ Великомъ достигаетъ уже большаго значенія. Законъ нѣмецкихъ рыцарей требовалъ, чтобы заключенный въ Калишѣ миръ (1343 г.), купленный большими жертвами со стороны Польши, былъ утвержденъ государственными штатами. Съ того времени сословія эти подымаютъ голову, власть законодательная, рѣшеніе всѣхъ важныхъ государственныхъ дѣлъ переходятъ въ руки рыцарей и шляхты; перевѣсъ шляхты наибольше усилился послѣ того, какъ Казиміръ, минуя близкихъ родственниковъ, пожелалъ послѣ своей смерти упрочить польскій престолъ за своимъ племянникомъ Людовикомъ Венгерскимъ. Эта передача могла состояться только съ согласія шляхты, а такое согласіе въ свою очередь должно было покупаться дарованіемъ новыхъ льготъ. При вступленіи на польскій престолъ Людовикъ долженъ былъ не только подтвердить, но и расширить эти льготы. Чтобы смягчить другихъ претендентовъ на польскую корону, Людовикъ дѣлаетъ имъ уступки, а именно одному изъ нихъ, Владиславу Опольскому, уступаетъ въ удѣльное владѣніе Галицкую Русь, которая около 12 лѣтъ оставалась подъ его властью.

Вступая на престолъ, Людовикъ также обѣщалъ полякамъ возвратить утраченныя раньше земли, однако впослѣдствіи присоединилъ Червоную Русь къ Венгріи, такъ что его дочь Ядвига, сдѣлавшись польскою королевою, принуждена была силою выгонять отсюда венгерскіе гарнизоны. Въ правленіе Владислава Опольскаго папа, вслѣдствіе вліянія Людовика, поставилъ на Руси трехъ латинскихъ епископовъ: перемышльскаго, холмскаго и владимірскаго, а надъ ними архіепископа галицкаго. Учрежденіе латинскихъ епископскихъ каѳедръ, вмѣсто русскихъ, вызывало ропотъ на Руси и вмѣстѣ съ другими аналогическими дѣйствіями польскаго правительства накопляло причины къ вооруженному столкновенію въ восточныхъ областяхъ Польши [1]). Вслѣдствіе того Владиславъ Опольскій, наскучивъ постоянными волненіями въ краѣ, оставилъ Галицкую Русь, которую Людовикъ присоединилъ къ Венгріи. Не имѣя

[1]) Moraczewski, ks. 5, str. 205 i 209.

мужескаго потомства, Людовикъ желалъ польскій пристолъ обезпечить въ качествѣ вѣна за одною изъ своихъ дочерей; это обстоятельство снова эксплуатируется для расширенія шляхетскихъ правъ. Съ того времени Польша становится избирательнымъ государствомъ и хотя всегда избирались ближайшіе родственники короля, но все таки они подлежали выборамъ и обязаны были за свое избраніе расплачиваться новыми привилегіями.

Такъ сначала войны съ нѣмцами, дробленіе на удѣлы и раздоры между удѣльными князьями, затѣмъ угасаніе мужескаго потомства и частыя безкоролевья упрочивали привилегіи шляхты, давали ей средства къ увеличенію этихъ привилегій, пока наконецъ Рѣчь Посполитая сдѣлалась чисто шляхетскимъ правительствомъ съ тѣнью короля во главѣ.

При Ядвигѣ опасность угрожала Польшѣ со всѣхъ сторонъ: отъ чеховъ, нѣмецкихъ рыцарей, венгровъ и литвы. Польшѣ необходима была точка опоры и защита и, когда Ягайло сталъ заискивать брака съ Ядвигою, поляки сообразили, что самой лучшей охраной будетъ объединеніе Польши съ Великимъ Княжествомъ Литовскимъ.

III.

Поступая подъ власть одного государя, Польша и Русь должны были составить одно политическое тѣло, поэтому намъ слѣдуетъ остановиться надъ тѣми различіями, какія существовали между этими двумя народами.

Правда Русь и Польша говорятъ родственными славянскими нарѣчіями, но эти нарѣчія постепенно расходились въ своемъ развитіи и представители ихъ разнятся между собою не только нравами и обычаями, но языкомъ, письменностью и вѣроисповѣданіемъ. Однимъ словомъ эти двѣ славянскія вѣтви становятся отдѣльными народами.

Первое различіе произвели, какъ мы уже видѣли, обряды греческій и латинскій, въ особенности послѣ того, какъ наступило раздѣленіе церквей восточной и западной.

Кромѣ этого различія были и другіе, а именно разница въ строѣ государственномъ и общественномъ. Мы уже говорили выше,

что вслѣдствіе вѣковой борьбы съ германцами въ Польшѣ произошелъ раздѣлъ народонаселенія на сословія: военное и земледѣльческое; въ награду за оборону края рыцари пользовались различными выгодами и преимуществами. Такъ напримѣръ предводительство отрядами, верховное управленіе замками, повѣтами и цѣлыми удѣлами король обыкновенно поручалъ храброму рыцарю, давая ему званіе начальника, кастеляна, воеводы, старосты, надѣляя имѣніями и т. д. Все это подымало значеніе рыцарства и возвышало его въ глазахъ прежде равноправнаго съ нимъ крестьянства. Среди военныхъ занятій рыцарь все больше отвыкалъ отъ земледѣльческаго труда и, возвратившись съ похода, считалъ уже хлѣбопашество дѣломъ недостойнымъ своего военнаго званія. Получивъ перевѣсъ въ краѣ, польское рыцарство, не смотря на безпрестанную борьбу съ нѣмцами, заимствуетъ отъ нихъ германскія понятія о сословіяхъ, еще больше усиливающія его вліяніе. Поэтому нѣмецкія институціи были выгоднымъ образцемъ для польскаго рыцаря, по примѣру нѣмцевъ онъ поселялъ на своей землѣ взятыхъ на войнѣ плѣнниковъ, которые обязаны были на него работать.

И такъ военноплѣнные были первымъ постороннимъ явленіемъ, нарушавшимъ старославянское равенство. Поселеніе ихъ на земляхъ побѣдителей приготовляло такую-же участь менѣе зажиточнымъ крестьянамъ, подобно тому положенію, въ какомъ очутились славяне въ земляхъ покоренныхъ нѣмцами. Установленію этого порядка еще больше способствовало надѣленіе шляхты правомъ наслѣдства, отдававшее сельскихъ жителей, т. е. земледѣльцевъ на милость владѣльца, въ особенности съ того времени, какъ шляхта вытребовала у королей право суда въ своихъ наслѣдственныхъ помѣстьяхъ. Сельскія общины несли вооруженному рыцарству подати припасами и подводами, сверхъ того работали надъ укрѣпленіемъ замковъ, въ которыхъ сосредоточивалась оборона края.

Всѣ эти безплатныя приношенія съ теченіемъ времени превратились въ обязательныя повинности уже не по отношенію къ государю, а по отношенію къ владѣльцу. Между тѣмъ какъ въ прежнее время крестьянинъ-землевладѣлецъ уплачивалъ только подать въ королевскую казну, впослѣдствіи онъ вмѣсто того долженъ былъ платить пану чиншъ за землю: со времени кошицкаго съѣзда крестьяне уже плотятъ панамъ и чиншъ, и другія подати; будучи

единственнымъ судьею надъ крестьянами, панъ могъ по желанію увеличивать эти повинности, или замѣнять ихъ работами, могъ отобрать у подданнаго землю и отдать тому, кто больше заплатитъ. Не удивительно поэтому, что чиншевая система постепенно была замѣнена панщиною и права рабочаго класса стѣснялись все больше и больше; когда-же наконецъ было постановлено (податными универсалами 1511, 1520 и 1531 гг.), чтобы владѣлецъ пополамъ съ крестьянами оплачивалъ *лановое* (поземельный налогъ), помѣщики стали утверждать, что по справедливости могутъ требовать отъ крестьянъ работы въ вознагражденіе за расходъ. Съ того времени число рабочихъ дней растетъ съ поразительною быстротою, требованія панщины увеличивались съ каждымъ годомъ, пока наконецъ она не была введена повсемѣстно въ 1520 году.

Первоначально крестьяне находили защиту въ лицѣ короля и духвенства. Еще Казиміръ Великій слѣдилъ за тѣмъ, чтобы земледѣльческій классъ не былъ притѣсненъ работами, за что получилъ насмѣшливый титулъ *«короля хлоповъ»*. Въ силу законодательства Казиміра Великаго крестьяне удерживали многочисленные мелкіе земельные участки, обложенные умѣренными налогами. Однако поставленныя имъ преграды не могли устоять передъ своеволіемъ того сословія, которое заботилось только о своихъ правахъ и которому должны были служить суды и всѣ другія власти. Сигизмундъ старый долго сопротивлялся введенію въ королевскихъ имѣніяхъ статута 1520 г. о недѣльной панщинѣ, такъ-же точно и Сигизмундъ-Августъ, гдѣ только могъ, уменьшалъ число рабочихъ дней съ лана; но королевская власть ослабѣвала и крестьяне лишались защиты.

Когда монархическая власть короля уступила свои права аристократіи,—судьба подданныхъ была рѣшена и они нашлись въ полной зависимости отъ помѣщиковъ, поспѣшившихъ изъять ихъ изъ подъ защиты закона, на мѣсто котораго ставили свой произволъ. Естественнымъ послѣдствіемъ того были побѣги крестьянъ. Часто случалось, что крестьянинъ, не въ состояніи будучи выполнить всѣхъ повинностей и наскучивъ постоянно усиливающимися требованіями панщины, покидалъ свое убогое жилище и въ другомъ округѣ, у лучшаго, какъ онъ думалъ, пана, искалъ облегченія своей участи.

Народонаселеніе западныхъ удѣловъ Рѣчи Посполитой переселялось на востокъ, въ плодородные округи Червоной Руси, Подоліи и Украины, гдѣ владѣльцы опустошенныхъ войнами пространствъ предлагали поселенцамъ болѣе легкія условія и обезпечивали болѣе продолжительныя льготы. Отсюда убыль рабочихъ силъ и вмѣстѣ крестьянскихъ земель, а въ тоже время въ равной съ нею прогрессіи увеличивались свободныя отъ податей экономическія земли, увеличивался и недостатокъ рабочихъ рукъ, а вслѣдствіе того росло число рабочихъ дней.

Еще вислицкій статутъ 1347 г., предотвращая будто-бы опустошеніе имѣній черезъ выходъ изъ нихъ крестьянъ, ограничиваетъ личную свободу послѣднихъ прикрѣпленіемъ ихъ къ землѣ [1]), а потому крестьяне уже въ XIV в. утрачиваютъ право свободнаго перехода съ мѣста на мѣсто. По конституціи краковскаго сейма 1543 г. бѣглаго крестьянина никто не могъ принять или выкупить ни за какія деньги,—онъ долженъ быть возвращенъ своему пану вмѣстѣ съ семействомъ и всѣми унесенными пожитками, а всякій дающій ему пріютъ подвергался штрафу.—Исчезли равнымъ образомъ всѣ вольныя крестьянскія общины и потонули въ рукахъ крупныхъ собственниковъ. Нужно признать однако, что не сами поляки изобрѣли неволю, но съ другой стороны нельзя не признать, что въ то время какъ на Западѣ изъ неволи возродилась свобода, въ Польшѣ свобода обращена въ неволю.

Однако германскія аристократическія понятія не могли цѣликомъ укорениться въ Польшѣ; отдѣляясь отъ равноправной общины, польское рыцарство зорко слѣдило за тѣмъ, чтобы отдѣльные его члены не присваивали себѣ больше выгодъ и привиллегій, чѣмъ всѣ остальные члены военнаго сословія, которое только къ своей средѣ относило старо-славянское равенство и усваивало германскія аристократическія понятія только по отношенію къ невоеннымъ сословіямъ. Такимъ образомъ Польша сложилась въ ту государственную форму, которой польскіе историки даютъ названіе шляхетской демократіи.

Чѣмъ далѣе впередъ, тѣмъ гордость шляхты все больше усиливалась; установилось мнѣніе, что самое рожденіе дѣлаетъ способ-

[1]) Vol. leg., I, f. 29.

нымъ къ пользованію правами и освобождаетъ отъ всѣхъ обязанностей; съ тѣхъ поръ не одна военная слава, но и самая изысканная роскошь должны были отличать шляхту отъ низшихъ слоевъ народа.

Итакъ характерными чертами общественной жизни въ Польшѣ были: равенство между членами шляхетскаго сословія, полное ограниченіе власти избирательнаго монарха и безъусловное господство помѣщика надъ подданными.

Теперь обратимся къ Руси.—Здѣсь установились князья и подвластная имъ дружина. Князьямъ принадлежалъ верховный судъ и вмѣстѣ съ своею дружиной они охраняли край отъ нападеній. Поэтому на Руси установилось государство, которое не было королевствомъ, но федераціей многихъ княжествъ, въ которыхъ вліяніе земства брало перевѣсъ надъ значеніемъ князя и не разъ случалось, что князь принужденъ былъ отказываться отъ своего стола, хотя-бы и противъ воли, если не удовлетворялъ требованіямъ земства.

Въ противоположность Польшѣ Русь имѣла демократическое устройство. Эти признаки и понынѣ отличаютъ поляка отъ русскаго и вотъ почему между поляками трудно найти искреннихъ демократовъ.

На Руси не было извѣстно различіе правъ земскихъ и городскихъ, все населеніе было свободно и каждая община имѣла своихъ выборныхъ представителей. Между князьями былъ старшій, великій князь, которому младшіе—удѣльные князья должны были повиноваться. Не всегда однако подчинялись они великому князю, имѣвшему резиденцію въ Кіевѣ, и не одинъ изъ нихъ пытался достигнуть его стола безъ всякихъ правъ на то. Отсюда возникаютъ между князьями несогласія и войны и подъ знаменами этихъ князей русскіе шли противъ русскихъ. Поэтому раздробленная Русь не была въ состояніи оказывать вѣскій отпоръ изнутри при внѣшнихъ столкновеніяхъ. Въ такое-то время вторглись изъ Азіи татары, побѣдившіе князей и ихъ дружину. Правда, при татарскомъ господствѣ все было обложено тяжелыми налогами, но кромѣ даней, собираемыхъ баскаками, народонаселеніе Руси не знало другихъ ограниченій, такъ какъ баскаки не мѣшались въ дѣла внутренняго управленія. Татары п[illegible] также существовавшаго на Руси политическаго строя; вт[illegible], какъ и прежде, Русь управлялась потомками

Владиміра св. Православная религія оставалась неприкосновенной и ханы даже освободили русское духовенство отъ подушной подати, а церковныя имущества обезпечивались отъ всякихъ притѣсненій. Придавленное при князьяхъ общинное право снова поднялось и усилилось на столько, что впослѣдствіи могло уже давать отпоръ каждой силѣ. На этомъ правѣ опирается вся исторія нашего народа, на немъ-же должна основываться и его будущность.

Свѣтскія лица, міряне выбирали съобща духовныхъ лицъ для замѣщенія приходовъ, архимандрій и епископскихъ каѳедръ и всѣ важныя церковныя дѣла рѣшались на соборахъ вмѣстѣ съ духовенствомъ по общему совѣту. Поэтому во время татарской неволи русская церковь сдѣлалась не орудіемъ въ рукахъ князей, но святою братскою связью для народонаселенія Руси и общимъ народнымъ достояніемъ.

Въ то время, какъ татары раздѣлились на нѣсколько ордъ и обезсилили вслѣдстіе междоусобныхъ войнъ, Литва подчинила своему господству всю русскую землю отъ Нѣмана до Чернаго моря. Съ этого времени Литовское Княжество слагалось, за малыми исключеніями, изъ чисто русскихъ земель. Сверхъ того между Москвой, Польшей и Турціей простирались неизмѣримыя пустынныя степи, такъ что ни одно изъ этихъ государствъ не знало, гдѣ оканчиваются его границы въ ту сторону. Червоная Русь подверглась завоеванію Польши.

Литва была краемъ малолюднымъ и непросвѣщеннымъ, поэтому побѣдители подчинились вліянію русской культуры въ отношеніи языка, вѣроисповѣданія и обычаевъ. Поселившись между литвинами, русскіе внесли сюда свой языкъ и культуру, такъ что съ теченіемъ времени почти вся Литва безъ принужденія говорила, писала и молилась по русски; языкъ русскій сдѣлался господствующимъ при дворѣ великихъ князей литовскихъ и оффиціально-административнымъ. Литва почти цѣликомъ ассимилировалась съ Русью, весь край отъ Нѣмана до Чернаго моря сталъ русскимъ.

Совсѣмъ инымъ было положеніе вещей въ Польшѣ; сюда не достигали татары и не подавили той силы, исполненной гордости и самомнѣнія, которая оскорбляла исконное общинно-славянское право. Такой силой сдѣлались въ Польшѣ паны, богатая шляхта, поступавшая своевольно по отношенію къ сельскимъ общинамъ.

Польскіе короли, какъ мы уже видѣли, замѣчая перевѣсъ шляхты надъ народомъ, становились сперва на сторону народа и до извѣстнаго времени не давали его во власть пановъ, которые напротивъ добивались того, чтобы въ польской землѣ не было иной воли и инаго права, кромѣ панскаго. Эту волю и это право вельможная шляхта распространила и на Червоную Русь.

Польскому шляхетскому сословію соотвѣтствовало вообще на Руси сословіе бояръ. Въ литовской Руси отношенія сложились своеобразно. Великіе князья литовскіе, разсматривая всю территорію какъ свою личную собственность, раздавали земли на ленномъ правѣ то большими удѣлами второстепеннымъ князьямъ литовскимъ и русскимъ, то меньшими участками—земянамъ, потомкамъ дружинниковъ русскихъ князей, или рыцарямъ литовскимъ и чужеземнымъ, состоявшимъ у нихъ въ военной службѣ; наконецъ раздавали землю свободнымъ сельскимъ и городскимъ общинамъ и свободнымъ земледѣльцамъ подъ однимъ и неизмѣннымъ условіемъ военной службы пропорціонально размѣрамъ полученной земли. Въ свою очередь второстепенные князья раздавали полученную землю на такихъ-же точно условіяхъ земянамъ и боярамъ; наконецъ и земяне имѣли своихъ бояръ, обязанныхъ отбывать въ ихъ пользу военную повинность. Такимъ образомъ рыцарское сословіе Великаго Княжества Литовскаго представляло цѣлую градацію ленниковъ, зависѣвшихъ другъ отъ друга и стоявшихъ на различныхъ ступеняхъ феодальныхъ отношеній къ центральной власти.

Форма феодальная не была однако установлена въ Литвѣ въ отношеніяхъ бояръ къ ихъ подданнымъ. Между тѣмъ какъ высшіе слои военнаго сословія по праву рожденія, общественному значенію и размѣрамъ своихъ поземельныхъ владѣній становились почти на равнѣ съ великимъ княземъ, низшіе слои незамѣтно сливались съ свободными земледѣльцами и городскими жителями. Отношенія военнаго сословія къ крестьянскому въ Литвѣ представляли не менѣе рѣзкое отличіе отъ польскаго строя. Подданные Великаго Княжества Литовскаго не были подавлены цѣлымъ рядомъ враждебныхъ для нихъ юридическихъ постановленій, какъ это было въ Польшѣ.

Мы знаемъ изъ исторіи, что крестьяне на Руси въ удѣльный періодъ не сдѣлались собственностью пановъ вмѣстѣ съ землею; они образовали сословіе свободныхъ земледѣльцевъ и по крайней

мѣрѣ имѣли право перехода съ мѣста на мѣсто и могли селиться тамъ, гдѣ находили болѣе выгоднымъ для себя. Строй этотъ удержался и при татарскомъ господствѣ. Литовско-русская аристократія сама еще недавно возникла и поэтому не имѣла времени образовать изъ себя организованное сословіе; ея отношеніе къ подданнымъ, до времени изданія Литовскаго Статута, не было даже опредѣлено закономъ и слагалось подъ вліяніемъ обычаевъ, преданій и мѣстныхъ договоровъ. По первоначальной редакціи Литовскаго Статута подданные князей и бояръ освобождались отъ подушнаго и другихъ податей, за исключеніемъ работъ при укрѣпленіи замковъ, поддержкѣ дорогъ и мостовъ. Вообще, до самой люблинской уніи положеніе крестьянъ въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ было свободнымъ.

Изъ всѣхъ категорій литовско-русскаго подданства одна только несвободная челядь, образовавшаяся изъ военноплѣнныхъ, находилась въ такомъ безправномъ положеніи, какое въ Польшѣ тяготѣло надъ всею массою земледѣльческаго люда. Но уже послѣ люблинской уніи три раза въ продолженіи шестидесяти лѣтъ измѣнялась редакція Литовскаго Статута, каждый разъ не въ пользу подданныхъ, пока наконецъ они не были совершенно уравнены съ польскими крестьянами.

Сравнивая литовско-русскій строй съ польскимъ, мы видимъ, кромѣ различія въ вѣроисповѣданіи, еще слѣдующія различія между двумя государствами:

1) Неограниченность наслѣдственной монархической власти.

2) Неравенство между боярами.

3) Отсутствіе границъ между сословіемъ бояръ и другими свободными сословіями.

Таковы были отличія между Польшею и Литвою въ моментъ объединенія ихъ подъ властью одного государя; они объясняютъ намъ почему, со времени вступленія Ягайла на польскій престолъ въ 1386 г., потребовалось цѣлыхъ 183 года на подготовленіе люблинской уніи.

Поляки, какъ мы уже видѣли, усвоили цивилизацію Запада, напротивъ того вѣроисповѣданіе, науки и искусства на Руси распространялись съ Востока—изъ Византіи, стоявшей въ то время въ полномъ разцвѣтѣ высокой культуры. Такія разнородныя вліянія на развитіе руси и поляковъ увеличивали все больше и больше

первоначальныя различія во взглядахъ и направленіи этихъ народовъ; чтобы сдѣлать возможнымъ ихъ сліяніе, прежде всего необходимо было всѣ указанныя различія устранить, или сгладить такъ или иначе.

IV.

Посадивши Ягайла на польскій престолъ, поляки замѣтили, что раздробленная Русь держится сама собою вслѣдствіе религіознаго единенія, и думали, что господство ихъ надъ Литвою и Русью не будетъ прочнымъ до тѣхъ поръ, пока литовско-русскій народъ будетъ исповѣдывать одну вѣру съ московскою Русью. Лучшимъ средствомъ къ объединенію польскаго народа съ русскимъ, къ которому стремились всѣ уніи: городельская, люблинская и брестская, польское духовенство считало замѣну православной вѣры католическою, такъ какъ Польша опиралась на католицизмъ. Повсемѣстное распространеніе латинскаго обряда казалось полякамъ и ихъ духовенству самымъ успѣшнымъ средствомъ, чтобы порвать связь между южной и сѣверной Русью.

Ягайло, сынъ Ольгерда и православной княжны Юліаны тверской, былъ окрещенъ въ православіе подъ именемъ Якова, но по желанію поляковъ крестился вторично по латинскому обряду и принялъ имя Владислава, обѣщая при этомъ присоединить къ Польшѣ Литву и Русь и склонить ихъ къ принятію католицизма. Принятая поляками миссія латинизма выступаетъ гораздо рельефнѣе при этомъ монархѣ, теперь сталкиваются два противуположныя теченія: польское аристократическое и демократическое русское и начинаютъ между собою вѣковую борьбу.

Тотчасъ послѣ коронаціи Ягайло поспѣшилъ въ Литву, чтобы тамъ крестить язычниковъ, а когда ихъ не стало (по словамъ Шайнохи, въ изслѣдованіи «Ягелло и Ядвига», ихъ было всего 30 тысячъ, остальные были христіанами по восточному обряду), то старались и православныхъ жителей вторично крестить по латинскому обряду. Въ Литвѣ издавна происходила дѣятельная христіанская пропаганда съ двухъ сторонъ: католическаго Запада и православной Руси; литовскіе князья не запрещали доступа въ страну

ни католическимъ, ни православнымъ проповѣдникамъ; однако суровыя войны съ тевтонами, которые мечемъ водворяли католицизмъ, отталкивали отъ него литовцевъ. Гораздо легче распространялось православіе, тѣмъ болѣе, что самая значительная часть Великаго Княжества Литовскаго состояла изъ русскихъ земель.

Желая доставить перевѣсъ католическому вѣроисповѣданію, Ягайло издаетъ распоряженіе, по которому только тѣ шляхтичи Великаго Княжества Литовскаго, которые принадлежатъ къ римской церкви, могутъ пользоваться правами польской шляхты; запрещаетъ браки между католиками и православными и не допускаетъ послѣднихъ къ государственной службѣ [1]). Возвращаясь въ Польшу, Ягайло назначилъ своимъ намѣстникомъ въ Литвѣ брата своего Скиргайла въ 1387 г.

Глубоко обиженные преслѣдованіемъ ихъ религіи Ягайломъ, православные жители Великаго Княжества Литовскаго обращаются къ его двоюродному брату Витовту, скрывавшемуся въ Пруссіи. Витовтъ явился въ Литву съ войскомъ прусскихъ рыцарей и осадилъ Вильну. Наконецъ Ягайло, утомленный борьбою, согласился уступить Литву Витовту съ титуломъ великаго князя въ 1392 г. При этомъ однако поляки и литовцы обязывались совѣщаться взаимно при выборѣ правителей, не начинать войны другъ безъ друга и собираться для совмѣстнаго обсужденія общихъ дѣлъ. Тогда сдѣлалось ясно, какое важное значеніе имѣло объединеніе Литвы и Руси съ Польшею, потому что только общими силами имъ удалось уничтожить силы крестоносцевъ подъ Грюнвальдомъ въ 1410 г. и удерживать въ теченіи многихъ лѣтъ нѣмецкое *Drang nach Osten*.

Часто ссылаются на городельскій договоръ 1413 года, которымъ будто-бы вполнѣ обезпечивались русской шляхтѣ тѣ-же самыя права и привиллегіи, какими пользовалась польская шляхта; но объ этомъ лучше всего свидѣтельствуютъ соотвѣтственные параграфы уніи 1413 года:

2) Литовскимъ католическимъ костеламъ сохраняемъ вольности польскихъ костеловъ.

3) Шляхта и бояре католическаго исповѣданія допускаются къ гербамъ польской шляхты, дѣлятъ съ нею ея привиллегіи и вольности.

[1]) Dlugosz, t. XI, str. 338; I. S. Bandke, str. 35, 37.

6) Дочерей своихъ обязаны отдавать замужъ только за католиковъ.

8) Каждый сановникъ или какой-бы то ни было земскій чиновникъ долженъ быть католикомъ; королевскія имѣнія могутъ раздаваться только однимъ католикамъ.

Права и привиллегіи, даваемыя литовцамъ, ставили необходимымъ условіемъ принадлежность къ католической религіи и устраняли русскихъ «схизматиковъ». Поэтому ссылаться на городельскую унію значитъ тоже, что предлагать русскимъ: здѣлайтесь католиками (поляками), инаго примиренія съ вами не можетъ быть.

Будучи самъ католикомъ, Витовтъ не преслѣдовалъ однако восточной церкви; онъ задумалъ создать отдѣльное государство изъ Литвы и Руси и стремился къ тому, чтобы получить его корону, но въ этомъ ему помѣшали поляки.

По смерти Витовта великимъ княземъ литовскимъ сдѣлался Свидригайло, который симпатизировалъ православнымъ, но поляки, составивши противъ него заговоръ, посадили на его мѣсто Сигизмунда Кейстутовича, ревностнаго католика. Этотъ послѣдній, актомъ 15 октября 1432 г., признаетъ себя ленникомъ Ягайла, обезпечиваетъ послѣ свой смерти возвращеніе Литвы королю или его наслѣдникамъ и отрекается отъ своихъ правъ на Подоліе, Луцкъ, Владиміръ, Городло, Ратну, Олескъ и Лопатинъ, какъ принадлежащіе къ Польшѣ. Отсюда продолжительныя пререканія между Польшею и Литвою за Волынь и Подоліе. Легко понять сильную симпатію поляковъ къ литовской Руси—они льнули къ Руси, какъ пчелы къ меду.

Сигизмундъ былъ убитъ русскими за преслѣдованіе ихъ вѣры. Ягайло отбиралъ русскія церкви, которыя обращалъ въ костелы, какъ напримѣръ въ Перемышлѣ [1]); строилъ такъ-же на Руси новые костелы, надѣлялъ ихъ имѣніями, раздавалъ католикамъ земли и уряды, основывалъ на Руси города и села, которыя населялъ поляками, и давалъ имъ привилегіи. Тогда-то появилось на Руси такъ называемое магдебургское право, дававшее различныя льготы, вводившее самосудъ и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣленіе городскихъ купцевъ и ремесленниковъ на цехи; этимъ правомъ надѣлялись по преиму-

[1]) I. Długosz, lib., XI, pag. 334.

честву новые города, заселенные католиками. Такимъ образомъ жители западной Руси распадались на привилегированныхъ и непривилегированныхъ—послѣдними были православные аборигены русскихъ земель.

Видя свои права попранными, русская шляхта собралась во Львовъ, куда прибылъ Ягайло, и просила его прекратить преслѣдованіе русской церкви и насильственное распространеніе католицизма. Передъ лицемъ русской шляхты король Ягайло обѣщалъ не опустошать церквей и никого насильственнымъ образомъ не привлекать къ латинской вѣрѣ [1]), но не смотря на это православные исключались отъ занятія должностей. Во время пребыванія Ягайла во Львовѣ паны малопольскіе получили обширныя пожалованія въ русской землѣ: такъ Ясько изъ Тарнова получилъ званіе намѣстника Руси вмѣстѣ съ огромными помѣстьями, Спытекъ изъ Мельштына самборскій округъ, Петръ Калита Дубѣцко, Тарло изъ Щекоржевичъ стрыйскій округъ и т. д.; князь мазовецкій получилъ белзскую землю, а Димитрій Горайскій холмскую [2]). Въ тоже время русскіе подъ всякими предлогами вытѣснялись изъ своихъ помѣстій, а имущество ихъ конфисковалось. Такъ напримѣръ всѣхъ русскихъ, не желавшихъ на свой счетъ помогать нѣмецкому императору противъ турокъ, Ягайло приказалъ заключить въ тюрьму и конфисковать ихъ имѣнія [3]). Тоже самое дѣлалось и позже подъ различными предлогами [4]). Много русской шляхты увели въ неволю татары въ 1438 и 1456 годахъ, но еще больше погибло въ войнахъ съ турками и татарами [5]).

Даже измѣны допускались по отношенію къ Руси. Такъ при Казимірѣ IV польская шляхта пригласила русскую на совѣщаніе въ Перемышль и тамъ арестовала русскихъ и причиняла имъ различныя насилія [6]). Не удивительно потому, что среди русской шляхты, часть которой погибла въ войнахъ, а другая обѣднѣла, нашлось значительное число людей слабо - характерныхъ, прини-

[1]) Moraczewski, ks. 9, str. 203.

[2]) Szujski, II, str. 12.

[3]) Kromer, ks. XX, r. 1426, str. 380. Długosz, ks. XI, str. 494

[4]) Długosz, ks. XI, rok. 1441.

[5]) Długocz, ks. XII, str. 706 i 213.

[6]) Kronika lit. Narbuta, Wilno, 1846, str. 57.

мавшихъ католичество для сохраненія жизни и имущества. Такимъ образомъ Червоная Русь колонизовалась польскою шляхтою.

Мы уже упоминали выше, что еще при Владиславѣ Опольскомъ созданы на Руси цѣлыхъ четыре епископства для католиковъ, которыхъ здѣсь почти не было; когда-же при Ягайлѣ упразднена русско-галицкая митрополія въ 1414 году, русскіе этой діоцезіи не получили ни одного епископа до 1539 г. За это время митрополитанскія имѣнія перешли въ руки свѣтскихъ лицъ, которымъ галицкіе старосты довѣряли такъ-же юрисдикцію надъ духовенствомъ греческаго обряда [1]). Мало по малу ополяченіе въ Червоной Руси охватило всѣ высшіе слои народонаселенія. Болѣе вліятельные и зажиточные люди шляхетскаго сословія перешли въ католичество и только почти исключительно простые селяне удерживали вѣру, языкъ и обычаи предковъ. Общинное русское право сохранялось въ теченіи столѣтій только въ нѣкоторыхъ обычаяхъ простаго люда. Распространивши свою цивилизацію далеко вдоль Карпатъ до самаго Покутья, Польша хотѣла такъ-же поступить и съ литовскою Русью.

Щедрый Владиславъ Ягайловичъ, идя по слѣдамъ отца, раздавалъ выпрашивавшимъ у него польскимъ панамъ цѣлыя земли и повѣты русскіе съ титуломъ старостъ, воеводствъ и т. д.—Въ царствованіе этого короля возвратился съ флорентинскаго собора кіевскій православный митрополитъ Исидоръ, принявши тамъ унію. Поляки дѣлаютъ ему торжественный пріемъ въ надеждѣ, что теперь имъ удастся задуманное дѣло сліянія двухъ народовъ въ одинъ. Въ изданной имъ грамотѣ Владиславъ уравниваетъ оба исповѣданія въ правахъ и привилегіяхъ, потому что теперь, какъ онъ выражается, восточная церковь соединилась съ западною. Объединеніе церквей въ то время означало признаніе папы главою вселенской церкви, другаго значенія оно не имѣло; унія въ смыслѣ особаго, средняго католическаго исповѣданія еще не была извѣстна. Однако и въ такомъ видѣ унія не принялась на Руси.

Въ свою очередь Литва настойчиво усиливалась сохранить свою обособленность и своихъ собственныхъ отдѣльныхъ отъ Польши великихъ князей, которые обыкновенно избирались изъ сыновей

[1]) Acta terrestria haliciensia.

короля; наоборотъ поляки, желая соединить Литву съ Польшей, выбирали себѣ въ короли великихъ князей литовскихъ. Такимъ образомъ польскій король становился владыкою обоихъ государствъ, отъ чего все больше и больше нарушалось самоуправленіе Руси и русскій народъ терялъ политическое значеніе.

Въ правленіе Казиміра Ягайловича окончательно устроилась на Петроковскомъ сеймѣ 1446 г. репрезентація польскаго народа, т. е. собсвенно шляхты, которая одна только и признавала себя народомъ.

Католическіе епископы, высшая шляхта и министры образовали первую ступень общественной іерархіи, родъ высшей палаты или сенатъ. Депутаты отъ низшей шляхты представляли вторую ступень, низшую палату. О третьемъ сословіи не было и помину: городовъ было мало, да и тѣ были незначительны; мѣщанинъ въ Польшѣ оставался въ пренебреженіи, а крестьянинъ былъ безправнымъ.

Передъ началомъ сеймовъ собирались повѣтовые сеймики, на которыхъ выбирали депутатовъ и составляли для нихъ инструкціи, такъ что депутатъ уподоблялся мѣшку, который везетъ все, что въ него положено. Весело проводилось время на сеймикахъ: вельможные паны высылали сюда сотни возовъ съ живностью и напитками; «паны братья» ѣли и пили, танцовали при панской музыкѣ, но и дѣлали то, чего хотѣлось пану. Депутаты получали отъ пановъ содержаніе и подарки, за что обязывались вести переговоры и дѣйствовать въ ихъ пользу. Никого это не стѣсняло, хотя всѣ знали о томъ, что все было продажнымъ. Послѣ окончаніи главныхъ сеймовъ наступали реляційные сеймики, на которыхъ послы сдавали отчеты въ своихъ дѣйствіяхъ.

Что касается шляхты, то шляхетская конституція дѣлала каждаго пана королемъ въ миніатюрѣ. Знатные содержали на своихъ дворахъ многочисленные вооруженные отряды, какъ маленькіе короли, каждый изъ нихъ поступалъ какъ удѣльный князь; вообще паны на Украинѣ не признавали надъ собою никакого контроля; каждый панскій домъ, какъ напримѣръ князя Острожскаго, былъ государствомъ въ государствѣ. Такимъ путемъ образовался рядъ монархій, изъ которыхъ одна съ королемъ во главѣ—раздавателемъ королевскихъ имѣній, называлась Рѣчью Посполитой, остальныя

принадлежали мелкимъ королямъ, которые также окружали себя вассалами, мелкою шляхтой. Сверхъ того каждый городъ, надѣленный магдебурскимъ правомъ, назывался городскою республикой, а козаки даже среди сословій, засѣдавшихъ на сеймѣ, назывались козацкой Рѣчью Посполитой.

Поэтому Рѣчь Посполитая польская не была ни королевствомъ, ни республикой, она была собраніемъ монархій и республикъ, существующихъ другъ подлѣ друга, при чемъ ни одна изъ нихъ не имѣла права вмѣшиваться въ дѣла другой. Такъ напримѣръ, когда въ 1596 г. уніятскіе епископы просили Сигизмунда III, чтобы никто не обращалъ уніятскихъ церквей въ латинскіе костелы, король нашелся вынужденнымъ отвѣтить: «мы запретимъ это въ королевскихъ имѣніяхъ, но не можемъ этого сдѣлать въ имѣніяхъ шляхетскихъ». Среди такихъ отношеній все болѣе и болѣе падало значеніе короля, падалъ угнетенный народъ, слабѣла оборона края, а сама Польша распалась на множество мелкихъ государствъ, которыя всего меньше заботились о цѣлости отечества.

Такъ развивалась при Ягеллонахъ польская конституція и съ теченіемъ времени достигла высшаго своего могущества. Преобладаніе шляхты не знало границъ; въ непрерывной борьбѣ съ королевскою властью шляхта мало по малу отняла у этой власти всѣ права и присвоила ихъ себѣ. Для шляхты была невыносима не только власть, происходившая отъ одной особы (короля), но въ равной мѣрѣ становилась она невыносимою и тогда, когда исходила отъ цѣлаго народа. Реляційные сеймики не разъ отвергали постановленія сеймовъ, а любой повѣтъ считалъ себя въ правѣ не подчиняться закону, установленному по волѣ цѣлаго народа.

Великій князь литовскій Казиміръ Ягайловичъ, воспитанный въ Литвѣ, любилъ этотъ край и въ немъ проживалъ по большей части, поэтому онъ симпатизировалъ русскимъ подданнымъ, уважалъ права и обычаи Руси и пользовался такой популярностью, что даже новгородская республика склонялась къ связи съ Литвой. Случилось это главнымъ образомъ вслѣдствіе того обстоятельства, что Казимиръ дипломомъ, выданнымъ на виленскомъ сеймѣ 1447 года, уничтожилъ несправедливое постановленіе городельскаго съѣзда и призналъ равноправность обоихъ народовъ, какъ литовцевъ, такъ и русскихъ, безъ различія вѣроисповѣданія.

Тотъ-же Казиміръ Ягайловичъ, будучи великимъ княземъ литовскимъ, присягалъ литовцамъ, что не отдастъ полякамъ Волыни и Подолія и даже долгое время медлилъ съ принятіемъ польской короны; однако впослѣдствіи, уже какъ король польскій, онъ низводитъ кіевское удѣльное княжество на степень кіевскаго воеводства.

Слѣдствіемъ перемѣны въ отношеніяхъ Польши къ Литвѣ и и Руси было то, что уже при Казимирѣ IV, правнукѣ Ольгерда, князья Трубецкіе и затѣмъ Ольшанскій, Бѣльскій, Олельковичъ и потомки Владиміра св. князья Одоевскіе и Воротынскіе, вмѣстѣ со своими удѣлами въ Сѣверской землѣ, добровольно переходятъ въ подданство Москвы. Исторія этого короля весьма поучительна: пока онъ былъ справедливымъ по отношенію къ Руси, до тѣхъ поръ самъ Великій Новгородъ склонялся къ Литвѣ, но съ наступленіемъ польскаго господства начинаютъ отпадать и русско-литовскія земли. Поляки однако не поняли этого урока и непріязненное отношеніе къ этому королю мотивировали тѣмъ предлогомъ, что онъ больше симпатизируетъ Литвѣ, нежели Польшѣ [1]).

Въ правленіе Казиміра IV произошла крупная перемѣна въ католической церкви: право назначенія епископовъ и другихъ церковныхъ сановниковъ переходитъ отъ папы къ королю. Съ того времени должности эти получали не тѣ, которые были болѣе достойны, а приближенные короля, или имѣвшіе покровителей при дворѣ. По словамъ нунція Висконти, въ Польшѣ встрѣчались епископы, не понимавшіе даже значенія слова епископъ. Такіе іерархи занимались свѣтскими дѣлами, предавались развлеченіямъ, содержали вооруженные отряды, съ которыми производили заѣзды на сосѣдей, а исполненіе духовныхъ обязанностей поручали за извѣстное вознагражденіе своимъ намѣстникамъ. Неудивительно поэтому, что подобные епископы оказались впослѣдствіи склонными къ реформаціи. Съ теченіемъ времени право патроната надъ приходами также переходитъ въ руки шляхты.

Послѣ того, какъ церковная унія не удалась при митрополитѣ Исидорѣ, католики возвратились къ прежнему плану распространенія своего исповѣданія въ Литвѣ и на Руси: они прямо начинаютъ принуждать православныхъ къ принятію католичества. Теперь снова,

[1]) Bandke, II, str. 75.

какъ и во времена Ягайла, русскихъ принуждаютъ вторично креститься по латинскому обряду, такъ что даже папа принужденъ былъ удерживать поляковъ, чтобы не прямо крестили въ католичество, а только постепенно склоняли православныхъ къ уніи. Въ этомъ и нужно искать причины, почему въ правленіе короля Александра города: Черниговъ, Гомель, Любечъ, Новгородъ-Сѣверскъ, Путивль, Мценскъ, Серпейскъ и Рыльскъ, вмѣстѣ съ своими князьями, боярами и остальными жителями, отдѣлились отъ Великаго Княжества Литовскаго и подчинились Москвѣ.

V.

Лучшія времена наступуютъ для Польши въ царствованіе Сигизмунда I. Въ продолженіи всей своей жизни король этотъ не преслѣдовалъ иновѣрцевъ, хотя сторонники папы сильно настаивали на томъ. Противнику Лютера, Эку, желавшему вооружить короля противъ лютеранъ, Сигизмундъ I отвѣчалъ: «Позволь мнѣ быть королемъ овецъ и козлицъ». При раздачѣ наградъ и должностей король не смотрѣлъ на вѣроисповѣданіе, а только на заслуги. Однако отдачею троцкаго воеводства весьма заслуженному князю Константину Ивановичу Острожскому онъ такъ возстановилъ противъ себя польскую шляхту, что въ 1522 издана въ Гроднѣ конституція, въ силу которой такія званія могутъ даваться только литовцамъ, исповѣдывающимъ римско-католическую вѣру. Въ 1507 г. король Сигизмундъ I дастъ католическимъ епископамъ въ Червоной Руси право назначать себѣ намѣстниковъ изъ духовнаго или свѣтскаго званія, которые обязывались осматривать русскія синагоги (такъ названы русскія церкви), наказывать и исправлять священниковъ [1]).

Желая обезпечить спокойствіе со стороны татаръ на время войны съ Москвою, Сигизмундъ I платилъ ежегодно сыновьямъ Менгли-Гирея 15,000 дукатовъ; но когда и это не помогло, онъ заключилъ миръ съ султаномъ Солиманомъ II, который обязался

---

[1]) Liber privilegiorum capituli Leopoliensis, ч. I, № 4. p. 49. Metryka koronna, 23, str. 307.

удерживать татаръ отъ нападеній на Польшу. Въ видахъ болѣе успѣшнаго обезпеченія своихъ границъ, Сигизмундъ I обратилъ вниманіе на козаковъ, составлявшихъ живой оплотъ со стороны Крыма, потому что въ то время козаки еще не безпокоили Польши, не испытывая притѣсненій со стороны ея правительства.

Здѣсь слѣдуетъ прибавить, что старый король дважды возвращалъ городскихъ пословъ, изгнанныхъ изъ сейма въ 1533 и 1545 годахъ... Паны признали за собою права сеніоріальнаго суда надъ крестьянами съ правомъ смертной казни; мы не находимъ этого въ законодательствѣ, но такъ происходило на дѣлѣ въ силу обычнаго права [1]. Король хотѣлъ защитить крестьянъ, но не могъ.

Духъ истинной вѣротерпимости и свободы совѣсти усилился въ царствованіе Сигизмунда-Августа II. То было время реформаціи, когда иновѣрчество такъ быстро распространилось въ Польшѣ, что въ сенатѣ, кромѣ католическихъ епископовъ, всѣ почти сенаторы за малымъ исключеніемъ были диссиденты. Такое положеніе дѣлъ не позволяло и думать о распространеніи католичества на Руси, нужно было заботиться о сохраненіи его въ Польшѣ. Реформація въ Польшѣ возникла изъ принциповъ охраны шляхетскихъ вольностей. Епископы побуждали короля къ изданію эдиктовъ, направленныхъ противъ диссидентовъ; въ тоже время магнаты, объятые духомъ гражданской свободы, брали подъ свое покровительство исповѣдниковъ новаго ученія и даже нѣкоторые епископы открыто становились противъ римской церкви. Диссидентизмъ входитъ въ моду, становится доказательствомъ прогресса; каждый панъ желаетъ принадлежать къ какой нибудь сектѣ, но такъ какъ моды быстро смѣняются, то и не удивительно, что реформація въ Польшѣ такъже быстро упала, какъ и развилась. Духъ вѣротерпимости благопріятствовалъ соединенію двухъ народовъ, но требовалось еще много времени и продолжительная подготовка, чтобы слить эти два народа въ одно политическое тѣло.

Цѣлью сліянія Литвы съ Польшей было то, чтобы соединенными силами отражать внѣшнихъ непріятелей и своимъ общеніемъ взаимно способствовать политическому значенію обоихъ госу-

---

[1]) Hist. T. Wagi, str. 138, 184.

дарствъ [1]). Морачевскій [2]) идетъ дальше, называя соединеніе Польши съ Литвою и Русью скорѣе номинальнымъ, чѣмъ реальнымъ договоромъ о вѣчномъ мирѣ, направленнымъ противъ преобладанія ордена крестоносцевъ.

На основаніи федеративной связи каждое изъ соединенныхъ государствъ должно было сохранить главныя условія политической независимости, а именно: самостоятельную территорію, особые законодательные органы и вмѣстѣ съ тѣмъ отдѣльную судебную и административную власть.

Такъ было и на самомъ дѣлѣ. Литовскія и русскія земли были точно отграничены отъ земель польскаго королевства и, какъ мы уже видѣли, великіе князья литовскіе правили ими самостоятельно.

По смерти Витовта великимъ княземъ сдѣлался братъ его Сигизмундъ, а когда онъ былъ убитъ, на престолъ литовскій вступилъ братъ Владислава III, Казиміръ IV, сдѣлавшійся вскорѣ послѣ того польскимъ королемъ. Послѣ его смерти (1492 г.) Литва и Польша еще разъ получаютъ особыхъ государей; одинъ изъ сыновей Казиміра, Янъ-Альбрехтъ, былъ польскимъ королемъ, другой Александръ великимъ княземъ литовскимъ. Но со времени вступленія Александра на польскій престолъ Литва уже больше не получала отдѣльнаго князя, оба государства съ тѣхъ поръ имѣютъ постоянно только одного властителя.

Отдѣленная отъ Литвы и Руси прочными границами, благодаря усиліямъ литовско-русскихъ пановъ, Польша въ глазахъ литовско-русскаго народа была чужимъ краемъ; поляковъ считали людьми заграничными, чужеземцами, отъ чего они, на равнѣ съ другими иностранцами, не могли получать никакихъ государственныхъ должностей въ Литвѣ и Руси и не имѣли права владѣть здѣсь поземельной собственностью, какъ то было повторено еще на сеймѣ Брестскомъ въ 1544 г. Женщинъ высшаго сословія, выходившихъ замужъ въ Польшу, статутъ литовскій лишалъ права наслѣдства послѣ ихъ родственниковъ. Во время пріѣзда короля въ Литву или Русь, всѣ польскіе чиновники изъ его свиты должны были оставаться на границѣ; если-же вступали въ предѣлы Вели-

---

[1]) Vol. leg., t. I, pag. 60—288.

[2]) Dzieje królestwa polskiego, II, 181.

каго Княжества, то считались иностранцами и гостями и не имѣли права вмѣшиваться въ политическія дѣла [1]). Эти преграды упали только послѣ люблинской уніи. Отсюда видно, что, заключивши федеративную связь съ Польшей, Литва и Русь сохраняли свою политическую независимость, имѣли свою отдѣльную территорію и особую внутреннюю администрацію.

Предвидя пагубныя послѣдствія болѣе тѣснаго объединенія обоихъ государствъ, паны литовско-русскіе охраняли такое положеніе дѣлъ и старались противодѣйствовать политическимъ видамъ польскаго правительства. Еще въ 1526 г. они просили Сигизмунда I короновать его сына литовскимъ королемъ единственно для того, чтобы поднять это княжество на степень королевства, въ той мысли, что королевство не можетъ слиться съ королевствомъ и между ними останется только федеративная связь. Однакожъ поляки были другаго мнѣнія. Какъ теперь говорятъ они: «нѣтъ Польши безъ Литвы и Руси», такъ и прежде думали и заботились о томъ, чтобы Литва и Русь когда-нибудь не отдѣлились, особенно при бездѣтности Сигизмунда-Августа. Съ нимъ прекратилась династія Ягелловъ, служившая политической связью между Литвою и Польшей; въ будущемъ угрожала опасность расторженія этой связи. Польско-католическая партія удвоила свои усилія, чтобы прочно соединить между собою эти два государства [2]). Однако эта партія встрѣтила большія препятствія со стороны литовскаго канцлера князя Николая Радзивила, ревностнаго протестанта. Не смотря на то поляки все болѣе и болѣе стремятся къ достиженію своей цѣли—привлеченію Руси къ Польшѣ съ помощью различныхъ уній политическихъ и церковныхъ.

Со времени объединенія Литвы съ Польшей при Ягайлѣ до люблинской уніи прошло около двухъ столѣтій. Въ теченіи этого времени поляки прилагали всѣ усилія, чтобы на сколько возможно упрочить связь между этими двумя землями и слить ихъ въ одно нераздѣльное политическое тѣло; но усилія эти встрѣчали постоянную реакцію со стороны Литвы и Руси, опиравшуюся какъ на сознаніи племенной и политической обособленности своего госу-

---

1) Zbiór praw litewskich, str. 45, 405.

2) Ibidem, str. 433.

дарства, такъ и на различія въ характерѣ общественнаго строя, нравовъ, обычаевъ, религіи и языка. Нужно было сгладить эти различія и создать въ Литвѣ партію, для которой было-бы желательнымъ сліяніе съ Польшей.

Правда, сдѣлавшись польскимъ королемъ, великій князь литовскій могъ отречься отъ своего наслѣдственнаго права, своей неограниченной власти и отъ верховнаго права на всю поземельную собственность, что и сдѣлалъ, наконецъ, послѣдній изъ Ягеллоновъ, Сигизмундъ-Августъ II; но не легко было справиться съ магнатами. Эти послѣдніе смотрѣли на шляхетское равенство, какъ на принципъ, который долженъ былъ уничтожить ихъ вліяніе въ краѣ и поставить наравнѣ съ зависѣвшими отъ нихъ земянами и боярами; эти напротивъ видѣли въ уніи расширеніе своихъ правъ, законное уравниваніе въ правахъ съ высшими сановниками и удѣльными князьями и возможность снискать полную независимость, какъ въ отношеніи земельной собственности, такъ и общественнаго положенія, наконецъ надѣялись такимъ путемъ достигнуть значительнаго политическаго вліянія.

При такомъ несогласіи интересовъ литовскихъ пановъ съ одной стороны и бояръ и земянъ съ другой, поляки естественно обратили особенное вниманіе на послѣднихъ и старались подробно ознакомить ихъ съ правами и привилегіями польской шляхты, при каждомъ удобномъ случаѣ расширять ихъ права и помочь имъ сплотиться и создать сильную партію. Такой способъ дѣйствій приняли поляки, начиная отъ городельскаго съѣзда.

Такимъ образомъ и Ягайло, объявляя свое намѣреніе объединить Литву съ Польшей, говоритъ, что задумалъ снять съ литовскихъ бояръ то служебное иго, какое они носили до того времени, и уравнять въ правахъ съ польской шляхтой. На первый разъ онъ разрѣшаетъ боярамъ распоряжаться своими землями и отдавать замужъ дочерей безъ контроля великаго князя. Такимъ образомъ положенъ первый зародышъ литовской шляхты, которая должна была объединить разнородные слои литовскаго боярства.

Итакъ, вслѣдствіе безпрестанной выдачи новыхъ шляхетскихъ дипломовъ, литовская шляхта все болѣе умножается и усиливается, среди нея распространяются польскія шляхетскія понятія, которыя поддерживаются то общими съѣздами, то присоединеніемъ къ Польшѣ

русскихъ земель и поселеніемъ въ нихъ поляковъ и сверхъ того измѣненіемъ литовскаго законодательства на польскій образецъ. Съ того времени Литовскій Статутъ причисляетъ князей, пановъ, шляхту и бояръ къ одному равноправному сословію, точно отдѣляя его отъ крестьянъ.

Между тѣмъ какъ распространялась пропаганда шляхетскаго равенства, представители высшихъ сословій въ Литвѣ заранѣе употребляли мѣры къ тому, чтобы не лишиться своего значенія. Они окружили великихъ князей «Радою», вынудили у Казимира IV обѣщаніе не допускать отторженія земель великаго княжества и не предпринимать ничего важнаго безъ согласія состоявшей при немъ «Рады». Князья Острожскіе, Чарторыйскіе, Глинскіе, Гаштолды, Радзивиллы, Ходкевичи, составляя «Раду», неослабно стоятъ на стражѣ великаго княжества, требуя для Литвы отдѣльнаго князя въ случаѣ избранія предшествующаго князя на польскій престолъ; они предлагаютъ отъ лица земель литовскаго княжества требованія о запрещеніи полякамъ селиться на принадлежащихъ княжеству земляхъ и при каждомъ удобномъ случаѣ оказываютъ стойкое сопротивленіе введенію уніи.

Такимъ образомъ высшіе слои литовскаго народа ведутъ борьбу съ Польшей, однако борьба эта рано или поздно должна была окончиться въ пользу послѣдней. Хотя, вслѣдствіе шляхетскаго равенства, партія эта теряетъ свое преобладающее значеніе, за то съ другой стороны она много выигрываетъ, освобождаясь отъ ленной зависимости по отношенію къ великому князю и сверхъ того получая въ собственность огромныя пространства земель, которыми они до того времени владѣли на основаніи леннаго права. Далѣе, отказываясь отъ права составлять «Раду» великаго князя, партія эта входила въ составъ учрежденія, ограничивавшаго власть монарха, гдѣ получала уже голосъ законодательный вмѣсто совѣщательнаго. Наконецъ, легко было предвидѣть, что равенство для нея останется мертвой буквой, потому что огромныя пространства поземельной собственности и неизмѣримое преобладаніе въ имущественномъ отношеніи должны были дать магнатамъ перевѣсъ надъ массой шляхты; поэтому равенство осталось теперь, какъ и впослѣдствіи не болѣе, какъ пышной фразой.

Послѣ люблинской уніи не вполнѣ ослабѣло вліяніе и значеніе магнатовъ, напротивъ литовскіе княжескіе роды сдѣлались центрами, около которыхъ начинаютъ группироваться знатнѣйшіе роды самой Польши. Толпы равноправной братіи поступали въ ряды слугъ къ богатымъ панамъ, продавая имъ свои голоса на сеймикахъ и сеймахъ, участвуя въ ихъ спорахъ и т. д.

Въ силу этихъ причинъ уменьшалась партія, враждебная уніи. Въ 1569 г. созданъ въ Люблинѣ большой сеймъ изъ представителей обоихъ народовъ. Неохотно однако шли на этотъ сеймъ представители Великаго Княжества Литовскаго, предчувствуя, что тамъ рѣшается дѣло уничтоженія ихъ политической и національной обособленности. Соединеніе Польши и Литвы подъ властью одного государя, какъ мы уже говорили, было федеративнымъ до того времени; поэтому Литва и Русь боролись противъ люблинской уніи, смотря на нее, какъ на централизацію.

Обѣ стороны предложили на сеймѣ свой проэктъ уніи. Поляки требовали полнаго слиянія Литвы съ Польшей въ одно государство, упраздненія выбора отдѣльнаго великаго князя, а также упраздненія отдѣльныхъ сеймовъ, администраціи, монеты и т. п. Правда, сохраненіемъ титула великаго княжества собственной Литвѣ оставлена была какъ-бы тѣнь политической независимости, но за эту мнимую уступку южныя области, т. е. Русь, должны были присоединиться къ Польшѣ.

Съ своей стороны литовцы проэктировали братскій союзъ съ Польшей, свободное избраніе государя для Польши и Литвы, которая, согласно ихъ требованіямъ, должна была удержать свои отдѣльные сеймы, монету, собственное правительство и законодательство, литовцы требовали также, чтобы русскія земли оставались въ составѣ великаго княжества.

Какъ результатъ такихъ противоположныхъ требованій возникаютъ споры между обѣими сторонами, наконецъ литовцы съ протестомъ оставили общій сеймъ.

Чтобы сломить сопротивленіе Литвы, Сигизмундъ-Августъ отрекся отъ своихъ великокняжескихъ правъ надъ нею, а русскія области, до того времени соединенныя съ Литвой, какъ: Подляхія, Волынь, Подоліе, княжество кіевское, черниговское и Украина отторгнуты отъ Литвы и вошли въ составъ Польши въ качествѣ

провинцій. Король грозилъ непокорнымъ отнятіемъ староствъ, а поляки съ своей стороны угрожали, что не будутъ помогать Литвѣ въ войнѣ съ Иваномъ Грознымъ; изъ Подляхіи и Волыни вызваны были урядники, которыхъ противъ воли принудили къ принесенію присяги [1]).

Унія провозглашена въ отсутствіе депутатовъ [2]), и тѣ, которые по принужденію короля соглашались на унію, отталкивали навязанное имъ благодѣяніе уравненія Литвы съ Короной и просили: «оставьте намъ наши права,—вы нашихъ не знаете, а мы вашихъ не понимаемъ и т. д.». Неизвѣстно, чѣмъ-бы кончилось это дѣло, если-бы не вмѣшались два знатнѣйшіе и сильнѣйшіе магната Великаго Княжества Литовскаго или собственно Руси, князь Константинъ Острожскій, кіевскій воевода и главный дѣятель люблинской уніи и волынскій воевода, князь Александръ Чарторыйскій. Они подписали постановленія люблинскаго сейма; за ними подписались ихъ сторонники, а затѣмъ постепенно и всѣ остальные.

Итакъ въ 1569 году преграда, охранявшая Русь отъ ополяченія, была разрушена руками покровителя православія, князя Острожскаго; съ того времени не только Червоная, но и вся остальная Русь подверглась быстрой полонизаціи. Для поляковъ особенно важными были тѣ постановленія уніи, которыя дозволяли имъ пріобрѣтать на Руси земли и занимать государственныя должности.

Такъ закончилось соединеніе Литвы и Руси съ Польшей въ республику на равныхъ правахъ, съ однимъ общимъ сеймомъ и сенатомъ, отчего федеративный характеръ связи между этими государствами замѣнился централизаціоннымъ. Правда, обѣ части сохранили свои правительственные органы: канцлера, подканцлера, маршалковъ, гетмановъ и т. д., однако населеніе Руси требовало для себя такихъ же точно привилегій, какими пользовались поляки, и главными условіями ставило русскій языкъ въ общественныхъ дѣлахъ, свободу православнаго вѣроисповѣданія и полную равноправность. Соединеніе въ смыслѣ централизаціи должно было имѣть пагубныя послѣдствія для обоихъ народовъ. Двѣ сильныя, но въ главныхъ своихъ признакахъ совершенно противоположныя между

---

[1]) Działyński, Dziennik lubelskiego sejmu, pag. 69, 71, 82, 128.
[2]) Józ. Szujski, Dz. P. II, pag. 320.

собою народности, различавшіяся формами управленія, языкомъ и вѣрой, принуждены находиться въ безпрерывныхъ столкновеніяхъ, парализовавшихъ возможное развитіе государства. Съ этого времени ни Русь, ни Польша не знали покоя,—обѣ истощали свои силы во внутренней національной борьбѣ. Достаточно вспомнить, что 20 лѣтъ спустя послѣ люблинской уніи начинаются козацкія возстанія, прекратившіяся только съ паденіемъ Польши.

Каждая централизація есть первый шагъ къ нивелировкѣ обществъ, игнорированіе ихъ историческихъ особенностей. Не подлежитъ сомнѣнію, что извѣстная степень централизаціи военной, финансовой и т. д. необходима для могущества государствъ, но стираніе племенныхъ и областныхъ особенностей подрываетъ его силу, потому что калѣчитъ и связываетъ тѣ народы, которые должны ее двигать и выносить на своихъ плечахъ.

Поучителенъ въ этомъ отношеніи примѣръ Сигизмунда Августа. Онъ желалъ еще ближе соединить два народа, уже сближенные между собою посредствомъ люблинской уніи; но, прослѣдивъ безпристрастно это дѣло, мы видимъ, что вызывалось оно только антагонизмомъ, проявлявшимся до конца Рѣчи Посполитой, въ особенности потому, что поляки не выполнили условій люблинской уніи. Правда, сцентрализованныя Литва и Русь облечены были въ мундиръ все болѣе и болѣе сходный съ польскимъ, однако это не сохранило Польшу отъ упадка, а напротивъ ускорило и произвело этотъ упадокъ. И хотя король утверждалъ въ своихъ декретахъ, что объединеніе произошло по твердой волѣ и добровольному согласію всѣхъ сословій [1]), однако словамъ этимъ противорѣчатъ позднѣйшія королевскія распоряженія. Такъ по закрытіи люблинскаго сейма король принужденъ былъ прибѣгнуть къ угрозамъ; въ прибавленіи къ разосланному королевскому универсалу, которымъ предписывалась форма присяги, значится: «А если кто воспротивится выполненію присяги, у того, какъ сопротивляющагося нашей власти, будемъ конфисковать имѣніе».

Приказано было королевскимъ старостамъ составлять списки всѣхъ присягнувшихъ и тѣхъ, кто отказывался отъ присяги, чтобы король могъ подвергать наказанію непослушныхъ. Однако изъ спис-

---

[1]) Vol. leg. II, pag. 754.

ковъ этихъ видно, что очень много лицъ, принадлежавшихъ къ знатнымъ фамиліямъ, не смотря на угрозы короля, не явились для принесенія присяги.

Нужно замѣтить однако, что люблинская унія относилась только къ шляхтѣ, народъ собственно не имѣлъ въ ней голоса и не принималъ участія.

Польша и ея элементы только послѣ люблинской уніи столкнулись съ народомъ, который поэтому тогда только въ лицѣ своихъ представителей съ оружіемъ въ рукахъ начинаетъ протестовать противъ этой уніи.

Федеративная связь Литвы и Руси съ Польшей была достаточна для политическихъ цѣлей общей обороны и для могущества обоихъ государствъ и если поляки стремились къ централизаціи обѣихъ земель, то руководились главнымъ образомъ интересомъ; ихъ привлекали неизмѣримыя пространства Руси и надежда овладѣть огромными имѣніями. Слѣдующій фактъ можетъ служить доказательствомъ неразборчивости въ средствахъ.

Гальшка (Елизавета) Острожская, единственная дочь Иліи Острожскаго, оставшаяся подъ опекой своей матери Беаты и дяди Константина Василія, была наслѣдницей огромнаго имѣнія и обширныхъ земель на Волыни и въ Подоліи, принадлежавшихъ въ то время къ Литвѣ, а не къ Польшѣ. Много конкуррентовъ добивались руки Гальшки; больше другихъ старался князь Дмитрій Сангушко, но мать и дочь отказали ему. Тогда опекунъ, князь Константинъ Василій, предпочитавшій Сангушка для того, чтобы русскія помѣстья не переходили въ руки поляковъ, заѣхалъ со своимъ женихомъ въ острожскій замокъ и, не смотря на сопротивленіе матери и дочери, повелъ племянницу къ вѣнцу. Беата ѣздила въ Краковъ, требуя правосудія у короля, но Сангушко съ женой удалился въ Чехію, гдѣ и скрывался. Калишскій воевода Мартинъ Зборовскій, сильно заинтересованный въ расторженіи этого брака, съ цѣлью женить на Гальшкѣ своего сына Петра, настигъ Сангушка въ Чехіи и убилъ его.

Когда Гальшка, по смерти мужа, возвратилась на родину, начались новыя соискательства ея руки и отсюда новыя смуты. Первѣйшіе литовско-русскіе магнаты желали, чтобы она изъ числа ихъ родственниковъ выбрала себѣ мужа; того-же самаго желали какъ

мать, такъ и дочь и дали слово князю Семену Олельковичу Слуцкому; напротивъ польскіе паны хотѣли, чтобы молодая княгиня отдала свою руку поляку. Паны польскіе, владѣвшіе ничтожными помѣстьями сравнительно съ литовскими магнатами, издавна старались породниться съ послѣдними, чтобы наслѣдовать имѣнія и земли въ Литвѣ и Руси, такъ какъ зачастую имѣнія эти были обширнѣе цѣлыхъ повѣтовъ въ Польшѣ.

Беата симпатизировала Петру Зборовскому, но одинъ изъ конкуррентовъ, воевода брестско-куявскій, Лука Гурка, противъ котораго были и мать, и дочь, и опекунъ, обратился за помощью къ королю. Сигизмундъ-Августъ устранилъ Константина Василія Острожскаго отъ опекунства, въ видѣ исключенія отмѣнилъ предписаніе литовскаго статута, по которому женщины, выходившія замужъ въ Польшу, лишались права наслѣдства послѣ своихъ родственниковъ, и приказалъ, не смотря на сопротивленіе матери и дочери, повѣнчать Галшку съ Лукою Гуркою. Опасаясь насилія, Беата вмѣстѣ съ дочерью держалась при особѣ королевы Боны, а по отъѣздѣ послѣдней въ Неаполь, онѣ удалились во Львовъ и здѣсь заперлись въ доминиканскомъ монастырѣ, занявъ его своимъ гарнизономъ. Гурка снова обращается къ королю, который приказываетъ львовскому старостѣ взять Галшку силою и отдать Гуркѣ. Дѣло дошло до формальной осады монастыря.

Не смотря на то, князь Семенъ Слуцкій, переодѣвшись нищимъ, пробрался въ монастырь и перевѣнчался съ княгиней. Однако на это не обратили вниманія.

Староста отрѣзалъ водопроводныя трубы и овладѣлъ монастыремъ. Галшка выдерживала осаду въ высокомъ замкѣ, пока не вышло рѣшеніе короля—отдать ее Гуркѣ, что было исполнено насильственнымъ образомъ: староста отослалъ княгиню къ Гуркѣ, который поселилъ ее въ своемъ замкѣ въ Шаметулахъ. Не смотря на то, Галшка и здѣсь оставалась вѣрною своему убѣжденію, что она жена одного князя Семена; въ то-же время ея мать употребляла всѣ усилія, чтобы освободить свою дочь изъ рукъ Гурки. Она предлагала 100,000 злотыхъ, но Гурка не соглашался отпустить Галшку, хотя она была враждебно противъ него настроена; онъ пытался всѣми мѣрами привлечь ее къ себѣ, но Галшка оставалась непреклонной даже по смерти князя Семена Олельковича. Наконецъ и сама Галшка умерла

отъ помѣшательства, а Гурка не достигъ цѣли, такъ какъ ея имѣнія перешли въ руки Константина Острожскаго.

Такова вкратцѣ исторія Галшки Острожской, открывающая намъ много характеристическихъ чертъ изъ внутреннихъ отношеній того времени. Исторія несчастной княгини является какъ-бы образомъ люблинской уніи въ миніатюрѣ: какъ польскіе женихи старались получить руку Галшки ради ея имѣній, такъ точно и поляки сватали Русь ради ея богатства.

Въ административномъ отношеніи, послѣ присоединенія къ Польшѣ, Литовская Русь была раздѣлена на слѣдующія воеводства: Витебское, Полоцкое, Мстиславское, Минское, Новогродское, Подляшское, Брестско-Литовское, Кіевское, Волынское, Белзское, Люблинское, Брацлавское, Подольское, Русское (т. е. Червонорусское) и Черниговское. Собственно-же Литовская земля обнимала воеводства: Виленское, Троцкое, Ливонское и княжество Жмудское.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПРИЛУЦКІЙ ПОЛКОВОЙ АСАУЛЪ

МИХАЙЛО МОВЧАНЪ и ЕГО ЗАПИСНАЯ КНИГА.

Каждое общество обладаетъ несомнѣнно стремленіемъ къ саморазвитію и естественною наклонностію къ умственной дѣятельности, но для того, чтобы эта наклонность могла успѣшно найти примѣненіе, необходимо, чтобы данное общество могло пользоваться извѣстными условіями быта, при которыхъ только возможно развитіе его умственныхъ силъ. Такими условіями мы должны признать: внѣшнее спокойствіе, обезпеченность матеріальную и возможность развитія путемъ свойственнымъ характеру даннаго народа. Конечно, среди военной тревоги всеобщее вниманіе занято исключительно заботою о сохраненіи личной и коллективной безопасности, и не остается времени для труда интеллектуальнаго. При отсутствіи матеріальнаго обезпеченія повседневная забота о средствахъ существованія отвлекаетъ всѣ силы на борьбу за эти средства, и народъ не имѣетъ досуга для самообразованія; если немногочисленныя зажиточныя группы и пользуются необходимымъ досугомъ, то онѣ не въ состояніи замѣнить въ дѣлѣ народнаго развитія коллективнаго труда всей народной массы. Если онѣ и не погрязнутъ, пользуясь своимъ исключительнымъ положеніемъ, въ эпикуреизмѣ, если даже обратятся къ литературной дѣятельности, то во всякомъ случаѣ онѣ не будутъ выразителями прогрессивнаго развитія всего народа, онѣ создадутъ литературу кружковую, необходимо проникнутую узкими сословными взглядами и интересами, недоступную и непонятную, а слѣдовательно и безполезную для развитія всего народа.—Наконецъ только развитіе, исходящее изъ своеобразныхъ народныхъ на-

чалъ, можетъ сдѣлаться вполнѣ доступнымъ для всей народной массы, не заставляетъ людей культурныхъ выдѣляться изъ народной среды и становиться ей чуждыми, даетъ полное развитіе всѣмъ сторонамъ народнаго духа и ускоряетъ это развитіе, ведя его по пути, предначертанному самою природою. Конечно, лучшимъ примѣромъ для провѣрки сказаннаго можетъ служить продолжительный застой въ культурѣ западно-европейскихъ народовъ, случившійся въ теченіе среднихъ вѣковъ; между тѣмъ какъ рыцарское сословіе занято было безконечными войнами, крестьяне вели тяжелую борьбу съ нищетою и голодомъ—одни монахи пользовались достаточною безопасностью и досугомъ, необходимымъ для умственнаго развитія; но культура въ монастыряхъ развивалась на чуждой для народовъ западной Европы латинской почвѣ и потому оказалась почти безслѣдною въ исторіи развитія народныхъ массъ.

Если примѣнимъ все сказанное къ исторіи развитія южной Руси, то несомнѣнно лучшія условія для культуры мы встрѣтимъ въ теченіе XVIII столѣтія въ той половинѣ края, которая лежала на лѣвой сторонѣ Днѣпра. Вѣковая безпрерывная борьба съ Польшею была кончена въ смыслѣ благопріятномъ для народныхъ интересовъ; покровительство Россіи обезпечивало внѣшнюю безопасность и дозволило наконецъ народонаселенію позаботиться о внутреннемъ устройствѣ своего быта. Обезпеченность имущественная достигла значительныхъ размѣровъ и, выражаясь владѣніемъ поземельной собственности, была распредѣлена болѣе равномѣрно и на большее количество лицъ, чѣмъ когда-либо; наконецъ начала умственной жизни, положенныя въ предъидущемъ столѣтіи трудами ученыхъ кіевской академіи, открывали путь для народнаго развитія въ направленіи чисто національномъ, обнимавшемъ всѣ потребности и интересы народа на присущей ему степени развитія; лица всѣхъ сословій могли свободно стремиться къ образованію, переходя безпрепятственно изъ народныхъ церковныхъ школъ на скамьи кіевской академіи, коллегіумовъ черниговскаго, харьковскаго и т. п. Оживленіе умственной жизни въ самомъ обществѣ выразилось въ попыткахъ зарождавшейся литературы и въ томъ живомъ интересѣ, какой возбуждало печатное слово. Не говоря о многочисленныхъ сочиненіяхъ богословскаго содержанія, о мистеріяхъ, панегирикахъ, виршахъ и т. д., историческая литература дѣлается любимымъ за-

нятіемъ многихъ грамотныхъ людей. Восемнадцатый вѣкъ оставилъ намъ цѣлый рядъ козацкихъ лѣтописей, то составленныхъ самостоятельно, то компилированныхъ и все болѣе и болѣе стремившихся перейти отъ формы лѣтописи къ формѣ прагматической исторіи. Лѣтописи впрочемъ составляютъ не единственный отдѣлъ историческихъ памятниковъ XVIII столѣтія въ Малороссіи; люди, получившіе болѣе полное образованіе (какъ Марковичъ, Ханенко), оставляли мемуары, исполненные весьма живаго интереса, въ которыхъ сохранили весьма цѣнный матеріалъ для обрисовки внутренняго быта своей родины, другія лица заводили «*записныя книги*», въ которыя вносили все то, что интерессовало ихъ владѣльцевъ, какъ въ личной, такъ и въ общественной жизни. Всевозможныя замѣтки, попадавшія въ записную книгу, не смотря на свой отрывочный, повидимому безсвязный характеръ, обрисовываютъ вполнѣ цѣльно внутренній бытъ общества, среди котораго жилъ ихъ составитель, и даютъ картину, правда менѣе полную, но за то и менѣе субъективную, чѣмъ записки мемуариста.

Одну изъ такихъ записныхъ книгъ, принадлежавшую асаулу полковому прилуцкому, Михаилу Федоровичу Мовчану, мы имѣемъ въ настоящее время передъ собою. Книга эта сохранилась у потомковъ составителя, и мы получили ее отъ землевладѣльца полтавской губерніи Аркадія Федоровича Мазараки, которому долгомъ считаемъ принести искреннюю благодарность за просвѣщенное и обязательное сообщеніе намъ этого цѣннаго историческаго матеріала.

Записная книга Михаила Мовчана представляетъ томъ in folio въ кожанномъ старинномъ переплетѣ; она содержитъ 164 полулиста сѣрой, желтоватой бумаги; но далеко не всѣ листы ея заняты письмомъ; записанные листы, числомъ 66, разбросаны на протяженіи всей книги и отдѣлены другъ отъ друга значительными промежутками, состоящими изъ бѣлыхъ листовъ; очевидно, что записи вносились въ книгу безъ всякаго порядка, тамъ, гдѣ книга открывалась въ данный моментъ; хронологическій порядокъ записей также не соблюдался; позднѣйшія статьи часто встрѣчаются въ началѣ книги, болѣе-же раннія въ концѣ ея. Книга писана нѣсколькими почерками: два изъ нихъ, очень четкіе и красивые скорописные почерки XVII вѣка, встрѣчаются въ большинствѣ записей, внесен-

ныхъ въ книгу при жизни Михаила Мовчана, два другіе—скорописные почерки второй половины XVIII столѣтія, менѣе красивы, они встрѣчаются въ тѣхъ записяхъ, которыя были внесены при внукѣ Мовчана—Андреѣ Мазараки, къ которому книга перешла по наслѣдству.

Поводъ, по которому книга заведена была Михайломъ Мовчаномъ, а также время ея возникновенія явствуютъ изъ первой записи, помѣщенной на 6 листѣ книги; запись эта гласитъ: «Року 1727 іюня 27 дня. Для всякихъ случаевъ, за помощію Божіею, казалемъ въ сію книгу вписать, сколко имѣетъся въ мене, асаулы полкового прилуцкого, Михайла Мовчана, купчихъ на грунта». Дѣйствительно Мовчанъ приказалъ запести (самъ онъ былъ неграмотенъ, какъ это видно изъ одного документа) въ книгу копіи всѣхъ имѣвшихся у него имущественныхъ документовъ и продолжалъ вносить ихъ въ послѣдствіи въ теченіе 16 лѣтъ до своей смерти (1742 г.); но, не ограничиваясь этимъ первоначальнымъ назначеніемъ книги, онъ заносилъ въ нее копіи всѣхъ тѣхъ документовъ и сочиненій, которые представляли для него какой-бы-то ни было личный или общественный интересъ. Вообще всѣхъ статей записано было по указанію Мовчана 86; онѣ распредѣляются слѣдующимъ образомъ по содержанію: 64 купчихъ крѣпости или извлеченій изъ нихъ, 11 другихъ имущественныхъ документовъ: жалованныхъ грамотъ на ранговыя и наградныя земли, мировыхъ сдѣлокъ съ сосѣдями, судебныхъ приговоровъ, перечней движимаго имущества и т. п.; 2) два документа: универсалъ гетмана Самойловича, данный отцу Михайла Федору на званіе прилуцкаго полковника (1678) и копія челобитной, поданной Аннѣ Іоанновнѣ въ 1739 году; 3) наконецъ въ книгѣ Мовчана мы находимъ 9 лѣтописныхъ отрывковъ и замѣтокъ. Отрывки эти частью списаны изъ лѣтописей, ходившихъ въ то время по рукамъ среди козацкаго общества, частью продиктованы самимъ Мовчаномъ по его воспоминаніямъ. Изъ числа 9 отрывковъ 4 оказываются списанными дословно изъ лѣтописи Самовидца; они содержатъ разсказы о событіяхъ, сдѣлавшихъ особенно глубокое впечатлѣніе на малороссійское общество; это эпизоды: о возстаніи Хмельницкаго (1648), о кончинѣ Брюховецкаго (1668), о взятіи турками Чигрина (1678) и о паденіи Самойловича (1687); затѣмъ два отрывка за 1664 и 1664—

1678 списаны изъ какой-то краткой, не дошедшей до насъ козацкой лѣтописи и, наконецъ, три послѣдніе отрывка написаны правдоподобно изъ словъ самаго Мовчана; они представляютъ, повидимому, его личныя воспоминанія о походѣ подъ Вѣну 1683 года и краткія замѣтки о позднѣйшихъ событіяхъ.

На основаніи документовъ и замѣтокъ, внесенныхъ въ записную книгу, мы можемъ возстановить біографію Михаила Мовчана, личности весьма типической и тѣмъ болѣе интересной для характеристики современнаго ему общества, что онъ занималъ второстепенное положеніе въ ряду козацкой старшины, не достигъ сколько нибудь видной общественной роли, и потому біографія его представляетъ намъ типъ заурядный, гораздо болѣе характеризующій бытъ знатнаго козачества первой половины XVIII ст., чѣмъ біографіи лицъ, выдававшихся особенными личными дарованіями или развитіемъ и составлявшихъ вслѣдствіе того болѣе исключительныя явленія въ своей средѣ.

Родъ Мовчановъ выдвинулся изъ рядоваго козачества, благодаря ловкости отца Михаила—Федора Мовчана; послѣдній началъ свою военную карьеру на службѣ у гетмана Дорошенка. Гетманъ этотъ, старавшійся провести съ замѣчательною стойкостью свои политическіе планы, долженъ былъ бороться съ препятствіями, далеко превосходившими его силы. Не находя нужной поддержки въ городовомъ козачествѣ правобережной Украины, предпочитавшемъ эмигрировать на лѣвый берегъ Днѣпра или примыкать къ различнымъ честолюбцамъ, претендовавшимъ на гетманскую булаву, чѣмъ поддерживать патріотическія усилія своего гетмана, Дорошенко попытался замѣнить въ значительной мѣрѣ земскія козацкія ополченія наемными козацкими полками, носившими названіе «охочекомонныхъ» и «серденятъ». Тѣ и другіе, принимая службу у гетмана за жалованье и содержаніе, вполнѣ отъ него зависѣли, повиновались назначеннымъ по его выбору старшинамъ и, конечно, не пользовались правомъ ни составлять рады для обсужденія общественныхъ дѣлъ, ни контролировать политическіе планы и дѣйствія гетмана.

Мы встрѣчаемъ въ 1675 году Федора Мовчана въ должности полковника одного изъ такихъ «серденятскихъ» полковъ Дорошенка.

Но предусмотрительный полковникъ замѣтилъ, что дѣла довѣрившаго ему начальство гетмана принимаютъ весьма невыгодный оборотъ, и сталъ заблаговременно помышлять о себѣ. Весною 1675 года онъ перешелъ съ своимъ полкомъ на лѣвый берегъ Днѣпра и не смотря на ропотъ своихъ «серденятъ», подчинился Самойловичу и поступилъ къ нему на службу. Самойловичъ выпросилъ для Мовчана и его полчанъ царское жалованье [1]) и сталъ опираться на его примѣръ для того, чтобы склонить къ переходу па свою сторону другіе «серденятскіе» полки Дорошенка. Отправляя болѣе или менѣе крупные отряды противъ Дорошенка, Самойловичъ постоянно присоединяетъ къ нимъ полкъ Мовчана и разсчитываетъ на то, что товарищескія связи этого полковника побудятъ и другихъ «серденятскихъ» начальниковъ послѣдовать его примѣру. Такъ въ мартѣ 1676 года Самойловичъ писалъ въ универсалѣ, посланномъ къ наемнымъ полкамъ Дорошенка: «Можете сами слышати, что господинъ Мовчанъ съ своими товарищи и иные компанеи—пѣхотные полки не безъ хлѣба и достойнаго призрѣнія при насъ живутъ; съ которыми и вы, безъ всякаго перечевія и поруганія, отъ кого ни есть, равныя милости и призрѣнія отъ насъ, яко единого войска запорожского матери дѣти, узнавати будете—нашимъ словомъ обнадеживаемъ» [2]).

Послѣ сдачи Дорошенка, Самойловичъ рѣшился наградить важныя услуги, оказанныя въ этомъ дѣлѣ Мовчаномъ и возвелъ его въ должность прилуцкаго полковника, отъ которой побудилъ отказаться бывшаго полковника Ивана Маценка. Въ этомъ отношеніи онъ слѣдовалъ примѣру своихъ предшественниковъ, которые, начиная съ Брюховецкаго, замѣняли путемъ назначенія полковниковъ, устраняя существовавшее до того времени выборное начало при занятіи этой должности. Каждый новый гетманъ старался смѣнить по возможности большее количество полковниковъ, бывшихъ при его предшественникѣ и замѣстить ихъ людьми, на преданность которыхъ онъ могъ болѣе полагаться.

Такъ въ прилуцкомъ полку Брюховецкій «великимъ шалоумствомъ» заставилъ отказаться отъ должности полковника Лазаря Гор-

[1]) Акты южной и западной Россіи, т. XII, стр. 2, 16.

[2]) Акты южной и западной Россіи, т. XII, стр. 210, 589, 589.

ленка, который «по нуждѣ не для чего иного, только отъ налогу гетмана и злого къ нему намѣренія» выѣхалъ изъ Прилукъ [1]); вмѣсто него Брюховецкій назначилъ полковникомъ Ивана Кошевого, одного изъ запорожцевъ, содѣйствовавшихъ его возведенію въ гетманство и составлявшихъ его ближайшую опору. Послѣ паденія Брюховецкаго, Иванъ Кошевой заявилъ полную готовность подчиниться Многогрѣшному; онъ перебилъ отрядъ татаръ, союзниковъ Дорошенка, и пріѣхавъ къ Многогрѣшному, «со всѣмъ полкомъ добилъ челомъ въ винахъ своихъ царскому величеству» [2]). Тѣмъ не менѣе новый гетманъ смѣнилъ его подъ тѣмъ предлогомъ, что на него поступили жалобы «за налоги» отъ полковой старшины, и на его мѣсто назначилъ прилуцкимъ полковникомъ мѣстнаго полковаго асаула Ивана Маценка, принадлежавшаго къ числу лицъ недовольныхъ Брюховецкимъ [1]). Преемникъ Многогрѣшнаго Самойловичъ послѣдовалъ примѣру предшественниковъ и, смѣстивъ Маценка, назначилъ на его мѣсто Федора Мовчана.

Изъ универсала, сохранившагося въ записной книгѣ, которымъ гетманъ извѣщалъ жителей прилуцкаго полка объ этомъ распоряженіи, мы видимъ тѣ пріемы, которыми пользовались гетманы при замѣщеніи по своей волѣ полковничьихъ должностей; они старались для виду сохранить хотя формальное уваженіе къ выборному началу. Въ гетманскомъ универсалѣ къ прилуцкому полку отъ 13 апрѣля 1678 года сказано: «Поневажъ панъ Иванъ Маценко, бывшій полковникъ вашъ прилуцкій, доброволне извеняся своего старшинства, и за оное намъ подяковалъ, и старшина вашего полку, тутъ въ Батуринѣ бувшая, зъ товариствомъ певнымъ, за позволенемъ нашимъ, згодливыми голосами своими на той полковницкій урадъ пана Федора Мовчана обволали и надъ себе вынесли, теды и мы его, пана Мовчана, знаючи быти у войску запорожскомъ заслуженого, годного и до дѣлностей рыцарскихъ способного мужа, цале на томъ старшинствѣ потвержаемъ» [3]).

Впрочемъ Федоръ Мовчанъ пользовался не долго полученною должностію: въ томъ-же 1678 году онъ въ качествѣ прилуцкаго

---

[1]) Таже, томъ VIII, стр. 182.

[2]) Таже, томъ VII, стр. 109 и томъ VIII, стр. 61.

[3]) Записная книга, листъ 95 на оборотѣ.

полковника принималъ участіе въ походѣ Самойловича противъ турокъ подъ Чигиринъ, за что и получилъ похвальную грамоту [1]), а въ слѣдующемъ году былъ уже отставленъ по неизвѣстной намъ причинѣ отъ должности и поселился въ Прилукахъ въ качествѣ частнаго обывателя. Кратковременное исполненіе полковничьяго уряда не дало возможности Федору Мовчану разбогатѣть и пріобрѣсти значительную поземельную собственность; единственное владѣніе, доставшееся Федору Мовчану по наслѣдству отъ отца, это небольшая нивка у города Прилукъ, стоимостью въ 7 копъ грошей литовскихъ [2]).

Въ годъ отставки Федора Мовчана единственный его сынъ Михайло началъ службу въ козацкомъ войскѣ; вмѣстѣ съ прилуцкимъ полкомъ, подъ начальствомъ новаго полковника Дмитрія Чернявскаго онъ ходилъ въ походъ къ Кіеву, гдѣ многочисленныя русскія и козацкія войска были сосредоточены для защиты города отъ ожидавшагося турецкаго нашествія и занимались устройствомъ новыхъ укрѣпленій вокругъ города и печерскаго монастыря [2]). Но отставка отца и скудныя средства семейства Мовчана не предвѣщали Михайлу быстрой и блестящей карьеры въ козацкомъ войскѣ, потому онъ рѣшился искать счастія въ иноземной службѣ: въ 1683 г. польскій король Іоаннъ Собѣсскій, собираясь въ походъ подъ Вѣну противъ турокъ, отправилъ агентовъ въ Малороссію съ порученіемъ вербовать козаковъ въ королевскую службу; не смотря на строгій запретъ Самойловича, многочисленные охотники отправились въ королевскій лагерь; въ числѣ ихъ находился и Михайло Мовчанъ. Послѣ окончанія вѣнскаго похода онъ оставался въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ въ польской службѣ и принималъ участіе въ нѣсколькихъ походахъ польскихъ региментарей противъ турокъ. Затѣмъ онъ переѣхалъ къ бѣлоцерковскому полковнику Семену Палію, устраивавшему, вопреки желанію польскаго правительства, на службѣ котораго онъ числился, на правой сторонѣ Днѣпра новыя козацкія поселенія. Съ Паліемъ Мовчанъ вѣроятно знакомъ былъ еще во время вѣнскаго похода, въ которомъ этотъ полковникъ принималъ участіе въ качествѣ начальника одного изъ козацкихъ отрядовъ;

[1]) Максимовичъ, Собраніе сочиненій, т. I, стр. 733.
[2]) Записная книга, листъ 6.

примкнувши къ Палію, Мовчанъ сопровождалъ его въ многочисленныхъ его военныхъ походахъ и на татаръ подъ Перекопъ и Очаковъ, и на поляковъ подъ Баръ, Наволочь и т. д.[1]). Наконецъ послѣ 1690 года Мовчанъ переѣхалъ въ Запорожье, гдѣ провелъ нѣсколько лѣтъ въ Сѣчи въ рядахъ «низоваго товариства».

Только въ 1696 году, послѣ тринадцатилѣтняго отсутствія, Михайло Мовчанъ возвратился на родину въ Прилуки. Отецъ его умеръ во время отсутствія сына, а мать, оставшись въ безпомощномъ состояніи, продала нивку сосѣдямъ; молодой Мовчанъ выкупилъ обратно наслѣдственный участокъ поля и поступилъ вновь на службу въ ряды козаковъ прилуцкаго полка въ званіи войсковаго товарища[2]). Вмѣстѣ съ полкомъ онъ ходилъ въ многочисленные походы во время великой сѣверной войны, находился въ козацкихъ отрядахъ, дѣйствовавшихъ въ Польшѣ, Ливоніи, Бѣлой Руси, и принималъ участіе въ 10 сраженіяхъ[3]). Въ 1708 году, во время измѣны Мазепы, Мовчанъ находился «при боку» стародубскаго полковника Ивана Скоропадскаго и вмѣстѣ съ нимъ остался вѣрнымъ русскому правительству.

Послѣ возведенія Скоропадскаго въ гетманское достоинство, Мовчанъ получилъ награду за вѣрную службу: уже въ концѣ 1708 года гетманъ издалъ универсалъ, которымъ предоставилъ въ его пользованіе войсковую мельницу въ селѣ Городнѣ, иваницкой сотни, прилуцкаго полка, конфискованную у сторонника Мазепы, Григорія Компанѣйца[4]), а годъ или два спустя Мовчану была предоставлена должность полковаго прилуцкаго асаула; чинъ этотъ онъ носитъ уже въ началѣ 1711 года, а въ сентябрѣ того-же года гетманъ отдалъ въ его пользованіе ранговое имѣніе село Талалаевку, назначенное на содержаніе прилуцкихъ полковыхъ асауловъ[5]). Должность эту Михаилъ Мовчанъ занималъ въ теченіи 30 лѣтъ; въ качествѣ асаула онъ сопровождалъ свой полкъ въ походахъ: персидскомъ (1723), польскомъ (1734) и крымскомъ (1736—1738), а также нѣсколько разъ ходилъ «на линію». Но большую часть времени

---

[1]) Тамъ-же, листъ 157.

[2]) Тамъ же, листъ 6.

[3]) Тамъ-же, листъ 157.

[4]) Тамъ-же, листъ 20.

[5]) Тамъ-же, листъ 7 и 66 на оборотѣ.

полковой асаулъ провелъ дома; здѣсь, повидимому избѣгая дѣятельнаго участія въ общественныхъ дѣлахъ, онъ рѣдко появлялся въ гетманской резиденціи и проживалъ большую часть времени въ ранговомъ своемъ имѣніи—Талалаевкѣ; онъ очень энергически занялся увеличеніемъ своего состоянія и сталъ скупать по мелочамъ земли у козаковъ, крестьянъ и духовныхъ лицъ. Изъ многочисленныхъ копій купчихъ крѣпостей, замѣтокъ и перечней, внесенныхъ въ записную книгу, мы имѣемъ свидѣтельства о 77 клочкахъ, пріобрѣтенныхъ разновременно Мовчаномъ; онъ скупалъ поземельную собственность во всевозможныхъ ея видахъ: нивки (41), сады и огороды (5), хаты (9), лѣса и гаи (17) и наконецъ «млынки, ставища и гребли» (5); многія изъ этихъ пріобрѣтеній представляли вѣроятно мельчайшія единицы землевладѣнія, судя по ничтожнымъ суммамъ, за которыя они были куплены. Продажные акты совершались иногда въ видѣ купчихъ крѣпостей, заключенныхъ въ «мѣстскомъ» прилуцкомъ урядѣ, или въ присутствіи сельскаго атамана, болѣе-же мелкія покупки вѣроятно основаны были лишь на словесномъ договорѣ и вносились въ записную книгу въ видѣ короткихъ замѣтокъ или перечней для свѣдѣнія владѣльца. Пріобрѣтенія земельныхъ участковъ, за исключеніемъ 3 статей, купленныхъ близъ города Прилукъ, и 8 угодій, лежавшихъ въ чертѣ земель селъ: Блотницы, Краснянъ и Будъ, сосредоточены были въ Талалаевкѣ, которою Мовчанъ пользовался въ качествѣ рангового имѣнія; здѣсь онъ скупилъ у козаковъ и посполитыхъ болѣе 60 участковъ и, округливъ такимъ образомъ свое личное землевладѣніе, закрѣпилъ свое право на него документомъ, въ которомъ козачье общество Талалаевки, въ благодарность за какую-то «уступку и любовь» къ нимъ полковаго асаула, обязалось признавать навсегда неоспоримое его право на потомственное владѣніе землями, купленными имъ въ чертѣ земельнаго владѣнія ихъ села [1]). Впрочемъ изъ многочисленныхъ купчихъ и записей мы нигдѣ не усматриваемъ, чтобы Мовчанъ прибѣгалъ для увеличенія своей собственности къ насилію или давленію на владѣльцевъ, основанному на его общественномъ положеніи или вліяніи. Постепенныя годъ за годомъ пріобрѣтенія, производимыя на незначительныя суммы, свидѣтельствуютъ лишь о

[1]) Записная книга, листъ 90 на оборотѣ.

бережливости и развитіи нормальныхъ хозяйственныхъ способностей полковаго асаула.

Нѣсколько другой взглядъ существовалъ вѣроятно у Мовчана по отношенію къ «войсковому» имуществу: по крайней мѣрѣ на мнѣніе это наводитъ сличеніе двухъ документовъ, занесенныхъ въ записную книгу: здѣсь мы встрѣчаемъ универсалъ Скоропадскаго отъ 18 сентября 1711 года, въ которомъ сказано, что гетманъ въ виду заслугъ Мовчана «на уряде асаулства полкового, ... для вспартя достоинства его» предоставляетъ ему въ пользованіе село Талалаевку [1]). Затѣмъ, когда при гетманѣ Апостолѣ предприняты были мѣры для точнаго опредѣленія содержанія, выдаваемаго генеральной и полковой старшинѣ, то «по справкѣ съ екстрактовъ слѣдствія о маетностяхъ полку-прилуцкого, въ енеральной канцеляріи имѣючихся, явилося, что .... Михайло Мовчанъ имѣетъ во владѣніи своемъ маетность село Талалаевку не на рангъ, ... но за заслуги войсковыя отъ .... гетмана Скоропадского ему даннную универсаломъ року 1711». Въ силу этой «справки» Даніилъ Апостолъ назначилъ универсаломъ отъ 5 ноября 1733 года Мовчану 50 рублей годичнаго жалованія, какъ полковому асаулу, не пользующемуся ранговымъ имѣніемъ и такимъ образомъ призналъ Талалаевку его личнымъ, заслуженнымъ помѣстьемъ [2]).

Должность полковаго асаула Михайло Мовчанъ исполнялъ до глубокой старости. Только въ 1741 году онъ, повидимому, вышелъ въ отставку, по крайней мѣрѣ съ этого только года онъ въ совершаемыхъ имъ сдѣлкахъ упоминается съ титуломъ «абшитованнаго» (отставнаго). полковаго асаула [3]).

Впрочемъ, собираясь выходить въ отставку, Мовчанъ въ началѣ 1739 года подалъ челобитную императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, въ которой, перечисляя всѣ свои заслуги въ теченіе 60 лѣтней военной службы, просилъ удостоить его при окончаніи ея какою-либо наградою, или, какъ онъ выразился, просилъ «призрѣнія и респекту» [4]). Мы не знаемъ, какого рода резолюція послѣдовала на

[1]) Тамъ-же, листъ 66 на оборотѣ.

[2]) Тамъ-же, листъ 153 на оборотѣ.

[3]) Тамъ-же, листъ 10.

[4]) Тамъ-же, листъ 158.

эту челобитную. Вскорѣ послѣ отставки, 7 августа 1742 года Мовчанъ окончилъ свою многолѣтнюю жизнь; онъ не оставилъ потомковъ мужескаго пола; изъ двухъ его дочерей одна—Марія скончалась въ пожиломъ возрастѣ въ дѣвицахъ, другая—Екатерина, умершая еще при жизни отца, была замужемъ за «значнымъ войсковымъ товарищемъ» Даміяномъ Ивановичемъ Мазараки; ея дѣтямъ досталось по наслѣдству довольно значительное имущество, скопленное Михайломъ Мовчаномъ.

Записная книга полковаго асаула перешла къ его любимому внуку, Андрею Даміяновичу Мазараки, жившему послѣднее время при дѣдѣ и въ угодность ему, подписывавшемуся его фамиліею, какъ видно изъ одного документа, занесеннаго въ книгу [1]).

Новый владѣлецъ продолжалъ, хотя изрѣдка, заносить замѣтки въ дѣдовскую книгу, находившуюся въ его владѣніи до самой его смерти, послѣдовавшей послѣ 1787 года; замѣтки эти чисто семейнаго характера, небезъинтересны для характеристики стремленій и круга интересовъ малороссійскаго дворянства второй половины XVIII ст. Статьи, внесенныя въ книгу Андреемъ Мазараки, числомъ 14, по содержанію распадаются слѣдующимъ образомъ: 2 документа представляютъ перечни земель, купленныхъ въ селѣ Талалаевкѣ Даміяномъ Мазараки, отцемъ Андрея; одна записка содержитъ свѣдѣнія, собранныя о генеалогіи рода Мазараки и всѣ попавшіяся Андрею доказательства о дворянскомъ происхожденіи его предковъ, два документа—это договоры, заключенные священниками села Талалаевки съ прихожанами и владѣльцами этого села, опредѣляющіе размѣры вознагражденія за церковныя требы и содержаніе священниковъ и, наконецъ, девять записей посвящены семейнымъ воспоминаніямъ о днѣ смерти и мѣстѣ похоронъ разныхъ членовъ семейства Андрея Мазараки.

Послѣдній очевидно особенно дорожилъ возстановленіемъ своей родословной, слѣдуя общему стремленію болѣе знатныхъ представителей козачества того времени къ отыскиванію дворянскаго происхожденія своихъ родовъ; такъ какъ отецъ Андрея Мазараки умеръ еще во время его малолѣтства, не оставивъ сыновьямъ никакихъ семейныхъ преданій, то онъ занялся очень дѣятельно собра-

[1]) Тамъ-же, листъ 158.

ніемъ этихъ преданій изъ другихъ доступныхъ ему источниковъ. Онъ отправился за справками въ войсковую генеральную канцелярію и тамъ отыскалъ въ гербовникѣ Несецкаго, котораго экземпляръ хранился при войсковой канцеляріи для удовлетворенія любознательности козацкихъ старшинъ, три строчки о нобилитаціи своего дѣда и списалъ ихъ цѣликомъ; затѣмъ онъ встрѣтилъ бывшаго мглинскаго сотника Лесаневича, учившагося нѣкогда съ его отцемъ въ кіевской академіи и со словъ старика тщательно списалъ всѣ воспоминанія, переданныя нѣкогда Даміяномъ Мазараки Лесаневичу на школьной скамьѣ, а также воспоминанія самаго Лесаневича о родовомъ домѣ Мазараки, который мглинской сотникъ видѣлъ за сорокъ лѣтъ до встрѣчи съ Андреемъ во время своего путешествія во Львовъ. Къ этимъ скуднымъ свѣдѣніямъ составитель генеалогіи прибавилъ подробныя свѣдѣнія о себѣ, о своихъ братьяхъ и сестрахъ, отмѣтилъ ихъ брачныя связи и имена ихъ дѣтей и такимъ образомъ заготовилъ матеріалъ для своей родословной.

Изъ записки его мы узнаемъ, что предки Мазараки были греческіе купцы, переселившіеся во Львовъ; здѣсь они по видимому сильно разбогатѣли—они владѣли въ львовскомъ рынкѣ большимъ каменнымъ домомъ, построеннымъ «со статуи и протчими украшеніи». По неизвѣстной намъ причинѣ представитель рода Янъ Мазараки переѣхалъ при Хмельницкомъ на службу къ козацкому гетману; здѣсь онъ очевидно занялъ выдающееся положеніе и оказалъ важныя услуги, потому что на сеймѣ 1659 года по представленію гетмана Выговскаго, который по гадячскому договору оставилъ за собою право представлять къ «нобилитаціи» болѣе заслуженныхъ козаковъ, Янъ Мазараки вмѣстѣ съ Сомкомъ, Золотаренкомъ, Лесницкимъ и нѣкоторыми другими знатными старшинами, былъ возведенъ въ дворянское званіе[1]). Объ этомъ Янѣ Мазараки Несецкій сохранилъ свѣдѣніе, что въ 1678 году онъ, по порученію польскаго короля Яна Собѣскаго, ѣздилъ съ дипломатическими порученіями въ Персію; мы знаемъ также, что онъ принадлежалъ къ числу ревностныхъ поборниковъ православія: въ 1666 году онъ за-

[1]) Volumina legum, т. IV, стр. 303—304.

писался въ члены львовскаго православнаго братства [1]). Янъ Мазараки оставилъ двоихъ дѣтей: дочь его Анна была въ замужествѣ за лубенскимъ полковникомъ Василіемъ Свѣчкою, сынъ-же Даміянъ служилъ «значнымъ войсковымъ товарищемъ» въ прилуцкомъ полку и въ 1717 году былъ уже женатъ на дочери Мовчана, Екатеринѣ Михайловнѣ. Въ этомъ году онъ купилъ у одного изъ козаковъ талалаевскихъ «грунтъ, хату, зъ пляцемъ, зъ огородомъ, зъ гребелкою и гаемъ за 200 золотыхъ личбы литовское» и выхлопоталъ у гетмана Скоропадскаго утвержденіе этой покупки универсаломъ отъ 21 января 1719 года [2]).

Вскорѣ потомъ вѣроятно Даміянъ Мазараки скончался, потому что въ записной книгѣ прекращаются всякія о немъ упоминанія; онъ оставилъ четырехъ сыновей: старшій Петръ и младшій, Григорій, человѣкъ болѣзненный, не поступавшій на службу и прожившій всю жизнь при братьяхъ, умерли безпотомно; два средніе сына, Иванъ и Андрей Даміяновичи раздѣлили между собою наслѣдство, доставшееся имъ, какъ отъ отца, такъ и отъ дѣда Мовчана, служили въ прилуцкомъ полку въ званіи бунчуковыхъ товарищей и довольно дружно прожили до глубокой старости. Изъ слѣдующаго поколѣнія рода Мазараки болѣе всего выдается племянникъ Андрея—Григорій Ивановичъ, который сталъ быстро подвигаться въ служебной карьерѣ и, будучи еще молодымъ человѣкомъ, занялъ должность полковаго прилуцкаго асаула, но преждевременная кончина, постигшая его на 26 году жизни, прекратила его служебную дѣятельность.

Остальныя генеалогическія замѣтки Андрея Мазараки не представляютъ особаго интереса и прерываются съ 1787 годомъ, въ которомъ вѣроятно и скончался ихъ составитель. Наслѣдники его не послѣдовали примѣру отца и перестали заносить въ записную книгу факты какъ семейной, такъ и общественной жизни, по крайней мѣрѣ они сохранили свою фамильную записную книгу, за что конечно мы должны выразить имъ искреннюю признательность.

---

[1]) Памятники, изданные кіевскою археографическою Коммисіею, т. III, отд. I, стр. 91.

[2]) Записная книга, листы: 11 и 21 на оборотѣ.

Въ виду значительнаго какъ историческаго, такъ и бытоваго интереса многихъ статей, помѣщенныхъ въ записной книгѣ Михайла Мовчана, мы помѣщаемъ въ приложеніи нѣсколько изъ нихъ, выбравъ тѣ, которыя намъ казались болѣе характеристическими для обрисовки общественныхъ отношеній, сложившихся въ Малороссіи въ прошломъ столѣтіи.

В. Антоновичъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

1. Лѣтописные отрывки, занесенные въ записную книгу Михайла Мовчана.

Року 1664. Павелъ Тетера, гетманъ чигиринскый, козацкий, заднѣпрскый, послалъ пословъ своихъ до короля полского Яна Казимѣра. абы ишолъ за Днѣпръ воевати царскихъ козаковъ. И затягъ король орду, рушилъ самъ король зъ войскомъ полскимъ и татарскимъ мѣсяца августа 17 дня и пришелъ до Бѣлой Церкви на Украину; и тамъ его спотькалъ гетманъ Тетера съ войскомъ козацкимъ, съ усѣми полками: полкъ черкаскій, полкъ чигиринскій, каневскій, бѣлоцерковскій, корсуньскій, наволоцкій, уманьскій, могилевскій, браславскій и кальницкій. И совокупившися все войско полское, татарское и козацкое. пойшли за Днѣпръ мѣсяца ноеврія. Переправился король (чрезъ) Днѣпръ въ Іржищевѣ, десятъ миль нижей Кіева, и подъ Воронковъ мѣстечко прійшолъ. И здалися ему: Воронковъ, Борисполе, Козелецъ и Остеръ. И тамъ въ Остре король святковалъ Рождество Христово, а потомъ вышолъ на городи сѣверскія, а гетманъ Павелъ Тетера съ войскомъ своимъ переправилъ Днѣпръ нижей Черкасъ и мѣлъ онъ и татаръ; а ишлы воеваты Украину и государя царя православного. Алексѣя Михайловича. Король ишолъ отъ сѣвера, а гетманъ Тетера отъ полудня; и такъ ополчишася на государя российского; въ то-бо время государь опановалъ всю Украину и своими людьми военными всѣ столечнія городы осадилъ; въ Кіевѣ на тотъ часъ былъ воеводою Іванъ Івановичъ Чагадаевъ зъ людомъ царскимъ военнимъ; о чемъ увѣдавшись, король

полскій обминулъ Кіевъ, столечный городъ украинской. По семъ король рушилъ зъ Остра на городи сѣверскіе и пришолъ до Дѣвици города, и чрезъ мѣчъ досталъ, и всѣхъ людей выстиналъ, и городъ спалилъ. А Чернѣговъ и Березную минулъ. Сосница, Новие Млини и Коронъ здалися. И дойшолъ король Глухова города, на границѣ Московского государства стоячого, людного. Также притягъ панъ Пацъ, гетманъ литовскій зъ войскомъ литовскимъ и зъ татарами и Богунъ, наказный гетманъ читиринскій козацкій. Облегли Глуховъ, и штурмовали, и подкопъ чинили, и всѣми силами военними доставали—и не достали, и зъ стидомъ король назадъ пойшолъ на Кричевъ и прийшолъ до Бихова, и здався Биховъ, и тамъ король святковалъ великъдень свой римский, и былъ въ Могилевѣ, и того часу мѣсто все Могилевъ и крами погорѣли, и вернулся король до Полщи въ томъ же 1664 року.

Листъ 26 на оборотѣ—27.

Въ року 1664 король полскій Казѣмѣръ зъ войскомъ полскимъ и чужоземними силамы Глухова города доставали полтори неделѣ и не досталы.

Въ року 1672 царъ турецкій своими бесурманскими сыламы подолскій Камянецъ опановалъ.

Въ року 1674 также бесурманъ турчинъ Умань, Ладижинъ и инние городи звоевалъ и множество народу въ неволю забралъ.

Въ року 1678 Азевъ, визѣръ порты атаманской, вторимъ приходомъ Чигиринъ взялъ.

Року 1683 турки Вѣдень въ Австріи тѣсною окружили осадою. Янъ Собецкій, король полскій, самъ, взявши зъ собою болше двадцяти тисячъ человѣкъ, къ разърѣшенію осади и къ освобожденню осаженнихъ поспѣшилъ; еже, пришедшимъ въкупѣ, на помощъ до своихъ, електорамъ-баварскому и саксонскому и князю лотаринскому, храбро и мужественно сотворылъ. Егда-же послѣ жесточае при Барканѣ нашелъ на неприятеля, нѣмцомъ славы побѣдительной завидящи, которихъ ужидати билъ долженъ, въ великое житія бѣдствіе впалъ; ибо уже нѣкто отъ турковъ, обнаживши мечъ, хотѣлъ ударити короля, и ударилъ-би былъ, аще бы нѣкто воинъ полскій изъ ручной фузеи не убилъ неприя-

теля; утружденнаго-же короля и горячостію воинского сердца тако ослабѣвшаго, яко на конѣ едва сѣдѣты моглъ, полковникъ нѣкто и другіи шляхтичѣ на рамена восприявшы, зъ собою вынесли.

Листъ 88 на оборотѣ—89.

Первая баталья вѣденская. Року 1683, месеца сентеврия, въ день недельный, на рождество Пресвятой Богородицы, зъ вѣзиремъ турецкимъ Янъ Собецкый, король полскый, съ цесарскими електорами совокупившись и ушковавши полки такъ полскія, яко и нѣмецкія, зъ вѣзеремъ турецкимъ далъ баталѣю. Турки Вѣдень въ Австріи тѣсною окружали осадою, якъ Собецкый, король полскый, самъ, взявши зъ собою болше ста тисячей человѣкъ, къ разрѣшенію осади и ко освобожденію осажденнихъ поспѣшилъ. Еже пришедшимъ папотомъ въ купѣ двоимъ електорамъ: баварскому и сакъсонъскому, князю лотаринскому, храбро и мужественно сотворилъ, вшявковавши полки сполне зъ нѣмецкимы силами, просто пошолъ на вѣзѣра турецкого и далъ баталѣю король полскій. А началася тая баталѣя зъ ранку, а предъ вечеромъ за двѣ годинѣ зовсѣмъ турковъ збили и Вѣдень свободили. И въ того-жъ вѣзира турецкого било самихъ мѣднихъ пушокъ вусѣмъ сотъ подъ городомъ Видънею, а всей турецкой сили было въ баталѣи сѣмъ сотъ тисячъ.

Того-жъ року еще двѣ баталѣи было зъ визѣремъ турецкимъ надъ Дунаемъ противъ замъку Остроgону; и далъ баталѣю вѣзѣръ на короля полского Яна Собецкого и билъ короля, потому-же ишолъ, полки не вшиковавши, въ день, імянно четверъ. И въ той баталѣи вырубано поляковъ болѣе пяти тисячъ, а пригнали короля полского ажъ до нѣмецкой пѣхоти, и тамъ, подлѣ оной пѣхоти одержалъ себе король, какъ дали огонь зъ дробного оружя и пушокъ. Король-же полский Янъ Собецкий дневалъ—стоялъ въ пятницю надъ Дунаемъ совокупне зъ пѣхотою и всею арміею. Розлрившись-же визѣръ пишетъ листъ до короля полского, а въ листе виражае: «нехъ король полский дасть со мною еще баталѣю». Переночевавши король полский зъ пятницѣ на суботу, ушиковавши полскія полки, оставя пѣхоту нѣмецкую, пошолъ до визѣра турецкого, дати на писаня его баталѣю. Когда-же увидѣлъ визѣръ, же король идетъ прямо къ нему, вийшолъ зъ войскомъ сво-

имъ зъ западной долини, зближаючися до короля зъ силами войска своего, похиливши значки, просто пошолъ. Когда-же припустилъ король вѣзѣра къ себе, далъ на сили его огонь и, добувши шабель, войско вѣзѣрова едно въ томъ-же мѣстѣ вирубалъ, а другихъ зъ нимъ, вѣзѣремъ, на мѣстѣ нагнали. И въ той баталѣи всѣ турки пропали, а зъ малимъ числомъ войска самъ визѣръ въ землю свою утекъ. И поляки такую имъ повѣсть обявляли: «О тожъ, турцѣ, ваша пиха наробила вамъ лиха».

Листъ 39.

Року 1709 государь Петръ первый, императоръ всероссийский, зъ войскомъ своимъ якъ московскимъ, такъ и козацкимъ подъ Полтавою на баталѣи збилъ короля шведского.

Листъ 38.

Року 1736, 1737, 1738 и 1739 за помощию Божиею и щастямъ государинѣ нашой, Анни Іоановни, городи татарскія: Перекопъ, Козловъ и Бакцѣсаръ и весь Кримъ московскимъ и козацкимъ войскомъ взятъ.

Листъ 40.

2. Рѣшеніе прилуцкаго полковаго суда по иску войсковаго товарища Михайла Мовчана на козаковъ Котляренковъ, предъявленному по поводу незаконной покупки Котляренками нивы наслѣдственной Мовчана у его матери въ его отсутствіе. Судъ постановилъ, что Мовчанъ имѣетъ право получить обратно ниву, возвративъ Котляренкамъ деньги, заплаченныя за нее матери Мовчана, 1698 г., сентября 8.

За вѣдомомъ самого добродѣя нашего, пана Димитрія Горленка, полковника войска его царского величества запорожского прилуцкого. Передъ нами: Іваномъ Носомъ, судею полковымъ прилуцкимъ, Тимошемъ Брескою, атаманомъ городовимъ, Давидомъ Давидовичемъ, войтомъ, а Грицькомъ Лихопекою и Юскомъ Чернишемъ, бурмистрами, ставши очевисте панъ Михайло Мовчанъ, товаришъ войсковый, обыватель нашъ прилуцкій, доходилъ добръ своихъ лежачихъ, нывя, по небожчину Федору Мовчану, отцевѣ своемъ на него спадаючихъ, у Кондрата и Гаврила Котляренковъ, жителей нашихъ прилуцкихъ, про-

данныхъ маткою его, Орищкою Мовчанихою, имъ Котляренкамъ, за сѣмъ копъ, безъ битности пана Михайла, кгди онъ найдовался въ Сѣчи Запорожской. Тоди мы, выдячи оного ближшымъ быти до тыхъ добръ, а къ тому еще и давностю не зашли отъ того часу, якъ панъ Михайло пришелъ зъ Сѣчи, къ тому позволяемъ ему, пану Михайлу, абы помененнымъ Котляренкамъ отдалъ грош копъ сѣмь, за що и они были купили; а що черезъ якій часъ ваковали грош за нівя данные, то не вотще—за тое Котляренки зъ пашеной десятины пожитки собѣ мѣли. Которимъ то нывямъ, въ Котляренковъ откупленнымъ, волно будетъ пану Михайлу зъ малжонкою своею и дѣтками, яко своимъ власнымъ, купнымъ правомъ набытимъ, владѣти, шафовати, дати, даровати, продати и, куда хотячи, на свой пожитокъ оборочати, не узнаючи нѣ отъ кого нѣякой жадной турбаціи теперь и въ потомніе часы. На що для лѣпшой вѣри и певности и сей записъ, при печати нашой мѣской прилуцкой, пану Михайловѣ казалисмо видати. Данъ въ Прилуцѣ сентаврія 8, 1698 году. Звышъ менованный урядъ войсковый и мѣскій прилуцкій. (М. П.)

Лисгъ 6.

3. Универсалъ гетмана Скоропадскаго, предписывающій передать во владѣніе знатнаго войсковаго товарища Михаила Мовчана войсковую мельницу, находящуюся въ селѣ Городнѣ, отнятую за измѣну у козака Григорія Компанѣйца. 1708 г. декабря 19.

Пресвѣтлѣйшого и державнѣйшаго великого государя его царского величества войска запорожского гетманъ Іоанъ Скоропадскій.

Всей старшинѣ и чернѣ войска его царского пресвѣтлого величества, а особливе пану полковниковѣ на сей часъ наказному, а впредъ совершенному прилуцкому, зо всею старшиною полковою, и пану сотниковѣ Іваницкому, зо всѣмъ товариствомъ и посполствомъ, ознаймуемъ симъ нашимъ унѣверсаломъ: Поневажъ Григорій Компанѣецъ, полчанинъ прилуцкій, въ противную сторону непріятельскую за змѣникомъ Мазепою удался, теди млинокъ войсковий въ сотнѣ Іваницкой, въ селѣ Городнѣ найдуючийся, одъ оного Компанѣйца одобравши, надаемъ пану Михайлу Мовчану, тогожъ полку прилуцкого знатному товаришовѣ войсковому, яко въ неизмѣнной вѣрности и въ услугахъ войско-

вихъ при нашомъ боку найдуючомуся. Прето аби ему, пану Михайлу Мовчану въ отнятю помененого млина и въ одбѣраню зъ него належитихъ розмѣровихъ приходовъ нѣхто изъ старшини и чернѣ полку тамошнего не важилъся жадной найменшой чинити перешкоди, симъ унѣверсаломъ нашимъ варуемъ и рейментарско приказуемъ. Данъ въ Лебединѣ декавря 19, року 1708. Звишъ менований гетманъ рукою власною (мѣсто печати рейментарской).

Листъ 20.

4. Мировая запись, по которой козаки Талалаевки обезпечивають полковому прилуцкому асаулу Михайлу Мовчану неоспоримое право на владьніе землями, пріобрѣтенными имъ въ чертѣ земель Талалаевки. 1729 г. ноября 18.

Року 1729, мѣсяца ноеврія осмогонадцять.

Мы, нижей подписанніе, все товариство куреня Талалаевъского, за тую пана асаулову уступку и любовъ, сами и дѣти-наслѣдники наши нѣ до якихъ его, пана асауловыхъ загоновъ, такожъ и до его подданнихъ, жителей талалаевскихъ, жадною мѣрою интересоватися не мѣемъ и не повинни будемъ подъ штрафомъ рублей ста, но толко въ кого естъ тамже около села Талалаевки пахатное поле, чи то у его, пана асаула, или зъ межи насъ у которого, албо у подданнихъ его пана асауловихъ, жителей талалаевскихъ, то всякъ своимъ пахатнимъ полемъ долженъ владѣти спокойне, не узнаючи ни отъ кого въ томъ жадной и найменшей турбаціи теперъ и въ потомніе часы. Чого ради и сію мировую отъ себе даемъ и на оной подписуемся.

Къ сему мировому писму, по прошенію атамана талалаевского и всего товариства, яко неграмотнихъ, я, іерей Александеръ, священникъ талалаевскій во мѣсто ихъ руку приложилъ.

Я, Дорофей Подоляченко, козакъ куреня талалаевского, по прошенію атамана зъ товариствомъ, во мѣсто ихъ и себе руку приложилъ.

Листъ 90 на оборотѣ.

5. Челобитная Михайла Мовчана императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, заключающая перечень военныхъ заслугъ просителя. 1739 г. марта 28.

Всепресвѣтлѣйшая державнѣйшая великая государиня Імператрица

Анна Іоановна самодержца всеросcійская!

Бьетъ челомъ вашему императорскому величеству асаулъ полковый прилуцкій Михайло Мовчанъ; а въ чемъ тое челобите, нижей того слѣдуеть;

Служилъ я нижайшій съ 1679 году продкамъ блаженія и вѣчно достойнія памяти вашего императорского величества по вѣрно присяжной своей рабской должности. Которіе мои службы представляю [1]):

1683 году въ Цесаріи подъ городомъ Виднею зъ королемъ полскимъ на баталѣи билъ. Тогожъ года подъ городомъ Остроgономъ на баталѣи билъ.

1685 году зъ полскимъ рейментаромъ Ревуцкимъ подъ городомъ Язловцемъ на баталѣи билъ,

1686 году зъ тимже рейментаромъ Ревуцкимъ подъ Каменцомъ подолскимъ на баталѣи билъ.

1687 году зъ гетманомъ Иваномъ Самойловичемъ подъ крымскимъ Перекопомъ въ походѣ билъ.

1688 году зъ полковникомъ охочекомонним Семеномъ Палѣемъ подъ городомъ Баромъ на баталѣи билъ.

1689 году зъ тимъ-же полковникомъ Палѣемъ подъ городомъ Паволочю на баталѣи билъ.

1700 году зъ тимъ-же полковникомъ Палѣемъ подъ городомъ Очаковомъ на баталѣи билъ.

1712 году въ баталѣи и на приступѣ зъ полковникомъ Куликомъ подъ городомъ Гданскомъ билъ.

1714 году другимъ разомъ подъ городомъ Очаковомъ зъ полковникомъ Палѣемъ-же на баталѣи билъ.

---

[1]) Перечень походовъ и сраженій, въ которыхъ принималъ участіе Михайло Мовчанъ, составленъ имъ въ глубокой старости по памяти и потому многіе факты не датированы, года другихъ проставлены ошибочно и хронологическая послѣдовательность фактовъ не соблюдена.

Зъ фелдмаршаломъ Борисомъ Петровичемъ Шереметовимъ въ баталѣи и на приступѣ подъ городомъ Казикерменомъ и Таваннює билъ.

Зъ гетманомъ наказнимъ Скоропадскимъ въ баталѣи подъ городомъ полскимъ Кадиномъ посиланъ былъ въ партіи вдарить на короля шведского.

Подъ Ригою, по отходѣ самоблаженія и вѣчно достойнія памяти Петра первого императора и самодержца всероссійского до Полтавы, противъ выпору зъ Риги на баталѣи билъ.

Зъ наказнимъ гетманомъ Даниломъ Апостоломъ въ Печерахъ подъ Мидзою Рантіною въ баталѣи билъ.

Подъ Баромъ на службѣ ея императорскаго величества билъ.

Зъ гетманомъ (наказнымъ) Митлашевскимъ подъ Быховомъ на приступѣ и въ баталѣи билъ.

На службѣ императорскаго величества въ Польщѣ подъ городами: Варшавою и Гродномъ билъ.

Зъ гетманомъ Скоропадскимъ на службѣ императорского величества на Либедѣ билъ.

Зъ гетманомъ Иваномъ Самойловичемъ на службѣ императорского величества, якъ Печерское робили, билъ.

Подъ Сяѣлою (sic) зъ генераломъ Плищиковимъ въ баталѣи билъ.

Зъ наказнимъ гетманомъ Сулимою на службѣ императорскаго величества въ Царичинѣ билъ.

Зъ гетманомъ Скоропадскимъ въ баталѣи подъ Полтавою, когда короля шведского били, бувъ.

Зъ гетманомъ Скоропадскимъ на службѣ императорского величества подъ Камянымъ Затономъ билъ.

Зъ наказнимъ гетманомъ Даниломъ Апостоломъ въ низовомъ походѣ у Дербентѣ на службѣ императорскаго величества билъ.

1731 года на службѣ ея императорскаго величества на линѣи за полковника билъ.

1734 года зъ генераломъ Шаховскимъ въ походѣ въ Полщѣ билъ.

1736 года въ военномъ крымскомъ походѣ на Чорной Долинѣ въ баталѣи подъ городами: Перекопомъ, Козловомъ и Бакцисаромъ на приступѣ билъ за полковника.

1737 года въ военномъ крымскомъ походѣ подъ Карасевомъ въ баталѣи билъ.

1738 года въ военномъ походѣ у Днѣстра билъ.

О вишеписанихъ моихъ службахъ свѣдоми при тогдашнихъ акціяхъ бившіе генералѣтети, гетмани и полковники. За которіе мои вѣрніе служби всемилостивѣйшая государиня императрица прошу вашего императорского величества на мене нижайшого призрѣнія и респекту.

Вашего императорского величества всенижайшій рабъ асаулъ полковій прилуцкій Михайло Мовчанъ. Писана сія челобитная 1739 году марта 28 дня. Къ сій челобитной подписался асаулъ полковій прилуцкій Михайло Мовчанъ, а вмѣсто его неграмотного, по его веленію унукъ оного Андрей Мовчановъ руку приложилъ.

Къ поданю надлежитъ висовопревосходительнѣйшему и високоповелительному господину генералу и кавалеру Александру Ивановичу его високопревосходительству Румянцову, въ походную войсковую енеральную канцелярію.

Листъ 157—158.

6. Записки Андрея Мазараки о смерти и мѣстѣ погребенія его родственниковъ. 1734—1787 г.

1734 года септеврія 5 числа Екатерина Михайловна Мовчановна, матка наша, умерла, которую похоронили въ обители святой троецкой Густинской подъ церквою на лѣвой сторонѣ. А въ далшую память себѣ записалы.

1742 года, августа 7 дня дѣдъ нашъ полковый прилуцкій асаулъ, Михайло Федоровичъ Мовчанъ Божею волею умре, которого тѣло погребено въ монастиру свято-троецкомъ густинскомъ, въ склепу каменномъ подъ церквою.

1746 года, августа 12 бабка наша Параскевія Леонтіевна Мовчаниха умерла, которой тѣло погребено по обычаю христіанскомъ въ монастиру густинскомъ подъ церквою, на лѣвой сторонѣ, въ дубовомъ склепу.

1766 года, февраля 22 дня Марія Михайловна Мовчановна, тетка наша родная, умерла, которой тѣло погребено по обычаю христіанскому въ селѣ Блотницѣ подъ церквою, близъ дверей паламарныхъ, на лѣвой сторонѣ, въ склепу дубовомъ. Впредъ для памяты записано.

1771 года, февраля 14 родный племенникъ мой, Григорій Ивановичъ Мазаракій, полковой прилуцкій асаулъ, волею Божою заболѣлъ въ 1770 году декабря послѣднихъ числъ, а умре вишеписанних года и числа въ день понеделковый, которого тѣло погребено обычаемъ христіанскимъ, въ дубовомъ склепу, при мѣсту обранномъ на ново строящую церковь въ селѣ Талалаевкѣ. Предвираженний племенникъ, асаулъ полковой, имелъ отъ роду вишше двадцати пяти летъ; осталося по немъ дѣтей малихъ трое, при женѣ его Софѣи Федоровнѣ Богаевсковнѣ. Впредь для памяти записалъ Андрей Мазаракій.

Любезнѣйший братъ мой, бунчуковий товаришъ, Иванъ Демяновичъ Мазаракий, сего 1784 году въ генварѣ мѣсяцѣ заболѣлъ и по волѣ Божей отъ временного жития во вѣчное блаженство преставился, февраля въ 24 день, предъ утреннею, въ день суботний; погребенъ-же въ церковномъ склепу марта 4 числа въ талалаевской успенской церквѣ. И для пребудущого знания записалъ бунчуковий товаришъ Андрей Мазаракий. Отъ роду ему было 66 годъ.

Любезний внукъ мой, Степанъ Семеновичъ Мазаракий 1783 года, іюля 27 дня, преставился, а Марѳа Семеновна Мазаракіовна 1787 года, генваря 17 дня, преставилася, коихъ тѣла погребени въ притворѣ церковномъ, съ правои сторони, въ склепахъ дубовихъ.

Родний братъ мой менший, Григорий Демяновичъ, проживающий отъ молодихъ лѣтъ до старости безженнимъ, волею Божею заболѣлъ въ августѣ мѣсяцѣ, преставился сего 1787 году, ноябра противъ 6, въ день пятничний, въ вечеру; погребенъ-же въ день субботи подъ церквою, съ лѣвой сторони отъ притвора женского, въ обикновенной домовинѣ и дубовомъ склепу. Отъ роду ему 65 лѣтъ било.

Листъ 162 на оборотѣ —163.

7. Замѣтки Андрея Мазараки о генеалогіи своего рода, составленныя въ 1764—1765 годахъ.

1764 года для предбудущого ознанія шляхетства фамиліи Мазаракіевъ зъ Гербаріуша, книги третей печатной, при генералной войсковой канцеляріи имѣючогося, виписанно и въономъ значить тако:

„Янъ Мазаракій, о которомъ конституція 1678 на листѣ 3, билъ посломъ отъ короля Яна третого до Персіи, имѣлъ за собою Конституцію (sic, вмѣсто «Констанцію») Крузировне ловчанкеи ифлянско“.

Показанній шляхтичъ нобѣлетованъ въ 1658 году, по рекомендаціи гетмана Виговского, отъ короля полского за услуги, оказанніе въ войску запорожскомъ, о чемъ значить въ книги конституціяхъ полскихъ. Вишне означеній Янъ Мазаракій предиписанному въ универсалѣ полку прилуцкого товаришу, Демяну Мазаракію, отцу мене, на семъ своеручно подписавшогося, отецъ, а мой дѣдъ, съ полской области, оставя свой домъ и всѣ угодія, въ Малороссіи жилъ по смерть свою. По смертижъ оного дочь его старшая, Анна Мазаракіевна была въ замужествѣ за лубенскимъ полковникомъ, Василіемъ Свѣчкою, а синъ Демянъ Мазаракій, женился на дочерѣ полкового прилуцкого асаула, Михайла Мовчана—Екатеринѣ, и отъ нихъ обоихъ половъ я зъ братомъ моимъ, бунчуковимъ товаришомъ Иваномъ Мазаракіемъ сложени; братижъ наши родние: старший Петръ умре безпотоменъ, а менший Григорий, въ болѣзни находяся, проживалъ и проживаетъ при нашихъ домахъ, полку прилуцкого, красноколядинской сотнѣ, въ селѣ Талалаевци—безпотоменъ. Отъ менежъ и жени моей Анни Кандибовни родилося двое дѣтей: дочь Мареа Миклашевская и сынъ Семенъ Андреевичъ Мазаракій; а отъ брата Ивана и жены его Маріи родился сынъ Григорій, кой умеръ, и остались по немъ жена и дѣти. Про память мною, абшитованимъ бунчуковимъ товаришемъ, Андреемъ Демяновичемъ Мазаракіемъ записано

1765 года, декабря 2 дня, полку стародубовского абшитованій мглинскій сотникъ Иванъ Лѣсаніевичъ въ малороссійской коллегіи въ протоколѣ осмого іюля объявилъ мнѣ, яко онъ въ академіи кіевской обучался, зъ умершимъ отцемъ меимъ, Деміаномъ Мазаракіемъ, содержалъ знаемость, разговаривалъ, что покойной отецъ мой уроженецъ былъ полской націи, предкижъ его были греческого рода, нобѣлѣтованній полскій шляхтичъ Янъ Мазаракій. И имѣли ихъ домовство въ городѣ полскомъ Лвовѣ противъ ринку. Въ коемъ городѣ будучи, вишнеименнованій Лѣсаніевичъ въ прошедшомъ 1724 году слихалъ про означенихъ фамилію Мазаракія и видѣлъ показанного Мазаракія ком-

томъ состроеннiй домъ, которой подъ прописанную реченного Лѣсаніевича бытность назывался вже королевскимъ; а для чего, о томъ не извѣстенъ. Состроенъ-же билъ тотъ домъ Мазаракіемъ со статуями и протчими украшеніи и великокоштовно. И какъ о предпрописанномъ всемъ съ вѣдома моего въ сію книгу уписъ сдѣланъ, такъ рукою моею и подписалъ. Бунчуковий товарищъ Андрей Мазаракій.

Листъ 22—23 на оборотѣ.

8. Росписка, данная владѣльцамъ и прихожанамъ села Талалаевки ставленникомъ Василіемъ Андріевскимъ, содержащая обязательство получать вознагражденіе за труды по оцѣнкѣ, обозначенной въ роспискѣ.

1768 года, февраля 10 дня.

Я, нижей подписавшійся, сеею моею подпискою, данною владѣльцомъ села Талалаевки, господамъ бунчуковимъ товарищамъ Андрею и Ивану Мазаракіямъ и прихожанамъ талалаевскимъ какъ козакамъ, такъ и посполитымъ, обовязуюся въ томъ, что буди ли Богъ мене при церкве Успенія Пресвятой Богородицы въ селѣ Талалаевкѣ удостоитъ быть священникомъ, то я за свои труды не большь, какъ толко по данному мнѣ контракту отъ прихожанъ вышеписанной церквѣ взымать буду; а именно: за крещеніе младенца три копейки, за обвенчаніе первого брака десять копѣекъ, за второй и третой бракъ двадцать копѣекъ, за виводини по брацѣ пять копѣекъ, а когда случится зъ сторони кого вѣнчать, то болшь одного рубля не требовать; за похоронъ малій пять копѣекъ, за похоронъ великій десять копѣекъ, за уписъ въ помяновеніе умершихъ, когда будетъ соизволеніе чіе и къ заплатѣ возможность, то за суботний пятьдесятъ копѣекъ, за сорокоустъ два рубли, за молебенъ десять копѣекъ, за панахиду десять копѣекъ, за освященіе дому двадцять копѣекъ, за обѣдъ, когда случится купно за упокой и за здоровній отправлять, то десять копѣекъ. За роковщину пашнѣ: у кого имѣется хотя до троихъ воловъ—полъ четверика государевой мѣры, а у кого четири, а хотяй и цѣлой плугъ воловъ—единъ четверикъ пашнѣ тоей-же мѣры, и какой не случится пашнѣ, принимать безспорно долженъ; отъ пѣшого—три копѣйки, отъ подсусѣдка двѣ; которыми доходами буду доволенъ и вимагательства чинить не буду, развѣ кто

зъ доброй своей волѣ похощетъ датъ. О томъ имъ, господамъ владѣльцамъ и прихожанамъ талалаевскимъ даю сію росписку и на оной своеручно при печати подписуюся. Умершого іерея талалаевского Свято-Успенской церкви Петра Андреева сынъ, Василь Петровъ Андрѣевскій руку приложилъ.

Листъ 161.

9. Такая-же росписка, данная ставленникомъ Кирилломъ Александровымъ 1769 года.

1769 года, августа 13 дня. Я, ниже подписавшійся, далъ сію господамъ владѣлцамъ села Талалаевки, бунчуковимъ товарищамъ, Андрею и Ивану Деміяновичамъ Мазаракіямъ и ихъ наслѣдникамъ, да тогоже села прихожанамъ, козакамъ и посполитству росписку въ томъ, что долженъ я буду, когда удостоюся къ церкви талалаевской священническаго чина, бить во всемъ впредь показаннымъ господамъ владѣлцамъ и ихъ наслѣдникамъ снисходителенъ и малѣйше не противенъ, а въ служеніи церковномъ не лѣнивъ и послушливъ безъ отмѣни. За моюжъ въ чину іерейскомъ услугу, по давнему установленію, какъ предкамъ моимъ: дѣду и отцу, отъ прихожанъ плачено, такъ и я безъ прибавокъ и вимагательствъ взимати буду: за вѣнець первобрачний десять копѣекъ, а отъ второбрачнихъ и третобрачнихъ зъ своихъ прихожанъ по двадцяти копѣекъ, а отъ стороннихъ смотря по имуществамъ, однакъ не болѣе рубля; за погребеніе великое десять копѣекъ, за малое пять копѣекъ, за крещеніе младенца три копѣйки, за освященіе дому двадцять, а за обѣдъ поминалній десять копѣекъ: за сорокоустъ и суботникъ, буди хто пожелаетъ, съ прихожанъ оной талалаевской церкви мене о отправѣ просити, то за сорокоустъ два рублѣ, а суботникъ пятдесятъ копѣекъ получати имѣю. Роковщина-жъ какъ прежде отъ прихожанъ, имущихъ воли, давалась пашнею, какою хто соизволить, то принимать безъ разбору мѣрою казенною, а не старою Роменскою, то есть: отъ вола по одному четверику; а яко и прихожанинъ имѣтиметь воловъ два и болѣе, тотъ давалъ-бы по два четверика. И буди бы я дерзнулъ напротиву сего господамъ владѣлцамъ отъ мене данного обовязателства здѣлать

отмѣну, или причинять прихожанамъ во взяткахъ каково вимагателство и другую непристойность, за то подвергаю себе неопустному оштрафованію по моей командѣ и отъ прихода отставки. Во увѣреніе предвираженного, на семъ своеручно подписался року и дня вишеписанного. Къ сей росписки іерея талалаевскаго Александра Андреева синъ Кирило Александровъ подписался.

Листъ 116 на оборотѣ—162.

ДРЕВНІЯ и НОВЫЯ СКАЗАНІЯ о НАЧАЛѢ КІЕВСКОЙ АКАДЕМІИ.

(Къ вопросу о томъ, можетъ-ли кіевская академія въ 1889 году праздновать трехсотлѣтіе своего существованія).

(Посвящается П. А. Лашкареву).

Въ октябрьской книжкѣ «Кіевской Старины» за прошлый годъ помѣщены «Историческія замѣтки о Кіевѣ», принадлежащія перу извѣстнаго знатока мѣстной исторіи П. Л—ва. Замѣтки эти, изобилуя новыми данными, извлеченными авторомъ изъ разныхъ архивовъ, или-же представляя новую постановку и освѣщеніе данныхъ уже извѣстныхъ, безспорно важны для исторіи нашего города и напоминаютъ собою чрезвычайно любопытные «Объяснительные параграфы о Кіевѣ» другаго знатока южно-русской исторіи М. А. Максимовича. Тѣмъ не менѣе одна изъ 6-ти замѣтокъ уважаемаго автора, именно *о началѣ богоявленскаго братскаго монастыря и кіевской академіи*, не можетъ не вызывать возраженій относительно сообщаемыхъ въ ней фактовъ и сдѣланныхъ на основаніи ихъ выводовъ.

Дѣло въ томъ, что, по недостатку документальныхъ данныхъ о первыхъ временахъ кіево-богоявленскаго братства и школы при немъ, начальная исторія этихъ учрежденій восполняется историками при помощи преданія и собственныхъ соображеній и догадокъ, а потому въ нее привнесено много неточнаго, съ дѣйствительными фактами несогласнаго и самый вопросъ о времени, къ которому должно пріурочить происхожденіе этихъ учрежденій, не имѣя прочной фактической опоры, подверженъ неизбѣжнымъ коле-

баніямъ, что и отразилось на его давней уже исторіи. Очень долгое время въ нашей исторической литературѣ господствовало мнѣніе, что кіево-богоявленское братство существовало еще въ концѣ XVI стол., что бывшую при немъ школу константинопольскій патріархъ Іеремія въ 1589 г., на возвратномъ пути изъ Москвы чрезъ Кіевъ, благословилъ и возвысилъ на степень первоклассного училища и что затѣмъ она, просуществовавъ четверть столѣтія, въ 1614 году сгорѣла, а въ слѣдующемъ 1615 г. переведена была во дворъ, подаренный для сей цѣли Гальшкою Гулевичевною, женою Стефана Лозки, маршала Мозырскаго. Но сравнительно въ недавнее время это, почти установившееся въ наукѣ, мнѣніе значительно было поколеблено новыми изслѣдованіями и соображеніями покойнаго М. А. Максимовича и проф. Н. И. Малышевскаго, которые оба относятъ возникновеніе означенныхъ братства и школы къ 1615 году. Пишущій эти строки, раздѣляя мнѣніе названныхъ изслѣдователей, въ свою очередь старался подкрѣпить оное новыми данными и соображеніями, каковыя и были сообщены имъ въ рефератѣ, читанномъ въ церковно-археологическомъ обществѣ при кіев. дух. академіи и впослѣдствіи напечатанномъ въ мѣстномъ академическомъ журналѣ [1]). По высказанному нами тогда мнѣнію, ученая критика, въ лицѣ Максимовича и Малышевскаго, поколебавъ господствовавшее до нихъ мнѣніе о существованіи кіево-богоявленскаго братства и школы при немъ въ концѣ XVI стол., потому не могла окончательно подорвать историческое его значеніе, что почти вовсе не коснулась главной опоры, которая преимущественно и даетъ ему жизненные соки, т. е. тѣхъ документальныхъ данныхъ, на которыя принято указывать, какъ на доказательства несомнѣннаго существованія кіевскаго братства не позже 1589 года. Мы коснулись этихъ данныхъ—старались провѣрить, дѣйствительно-ли въ нихъ можно находить указанія на существованіе кіевскаго братства въ концѣ XVI ст. Результатъ получился отрицательный. Мы тогда-же заявили, что мнѣніе о первоначальномъ основаніи кіевскаго братства и школы при немъ не позже 1589 г., какъ не имѣющее никакой прочной опоры для научнаго устоя, неизбѣжно должно быть оставлено. Но заявленію нашему, не суждено было исполниться: въ упо-

[1]) Труды кіевской духовной академіи, 1882 г. № 3-й.

мянутыхъ «Историческихъ замѣткахъ о Кіевѣ» П. Л—въ, имѣя въ виду нѣкоторыя новыя данныя, возвращается къ прежнему мнѣнію о существованіи кіево-богоявленскаго братства еще въ концѣ XVI ст., признавая это мнѣніе *вполнѣ достовѣрнымъ*. Затѣмъ, относя первое историческое извѣстіе о существованіи кіевской братской школы къ 1589 году, когда ее благословилъ и возвысилъ константинопольскій патріархъ Іеремія, авторъ «Историческихъ замѣтокъ о Кіевѣ» въ этомъ же году полагаетъ и начало кіевской академіи, возникшей изъ означенной школы,—прибавляя въ заключеніе, что «въ 1889 году въ сентябрѣ или октябрѣ кіевская духовная академія можетъ праздновать трехсотлѣтіе своего существованія».

Такимъ образомъ, вопросъ о первоначальномъ возникновеніи кіево-богоявленскаго братства снова всплываетъ наружу и требуетъ новаго пересмотра. Такой пересмотръ необходимъ не только потому, что защита древняго преданія о возникновеніи кіевскаго братства въ концѣ XVI ст. принадлежитъ извѣстному спеціалисту, вооружена нѣкоторыми новыми данными и помѣщена въ распространенномъ мѣстномъ органѣ, но и въ виду практическихъ соображеній: 1889-й годъ не за горами и въ нашей академіи начинаютъ уже сильно интересоваться предстоящимъ ей юбилеемъ. Рука объ руку съ чисто научнымъ интересомъ выдвигается житейскій вопросъ: лѣтъ черезъ пять можетъ-ли кіевская духовная академія праздновать трехсотлѣтіе своего существованія?

Вопросъ расширяется и обобщается, если взять во вниманіе, что съ началомъ кіевской академіи связана исторія южно-русскаго и вообще русскаго просвѣщенія, такъ какъ чрезъ пять лѣтъ русская наука, русское просвѣщеніе праздновали-бы трехсотлѣтній юбилей своего древнѣйшаго, доселѣ уцѣлѣвшаго училища, и это былъ-бы не частный академическій, не русскій только, но общій всероссійскій, скажемъ болѣе—всеславянскій юбилей.

По необходимости надо обратиться вновь къ вопросу о началѣ кіево-богоявленскаго братства и школы при немъ, подвергнуть новой критикѣ мнѣніе о возникновеніи братства и школы еще въ концѣ XVI ст., прослѣдить самую исторію этого мнѣнія, провѣрить выдвигаемыя авторомъ «Замѣтокъ о Кіевѣ» новыя данныя и соображенія, обслѣдовать вообще всѣ данныя и предположенія,

имѣющія отношеніе къ этому предмету, чтобы отвѣтъ на поставленный вопросъ былъ упроченъ на твердыхъ устояхъ и не могъ быть поколебленъ вновь.

I.

Изслѣдователи, относившіе первоначальное возникновеніе кіево-богоявленскаго братства и школы при немъ къ концу XVI ст., обыкновенно въ подкрѣпленіе своего мнѣнія ссылались на *древнее* якобы *преданіе*, гласившее о пріѣздѣ въ 1589 г. въ Кіевъ константинопольскаго патріарха Іереміи и данномъ имъ здѣшнему братству благословеніи завести высшее училище. Но дѣйствительно-ли существовало подобное преданіе и при томъ древнее? Весьма сомнительно. Въ дошедшихъ до насъ письменныхъ памятникахъ XVII столѣтія, имѣющихъ отношеніе къ кіево-богоявленскому братству, мы не видимъ ни малѣйшаго намека на такое преданіе. Напротивъ, въ нѣкоторыхъ изъ означенныхъ памятниковъ мы находимъ прямыя и ясныя указанія на возникновеніе братства въ Кіевѣ только около 1615 года. Въ относимомъ къ этому году «Уписѣ кіевскихъ братчиковъ» опредѣленно говорится: «Мы грѣшные, послѣдуя божественному и спасительному и человѣколюбивому наставленію...... *хотя и поздно*, пробудившись отъ долговременнаго нерадѣнія и лѣности и мрачной суеты мірской, *восхотѣли прозрѣть къ свѣту благоразумія*. И предстательствомъ Пречистыя и Преблагословенныя Владычицы нашея Богородицы и Приснодѣвы Маріи, силою честнаго и животворящаго Креста и молитвами всѣхъ святыхъ: *по благословенію и повелѣнію* святѣйшаго вселенскаго константинопольскаго патріарха, господина *Тимоѳея*, главнѣйшаго во Христѣ пастыря нашего и прочихъ святѣйшихъ патріарховъ...... *начинаемъ сей душеспасительный дружелюбный союзъ, братство церковное, въ богоспасаемомъ городѣ Кіевѣ.....*» и пр. [1]). Уніатскій митрополитъ Вельяминъ Рутскій, въ составленномъ имъ около 1619 года проэктѣ относительно введенія уніи въ Кіевѣ, говоритъ, что большимъ препятствіемъ для латино-уніатской пропаганды въ этомъ городѣ служитъ *три года тому назадъ основанное здѣсь схизматиками брат-*

---

[1]) Памятники, изданные Кіевскою Коммисіею, т. II, № 2.

ство [1]). Іерусалимскій патріархъ Ѳеофанъ, въ 1620 году посѣтившій Кіевъ, въ своихъ грамотахъ кіево-богоявленскому братству [2]) ни однимъ словомъ не упоминаетъ о благословеніи послѣдняго еще патріархомъ Іереміею, между тѣмъ какъ съ этимъ важнымъ и вполнѣ естественнымъ упоминаніемъ мы постоянно встрѣчаемся въ грамотахъ и актахъ тѣхъ братствъ, какія несомнѣнно получили начальное благословеніе отъ Іереміи и другихъ восточныхъ патріарховъ. Равнымъ образомъ другой іерусалимскій патріархъ Паисій, тоже посѣтившій въ 1649 г. Кіевъ, въ своей грамотѣ богоявленскому братству ничего не говоритъ о какихъ-либо отношеніяхъ къ нему Іереміи, между тѣмъ какъ о Ѳеофанѣ упоминаетъ [3]). Нѣтъ указанія на существованіе братства въ Кіевѣ еще въ концѣ XVI ст. ни въ грамотѣ Сигизмунда III, данной кіевскимъ братчикамъ въ 1629 году [4]), ни въ письмахъ самихъ братчиковъ, посланныхъ въ 1625—1626 гг. царю Михаилу Ѳедоровичу и думному дьяку Ивану Грамматину [5]). Словомъ, въ начальныхъ и вполнѣ достовѣрныхъ письменныхъ памятникахъ, касающихся кіево-богоявленскаго братства, мы не находимъ никакого слѣда того якобы древняго преданія, на основаніи котораго пріурочивается возникновеніе означеннаго братства ко времени не позже 1589 года. Съ подобнымъ преданіемъ, точнѣе историческимъ мнѣніемъ, мы впервые встрѣчаемся лишь во второй половинѣ XVIII ст. Въ январѣ 1765 года въ кіевской академіи полученъ былъ изъ «Духовной митрополіи кіевской консисторіи» указъ съ требованіемъ доставить для адресъ-календаря свѣдѣнія о томъ, «съ какого времени и кѣмъ именно кіевобратскій монастырь основанъ, и кто, и съ какого года, и по какой годъ, были въ ономъ монастырѣ начальники». Въ исторической запискѣ, составленной въ исполненіе означеннаго указа, говорится, что документальныя данныя о кіево-братскомъ училищномъ богоявленскомъ монастырѣ не восходятъ ранѣе 1615 года, «когда вос-

---

[1]) Подлинникъ хранится въ архивѣ греко-уніатскихъ митрополитовъ при св. синодѣ; въ переводѣ напечатанъ въ 8 № «Основы» за 1861 г. и въ «Вѣстникѣ западной Россіи, т. III.

[2]) Памятники кіевской коммисіи, т. II, №№ 3—5.

[3]) Ibid., т. II, № 14.

[4]) Idid., т. II, № 6.

[5]) Архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Дѣла малороссійскія.

послѣдовала отъ Гальшки Гулевичевой надача (дома и двора) на монастырь ставропигіи патріаршей, на школу для дѣтей шляхетскихъ и мѣщанскихъ и на гостинницу странныхъ духовныхъ вѣры церкви восточной». «Но—добавляютъ составители означенной записки—*изъ нѣкоторыхъ обстоятельствъ разсуждать можно, что оный монастырь со школою заложенъ въ 1588 году, когда Іеремія, архіепископъ Константина града и вселенскій патріархъ, былъ въ Россіи для поставленія перваго патріарха на Москву*» [1]). Хотя составители записки и не объясняютъ, какія именно обстоятельства навели ихъ на мысль объ основаніи кіево-богоявленскаго монастыря и школы при немъ въ 1588 году, но изъ сохранившихся между академическими рукописями черновиковъ [2]), имѣющихъ отношеніе къ данному предмету, видно, что авторы записки въ этомъ случаѣ исключительно имѣли въ виду тотъ фактъ, что въ означенное время, «именно въ лѣто 1588 за королеванья въ Польшѣ короля Жигмонта третьяго и за митрополита кіевскаго Онисифора Дѣвочки пріѣхалъ въ нашу землю русскую святѣйшій вселенскій патріархъ константинопольскій Іеремія, первый отъ крещенія Руси, посѣтившій свою паству», и что сей патріархъ при своемъ посѣщеніи западно-русскихъ областей, «хотяй здѣсь обновити *любовь апостольскую, устрояше по мѣстамъ* (т. е. городамъ) *братства церковные*». Если патріархъ Іеремія устроилъ по разнымъ городамъ церковныя братства, то возникало естественное *предположеніе*, что могъ устроить онъ таковое и въ Кіевѣ. И такъ вотъ гдѣ кроется первый зародышъ такого якобы древняго преданія, которое, пріурочивая основаніе кіево-богоявленскаго братства къ 1588 или 1589 гг., съ теченіемъ времени обставилось новыми подробностями и столь крѣпко укоренилось въ нашей исторической литературѣ!.... Подобнаго-же мнѣнія о первоначальномъ возникновеніи кіево-богоявленскаго братства кіевская духовная академія держалась и въ 1771 г., когда отъ нея требуема была вторичная историческая замѣтка по тому-же самому вопросу. Это мнѣніе въ 1773 г. по всей вѣроятности при посредствѣ адресъ-календарей занесено было Герардомъ Миллеромъ и Василіемъ Рубаномъ въ «Старину и Новизну».

---

[1]) Сборникъ рукопис. актовъ кіевской духовной академіи, т. III, № 13.

[2]) Ibid.

Но въ томъ-же 1773 году, когда изъ св. сүнода воспослѣдовалъ новый запросъ о древнемъ и современномъ положеніи кіевской академіи, ученая академическая корпорація, составляя историческую записку о семъ учрежденіи, уже съ недовѣріемъ отнеслась къ прежнему предположенію о началѣ богоявленскаго братства и школы при немъ и высказала по этому предмету новое мнѣніе. На вопросъ: «съ коего именно года кіево-братскій монастырь училищнымъ учрежденъ?» —воспослѣдовалъ отвѣтъ, что *не ранње 1615 г.,* какъ свидѣтельствуютъ о семъ несомнѣнныя документальныя данныя (дарственная запись Гальшки Гулевичевны). «*Чтожъ нѣкоторые догадкою только утверждаютъ*», объясняютъ составители разсматриваемой записки, «якобы братскій монастырь съ церковію, школою и прочимъ отъ 1588 года, когда патріархъ константинопольскій Іеремія пріѣзжалъ въ россійскую землю, начало свое взялъ, а потомъ, по разнымъ случаямъ разоренъ бывши, паки гетманомъ Петромъ Конашевичемъ возобновленъ, *то о томъ нѣтъ изъ чего увѣриться*, а совершеннѣе можно видѣть такъ по грамотѣ святѣйшаго күръ Паисія, патріарха іерусалимскаго, 1649 года, іюля 23 данной [1]), въ которой поминается, что оный гетманъ Петръ Конашевичъ-Сагайдачный съ прочими христолюбцами, по благословенію патріарха іерусалимскаго күръ Өеофана, не разоренную возобновилъ, но вновь своимъ иждивеніемъ церковь и обитель братскую богоявленскую воздвигъ, яко и изъ грамоты святѣйшаго патріарха күръ Өеофана 1620 года мая 17 данной, въ которой между прочаго написано слѣдующее: «Сего ради въ благочиннѣйшее исправленіе и вящшее еже о церквахъ Божіихъ попеченіе, и сихъ расширеніе, смиренія нашего благословеніемъ новодруженное братство *(что разумѣется не иначе— новозаложенное или новосоорүжавшееся братство)* богоспасаемаго града Кіева благословихомъ и хартіею нашею благословенною въ вѣчные роды укрѣпихомъ, къ нему-же моленіемъ любоподражательныхъ братій, ко еже во множайшее распространеніе славы имени Господня въ богоспасаемомъ семъ градѣ Кіевѣ, по образу прочихъ благочестивыхъ братствъ во мнозѣхъ градовѣхъ государства великаго государя короля польскаго сущихъ, братство *младен-*

[1]) Напечатано въ Памятникахъ кіевской коммисіи, т. II № 14.

ческое, старѣйтему братству единомысльное и повинующееся, о Господѣ заложити извольше, благословихомъ и симъ начертаніемъ нашимъ благословляемъ». Слѣдовательно, хотя, какъ въ продолженіи оной грамоты значится, *и были въ прочихъ Королевства Польскаго городахъ братства, но въ градѣ Кіевѣ прежде сего новодруженнаго ни старѣйшаго, ни младшаго братства древнѣйшаго не было, да и бытія таковаго ничьмъ доказать не можно»* [1]).

Это мнѣніе кіевскихъ ученыхъ, по своей обстоятельности заслуживавшее полнаго вниманія, не было однако раздѣляемо почти всѣми послѣдующими изслѣдователями давнихъ судебъ кіевской академіи [2]), хотя какъ можно думать, оно и не оставалось, по крайней мѣрѣ для нѣкоторыхъ изъ нихъ, безъизвѣстнымъ. Такъ преосвященный Евгеній въ своемъ *Краткомъ извѣстіи о началѣ кіевской академіи* [3]) держится мнѣнія, пріурочивающаго первоначальное основаніе кіево-богоявленской братской школы къ 1589 году, причемъ, сообщая нѣсколько новыхъ подробностей, впервые указываетъ на документальныя данныя, якобы подтверждающія означенное мнѣніе. Онъ говоритъ что патріархъ Іеремія на обратномъ пути изъ Москвы въ 1589 году *посѣтилъ Кіевъ* и въ это время далъ благословеніе завести въ семъ городѣ высшее училище (подобное острожскому, львовскому и виленскому) при знатнѣйшей тогда изъ кіевскихъ русскихъ школъ, находившейся у богоявленской церкви, которая имѣла уже тогда для содержанія оной и особое братство и доходныя маетности, *какъ видно изъ одной купчей отъ кіевскаго жителя Андрея Обухова записи 1594 г. на сверчановскій плацъ на Подолѣ, уступленный сему братству.* Но когда богоявленская школа сія сгорѣла, то жена маршала мозырскаго, Анна Гулевичева, отдала подъ школы свой домъ со всею усадьбою и пристройками,

---

[1]) Рукопись кіевской духовной академіи, № 26.

[2]) Не говоримъ всѣми, но *почти всѣми,* потому что въ концѣ прошлаго столѣтія въ самой академіи кіевской ея начало полагали въ 1620 году, когда она была утверждена и благословлена патріархомъ Ѳеофаномъ. Такъ въ *Кіевскомъ Мѣсяцесловѣ на лѣто 1798 г.*, составленномъ Ириннеемъ Фальковскимъ, въ *хронологіи вещей достопамятныхъ* обозначено: *отъ заведенія кіевской академіи — 178 годъ.*

[3]) Помѣщено въ приложеніяхъ къ Описанію кіево-софійскаго собора, подъ № 41-мъ.

находившійся на мѣстѣ нынѣшняго братскаго монастыря.—Тоже самое вслѣдъ за преосвященнымъ Евгеніемъ повторяли и послѣдующіе историографы нашей академіи: преосвященный Макарій и В. Аскоченскій, а также и другіе писатели, касавшіеся древнихъ судебъ кіево-богоявленскаго братства (Фундуклей, Закревскій и др.), съ нѣкоторыми впрочемъ измѣненіями и дополненіями. Такъ Аскоченскій основаніе кіевскаго училища относитъ «къ той эпохѣ, когда конституціею сейма люблинскаго, въ 1569 году, окончательно утверждено начавшееся еще съ 1501 года соединеніе Литвы и Польши и когда Кіевъ съ прочими своими городами причисленъ къ польскому королевству»[1]). По его мнѣнію Іеремія былъ въ Кіевѣ два раза: въ 1588 году, когда отправлялся въ Москву и въ слѣдующемъ 1589 г. на обратномъ пути оттуда. Во время этого вторичнаго посѣщенія Кіева, онъ по просьбѣ здѣшнихъ гражданъ и преобразовалъ существующую при богоявленской церкви школу въ высшее просвѣтительное учрежденіе. «Благословеніе патріарха, по словамъ Аскоченскаго, было первымъ и основнымъ камнемъ того училища, которому суждено было потомъ возвыситься до званія академіи и которое съ того времени рѣзко стало отличаться отъ другихъ совмѣстныхъ и современныхъ ему». Въ подверждение несомнѣннаго существованія кіево-богоявленскаго братства еще въ XVI столѣтіи, Аскоченскій, кромѣ упоминаемой преосвященнымъ Евгеніемъ записи Андрея Обуха 1594 года, указываетъ еще на выпись изъ гродскихъ кіевскихъ книгъ 1593 года, изъ коей видно, что въ этомъ году «кіевскій пагорскій священникъ Филиппъ Афанасьевъ положилъ передъ урядомъ королевскимъ листы урядниковъ воеводства кіевскаго для подтвержденія принадлежащихъ къ церкви Трехъ-святительской и Крестовоздвиженской вотчинъ со всѣми ихъ угодьями *и для передачи ихъ потомъ кіево-богоявленскому братству*»[1]).

Указывая на пожаръ 1614 года, якобы истребившій богоявленскую церковь и бывшую при ней школу, историографы кіевской академіи начальную пустоту этого пожарища восполняютъ перечнемъ знаменитыхъ своимъ просвѣщеніемъ или воинскими подвигами

[1]) Кіевъ съ древнѣйшимъ его училищемъ академіею, т. I, стр. 57.

лицъ, воспитаніе которыхъ, по ихъ словамъ, «неотъемлемо принадлежитъ древней кіевской школѣ». Къ числу такихъ лицъ преосвященный Макарій относитъ: *Кирилла Транквилліона-Ставровецкаго, Захарію Копыстенскаго, Богдана Хмѣльницкаго*, а Аскоченскій прибавляетъ еще къ нимъ: *Елисея Плетенецкаго, Леонтія Карповича, Кассіана Соковича* и сподвижниковъ Хмѣльницкаго, *Павла Тетерю* и *Якима Сомка*.

Такъ постепенно укоренялось, распространялось и пріумножалось новыми наслоеніями древнее якобы преданіе о возникновеніи кіево-богоявленскаго братства еще въ концѣ XVI столѣтія.

Сводя все сказанное относительно сего преданія, получаемъ нижеслѣдующія положенія о первомъ якобы 25-лѣтнемъ (1589—1615) существованіи братства и школы при немъ:

1) Братство существовало до 1588—1589 гг., ибо посѣтившій въ это время Кіевъ константинопольскій патріархъ Іеремія уже засталъ его сформировавшимся.

2) Начало кіевской академіи слѣдуетъ полагать въ 1589 году, потому что въ этомъ именно году означенный патріархъ возвысилъ братскую школу, преобразовавъ ее въ высшее православное училище, по образцу другихъ существовавшихъ въ литовско-русскихъ областяхъ.

3) Братская школа за первое 25-лѣтіе своего существованія воспитала многихъ знаменитыхъ своимъ просвѣщеніемъ и разнаго рода услугами отечеству лицъ.

4) Братство въ разсматриваемое время владѣло дворомъ въ Кіевѣ, земельными угодьями и вотчинами, какъ это видно изъ двухъ документовъ 1593 и 1594 гг.

5) Въ 1614 году пожаръ истребилъ братскую церковь и бывшую при ней школу; но уже въ слѣдующемъ году братство, благодаря дару Гальшки Гулевичевой, начинаетъ возрождаться и снова преуспѣваетъ на пользу православной церкви и русской народности.

II.

Укрѣпленное и формулируемое такимъ образомъ мнѣніе о существованіи кіево-богоявленскаго братства еще въ концѣ XVI ст. впервые было поколеблено М. А. Максимовичемъ въ 1865 г. въ его

статьѣ «О первыхъ временахъ кіевскаго богоявленскаго братства» [1]). Вотъ что писалъ онъ тогда по этому предмету. «Къ двумъ съ половиною вѣкамъ исторической жизни кіево-братскаго училища добавляется еще 25-лѣтнее бытіе прежней богоявленской школы, которая съ 1589 года, благословеніемъ патріарха Іереміи, была возвышена предъ прочими приходскими школами кіевскими. Но объ ней еще не открыто, кажется, того-временныхъ извѣстій, ни объ томъ пожарѣ, которымъ она истреблена, какъ полагаютъ, 1614 года. Печальная пустота этого пожарища восполняется нынѣ знаменитыми именами предполагаемыхъ тамъ наставниковъ и питомцевъ (слѣдуетъ перечень тѣхъ и другихъ по исторіямъ кіевской академіи преосвященнаго Макарія и Аскоченскаго). Но для признанія неотъемлемой принадлежности ихъ всѣхъ къ прежней богоявленской школѣ надобно того-временное свидѣтельство о каждомъ, начиная съ Елисея Плетенецкаго, который скончался въ октябрѣ 1624 г., семидесятилѣтнимъ старцемъ, и съ 1595 года былъ уже архимандритомъ»... «Нельзя и подумать, продолжаетъ почтенный изслѣдователь, чтобы въ кіевской школѣ, получившей патріаршее благословеніе 1589 года, не принималъ дѣятельнаго участія свято-памятный князь Константинъ Острожскій, будучи воеводою кіевскимъ до кончины своей въ 1608 году. Но объ этомъ не нашлось еще и намека въ того-временной письменности, такъ же какъ не видно изъ нея и прежней богоявленской церкви, при которой находилась та братская школа. Единственный слѣдъ ихъ—купчая запись 1594 года, данная кіевскимъ земяниномъ Андреемъ Обухомъ и его женою Настасіею Сверщовскою на ихъ сверщовскій домъ на Подолѣ и сѣножать па Оболони. Но и той купчей записи не знаемъ мы въ подлинникѣ; а говорится о ней уже чрезъ сто лѣтъ, въ царской грамотѣ 1694 года».

Спустя четыре года послѣ этого, проф. Малышевскій въ своей «Исторической запискѣ о кіевской академіи», читанной имъ на юбилеѣ академіи 1869 г., еще рѣшительнѣе доказывалъ несостоятельность мнѣнія о началѣ кіево-богоявленскаго братства и школы при немъ со времени пріѣзда въ Россію патріарха Іереміи. Сущность его доказательствъ состоитъ въ слѣдующемъ: 1) Ни откуда не извѣстно,

---

[1]) Кіевскія Епархіальныя Вѣдомости 1865 г., №№ 21, 23 и 24.

что Іеремія, на пути-ли въ Москву или обратно, былъ въ Кіевѣ: въ первомъ и другомъ случаѣ онъ ѣхалъ на Замостье, Вильну, Смоленскъ, посѣщая на этомъ пути и другіе города, въ числѣ коихъ ни въ какомъ актѣ не упоминается о Кіевѣ. 2) О грамотѣ и благословеніи Іереміи не упоминается ни въ одномъ изъ начальныхъ и вполнѣ достовѣрныхъ актовъ кіевскаго братства, что—буде таковая грамота и благословеніе даны—представляется дѣломъ необъяснимымъ. 3) Купчая запись Андрея Обуха неизвѣстна намъ ни въ подлинникѣ, ни въ выписи: мы знаемъ о ней только по ссылкѣ въ грамотѣ 1694 года. 4) Мнѣніе о пожарѣ 1614 г., истребившимъ будто-бы братскій монастырь и школу, не могло быть доселѣ подтверждено никакимъ историческимъ документомъ. 5) Самыя выраженія записи Гальшки Гулевичевой 1615 года и братскаго «уписа» начала 1616 г. даютъ прямое заключеніе, что братство со школою только теперь начиналось. Анна Гулевичева говоритъ, что даетъ дворъ съ землею на монастырь ставропигіи патріаршей и школу, т. е. на *будущій* монастырь, *будущую* ставропигію, *будущую* школу, иначе она назвала-бы этотъ монастырь, упомянула-бы объ учрежденіи ставропигіи; далѣе она выражается, что только вводитъ монашествующихъ и школу въ жертвуемый ею для нихъ дворъ съ землею. А члены «уписа» говорятъ еще прямѣе: *начинаемъ* сей душеспасительный союзъ—братство церковное; *начинаемъ* по благословенію святѣйшаго патріарха Тимоѳея и прочихъ патріарховъ и *согласно съ уставами*, которые даны отъ святѣйшихъ патріарховъ братствамъ городовъ: Львова, Вильны, Могилева и церквамъ другихъ городовъ.—Можно-ли было-бы не упомянуть тутъ о братствѣ и школѣ, получившихъ благословеніе отъ патріарха Іереміи, если-бы то и другое дѣйствительно было?»[1])

Но ни Максимовичъ, ни Малышевскій, возражая противъ достовѣрности мнѣнія объ основаніи кіево-богоявленскаго братства въ 1589 г., не касались тѣхъ документовъ, на которыхъ мнѣніе это опирается. Документы эти слѣдующіе: 1) Купчая отъ 1594 г. кіевскаго земянина Андрея Обуха и его жены Наталіи, урожденной Сверщовской, на проданный ими братству кіевскому дворъ ихъ на Подолѣ и сѣножать на Оболони за тридцать копъ грошей литов-

---

[1]) Труды кіевской духовной академіи, 1869 г., т. IV.

скихъ и 2) Листы урядниковъ воеводства кіевскаго отъ 1593 г., подтверждающіе принадлежность трехъ-святительской и крестовоздвиженской церквамъ ихъ вотчинъ и передачу ихъ потомъ со всѣми принадлежностями кіево-богоявленскому братству.

Оба эти документа упоминаются въ царской грамотѣ 1694 г. и съ тою-же датою поименованы въ находящейся и нынѣ въ библіотекѣ кіево-печерской лавры рукописной «Описи» (конца прошлаго столѣтія) документамъ на имѣнія, принадлежавшія кіевскимъ монастырямъ. Въ этой послѣдней подъ рубрикою: «Документы на состоящіе въ городѣ Кіево-Подолѣ, кіево-братскому монастырю принадлежащіе плацы», подъ №№ 1 и 2-мъ, значится: 1) «Выпись съ книгъ гродскихъ воеводства кіевскаго 1593 года марта 20 дня, данная бывшему священнику церкви верхне-кіевской трехъ-святительской Филиппу Афанасьевичу съ упоминкомъ данныхъ ему прежнихъ на оную церковь разныхъ привиллегій, правъ и принадлежностей къ той церкви; оная выпись въ книгу оправлена и во многихъ мѣстахъ подклеивана», и 2) «Купчая жителя кіевскаго Андрея Обуха на состоящій въ городѣ Кіево-Подолѣ плацъ, называемый сверчановскій, *съ уступкою* онаго кіевскому Богоявленія Господня братству; 1594 г., сентября 5 дня, на двухъ листахъ; одинъ изъ коихъ писаный, а другой порожній». Такимъ образомъ въ существованіи этихъ документовъ не можетъ быть никакого сомнѣнія; но является вопросъ, могутъ-ли эти документы служить доказательствомъ существованія кіево-богоявленскаго братства въ тѣ годы, которыми они означены. На этотъ вопросъ въ свое время мы дали и теперь даемъ отвѣтъ отрицательный.

Начнемъ съ купчей Андрея Обуха 1594 г. Въ приведенномъ нами по лаврской описи заглавіи этого документа слова: *съ уступкою онаго* очевидно находятся въ противорѣчіи какъ съ названіемъ документа *купчею*, такъ и съ выраженіями царской грамоты 1694 г., гдѣ говорится, что «Андрей Обуховъ съ женою своею Наталіею Сверщевскою *продали* въ братскій монастырь дворовое свое мѣсто сверчановское и съ сѣножатью... *за тридцать копъ литовскихъ*». Слово *уступка* заключаетъ въ себѣ понятіе *о подаркѣ, безденежной отдачѣ* какого либо предмета другому лицу и потому въ разсматриваемыхъ нами мѣстахъ является несообразностію, вызывающею недоумѣніе. Если Андрей Обухъ продалъ братству свой дворъ

за тридцать копъ литовскихъ, то могъ-ли составитель описи сказать, что этотъ дворъ перешелъ во владѣніе братства посредствомъ *уступки?*—Думаемъ, что не могъ, тѣмъ болѣе, что во всемъ своемъ обширномъ трудѣ при описаніи документовъ онъ строго различаетъ продажу *отъ уступки*, вездѣ разумѣя подъ послѣднею *пожертвованіе, дарственную запись*, какъ можно, напримѣръ, видѣть изъ слѣдующихъ выписокъ изъ описи: 1) «*уступной листъ*, данный Николаемъ Макаровичемъ пану Пукаловичу на вѣчное владѣніе Совкою»; 2) «*уступка* части мельницъ въ Бѣлгородкѣ кіево-софійскому монастырю отъ Михаила Мисниченка», и т. п.

Чѣмъ-же объяснить указанное нами противорѣчіе?

Думаемъ, что другаго способа для этого нѣтъ, какъ предположить, что въ 1594 г. Андрей Обухъ дѣйствительно продалъ свой сверчсковскій дворъ, но продалъ не кіево-братскому монастырю, а какому либо частному лицу, а это послѣднее, провладѣвъ извѣстное время купленнымъ мѣстомъ, *уступило* (т. е. пожертвовало) оное кіево-богоявленскому братству, въ то время уже существовавшему. Когда судебнымъ порядкомъ закрѣплялось означенное пожертвованіе, братству вручена была съ уступочною надписью и купчая 1594 года, какъ основной документъ на владѣніе означеннымъ мѣстомъ. Можно допустить, что дворъ, принадлежавшій въ 1594 г. Андрею Обуху съ женою, былъ перепроданъ нѣсколько разъ и могъ перейти къ братству чрезъ третьи и четвертыя руки; но очевидно, что сущность дѣла отъ этого нисколько не измѣняется. Когда въ 1694 году купчая Андрея Обуха, какъ основной документъ на владѣніе сверчсковскимъ дворомъ, представлена была, вмѣстѣ съ прочими крѣпостными документами кіево-братскаго монастыря, въ Москву для исходатайствованія подтвердительной царской грамоты на всѣ имѣнія и угодія, издавна принадлежавшія этому монастырю, въ Малороссійскомъ Приказѣ, при внесеніи въ грамоту посланныхъ документовъ, въ купчей Андрея Обуха легко могло быть упущено изъ виду слово: *съ уступкою*, которое мы находимъ въ лаврской описи. Для лицъ, служащихъ въ Малороссійскомъ Приказѣ, документъ, написанный на южно-русскомъ нарѣчіи, и при томъ сто лѣтъ назадъ, представлялъ при чтеніи не мало затрудненій. Не мудрено, что какой нибудь малограмотный приказный, обозначая содержаніе разсматриваемаго документа, обошелъ,

быть можетъ по трудности чтенія, уступочную запись, которая могла быть написана кратко гдѣ либо на оборотѣ купчей, а имѣя дѣло лишь съ купчей и выслѣдивъ въ ней имя продавца, названіе продаваемаго мѣста и цѣну онаго, не затруднился самую покупку приписать братскому монастырю, такъ какъ купчая представлена отъ него, какъ одинъ изъ его крѣпостныхъ документовъ. Иначе, т. е. съ большею точностію могъ изложить содержаніе этой купчей составитель упомянутой выше описи, постоянно имѣвшій дѣло съ древними южно-русскими документами и пріобрѣвшій большой навыкъ въ чтеніи ихъ, а потому его изложенію содержанія купчей Андрея Обуха должно отдать предпочтеніе предъ изложеніемъ того-же документа писцами Малороссійскаго Приказа.

Было-бы однако съ нашей стороны очень смѣло на одномъ предположеніи о возможной ошибкѣ писца утверждать, что сверчковскій дворъ перешелъ къ братству не непосредственно отъ Андрея Обуха съ женою, по запродажной, а отъ втораго и даже третьяго лица и при томъ чрезъ пожертвованіе, если-бы не имѣли на это положительнаго документальнаго свидѣтельства. Въ 1693 году, мая 17-го, т. е. не задолго до отправленія въ Москву крѣпостныхъ документовъ кіево-братскаго монастыря для подтвержденія ихъ царскою грамотою, іеромонахи этого монастыря Рафаилъ Васильевичъ да Парфеній Родовичъ явились въ кіевскую ратушу и просили именемъ своего игумена, ректора Іоасафа съ братіею, чтобы войтъ, бурмистры и лавники назначили коммисію для осмотра и описи земель и дворовъ, издавна, посредствомъ купли или пожертвованій пріобрѣтенныхъ братскимъ монастыремъ. Очень можетъ быть, что это именно была провѣрка недвижимостей по документамъ и самыхъ документовъ предъ отправленіемъ ихъ въ Москву. Назначенные на этотъ разъ отъ ратуши урядники, вмѣстѣ съ братскими старцами, «дворы осматривали и описали ихъ», а въ описаніи ихъ, между прочимъ, находится слѣдующее весьма важное для насъ свѣдѣніе о сверчковскомъ дворовомъ мѣстѣ: «*седьмой* (по счету описи) *дворъ сверчсковскій данъ въ монастырь отъ Крестины Легиничевой и отъ Агафіи Козачинки*» (слѣдуетъ затѣмъ вычисленіе границъ и размѣровъ этого двора) [1]). И такъ не можетъ подлежать

[1]) Рукопись кіевской духовной академіи: *Выпись размѣренія плацовъ монастыря богоявленскаго братскаго.*

сомнѣнію, что въ 1594 году Андрей Обухъ и его жена продали свой сверческовскій дворъ не кіево-богоявленскому братству, а кому-то другому, можетъ быть родителямъ названныхъ выше жертвовательницъ, или имъ самимъ, и уже отъ этихъ послѣднихъ означенный дворъ перешелъ по дарственной записи во владѣніе братства, а слѣдовательно на принадлежности кіевскому братству крѣпостнаго документа съ датою 1594 г. нельзя основывать заключенія о существованіи въ томъ году самаго братства. Купчая 1594 года передана была братчикамъ жертвовательницами Лешничевою и Козачинкою, какъ основной документъ на владѣніе пожертвованнымъ мѣстомъ, а когда это случилось, неизвѣстно. Но что купчая 1594 года была именно такимъ основнымъ документомъ, это между прочимъ ясно видно изъ дѣвичьей фамиліи жены Андрея Обуха—фамиліи сходной съ названіемъ проданнаго мѣста. Сверчковскій дворъ, очевидно, былъ родовою собственностію Наталіи Сверцовской.

Что касается втораго документа, древняя дата котораго приводится, какъ доказательство существованія кіево-богоявленскаго братства въ концѣ XVI ст., именно «Королевскихъ листовъ...», то какъ въ царской грамотѣ 1694 года, такъ и въ упомянутой лаврской описи документовъ, при изложеніи содержанія этого документа ни однимъ словомъ не упоминается о кіевскомъ братствѣ. Приведенное нами выше полное его оглавленіе или содержаніе съ указаніемъ на братство принадлежитъ историку академіи Аскоченскому и есть не болѣе, какъ его собственное измышленіе. Руководствуясь этою произвольною добавкою или догадкою, сторонники древняго преданія о первоначальномъ основаніи кіевскаго братства еще въ XVI ст., разсуждаютъ такъ: въ 1693 году братскій монастырь, ходатайствуя предъ московскимъ правительствомъ о закрѣпленіи за нимъ находившихся въ его владѣніи помѣстій, представилъ, между прочимъ, для доказательства своихъ правъ на имѣнія, прежде принадлежавшія двумъ кіевскимъ церквамъ и ему уступленныя, документъ отъ 1593 года; слѣдовательно въ означенномъ году братство уже существовало. Но такое разсужденіе стольже основательно, какъ и ссылка на купчую Обуха. Извѣстно, что въ то время частныя лица и общественныя учрежденія, пріобрѣтая (посредствомъ-ли дара или черезъ покупку) какія либо помѣстья, угодья и т. п., всегда старались получить первоначальные, основ-

ные документы на эти помѣстья и когда хлопотали объ утвержденіи своихъ правъ на пріобрѣтенную собственность, то представляли въ судебныя и другія правительственныя мѣста эти документы. Такъ, напримѣръ, кіево-печерская лавра получила въ даръ село Сѣраково отъ князя Воронецкаго въ 1588 году, но когда впослѣдствіи началось тяжебное дѣло по поводу владѣнія лаврою означеннымъ селомъ, то печерскіе повѣренные предъявляли для судебнаго утвержденія документъ отъ 1541 года [1]). Точно также поступалъ и кіево-братскій монастырь. Въ извѣстной царской грамотѣ 1694 года говорится, что у братскихъ иноковъ есть крѣпости на разныя, принадлежащія имъ, угодія еще отъ польскаго короля Генриха [2]), слѣдовательно отъ такого времени, когда даже по мнѣнію сторонниковъ древняго преданія о первоначальномъ возникновеніи кіево-богоявленскаго братства, последнее еще не существовало. Такъ поступилъ братскій монастырь и въ данномъ случаѣ: онъ представилъ документъ, который доказывалъ, что земли, которыя перешли къ нему отъ кіевскихъ трехъ-святительской и кресто-воздвиженской церквей, принадлежали этимъ церквамъ на правѣ собственности въ 1593 году. Между тѣмъ по актамъ можно прослѣдить, что имѣнія церквей трехъ-святительской и кресто-воздвиженской перешли въ владѣніе кіево-богоявленскаго братства *не въ 1593 году, а гораздо позже.* Такъ въ 1615 году на владѣніе имѣніями означенныхъ церквей выхлопоталъ привилей священникъ Моисей Ивановичъ [3]). Въ слѣдующему году церковь св. Воздвиженія съ принадлежащими къ ней землями была въ вѣденіи священника Филиппа [4]); но затѣмъ опять перешла къ прежнему владѣльцу. Что-же касается до кіево-богоявленскаго братскаго монастыря, то онъ сталъ пользоваться доходными статьями поименованныхъ церквей только съ 1638 года. Прямое указаніе на это находится въ универсалѣ короля Владислава IV, утвердившаго за братствомъ уступочную запись на имѣнія церквей поименованнаго священника Моисея Ивановича [5]).

---

1) Рукопись лаврской библіотеки, № 205.

2) Памятники кіевской коммисіи, т. II, стр. 312.

3) Рукопись кіевской академіи, № 26.

4) Матеріалы для исторіи кіевской митрополіи, издан. Н. Г. Лебединцевымъ.

5) Рукопись духовной академіи, № 26.

Изъ сказаннаго, надѣемся, достаточно ясно видно, что какъ купчая Андрея Обуха 1594 г., такъ и «королевскіе листы» 1593 года первоначально были выдаваемы не кіево-богоявленскому братству и вообще никакого отношенія къ нему въ означенное время не имѣли. Слѣдовательно и ссылка нѣкоторыхъ изслѣдователей на указанные документы, какъ на неопровержимое доказательство существованія братства въ Кіевѣ еще въ концѣ XVI-го столѣтія, теряетъ всякое значеніе.

III.

Перейдемъ теперь къ доводамъ автора «Историческихъ замѣтокъ о Кіевѣ». Какъ мы видѣли, онъ дѣлаетъ рѣшительный поворотъ въ пользу прежняго мнѣнія о возникновеніи кіевскаго братства и школы при немъ еще въ концѣ XVI ст., называя означенное мнѣніе *вполнѣ достовѣрнымъ* и приводя въ подкрѣпленіе его нѣкоторыя новыя указанія, бывшія неизвѣстными предшествовавшимъ изслѣдователямъ кіевской старины. Эти указанія касаются пріѣзда въ Кіевъ въ 1589 г. константинопольскаго патріарха Іереміи, который будто-бы благословилъ кіевское братство и его школу и время построенія первой богоявленской церкви, которое авторъ относитъ не къ XVII, а къ XVI ст.

«Что патріархъ Іеремія, говоритъ Н. Л—въ, дѣйствительно былъ въ Кіевѣ, подтвержденіе сему находимъ въ описаніи путешествія антіохійскаго патріарха Макарія, составленномъ спутникомъ его діакономъ Павломъ. Послѣдній пишетъ, что въ 1654 г., бывши въ софійскомъ домѣ кіевскаго митрополита Сильвестра Коссова вмѣстѣ съ патріархомъ, онъ видѣлъ здѣсь портретъ константинопольскаго патріарха Іереміи во весь ростъ, съ красивымъ лицомъ и бородою, между портретами антіохійскаго патріарха Іоакима, александрійскаго Мелетія и іерусалимскаго Θеофана. При этомъ онъ говоритъ, что всѣ эти четыре патріарха пріѣзжали въ Кіевъ непосредственно одинъ за другимъ и что въ Кіевѣ издревле ведется обычай списывать портретъ всякаго патріарха, посѣтившаго эту страну, для того, чтобы сохранить память о немъ на вѣчныя времена».

Прежде всего замѣтимъ, что почтенный авторъ, передавая сжато разсказъ Павла Алепскаго, не совсѣмъ точно приводитъ нѣкоторыя выраженія подлинника. У Павла Алепскаго, въ его «Описаніи путешествія антіохійскаго патріарха Макарія», приведенное мѣсто въ полномъ видѣ читается такъ: «Наконецъ мы (патріархъ Макарій съ своею свитою, въ составѣ которой былъ и авторъ записокъ Павелъ Алепскій)... отправились къ св. Софіи съ визитомъ митрополиту. Мы вошли въ его покои и видѣли тамъ изображенія четырехъ прежнихъ патріарховъ на холстѣ во весь ростъ. *Въ этой странѣ* (in this country) издавна ведется такой обычай, что если какой нибудь патріархъ посѣтитъ ихъ, то они снимаютъ съ него портретъ, точно (въ томъ видѣ), какъ онъ появляется среди нихъ, чтобы они могли сохранить память о немъ навсегда. Всѣ четыре патріарха изображены въ св. облаченіи съ жезлами, въ митрахъ, съ панагіями и крестами. Первый изъ нихъ, пріятно поразившій насъ, былъ Іоакимъ, патріархъ антіохійскій, прозванный *Сеѣтъ*. У него смуглое лицо и сѣдая остроконечная борода. На портретѣ имя его подписано по гречески, а по датѣ (времени написанія) мы высчитали, что этому портрету 72 года; рядомъ съ нимъ находится Мелетій, патріархъ александрійскій, съ длинною бѣлою бородою; близъ него Іеремія, патріархъ константинопольскій, съ красивымъ лицомъ и бородою, а тотчасъ за нимъ Ѳеофанъ, патріархъ іерусалимскій, съ длинною черною бородою. Всѣ четверо около одного и того-же времени *пріѣзжали въ эту страну*, непосредственно слѣдуя одинъ за другимъ (All four about the same time came *to this country*, the one immediately following the other)»[1].

Такимъ образомъ Павелъ Алепскій не говоритъ, что всѣ поименованные патріархи *были въ Кіевѣ*, но заявляетъ только, что *они пріѣзжали въ эту страну*, т. е. литовско-русское государство, въ которомъ находился и Кіевъ. И мы думаемъ, что указанное различіе (замѣна страны городомъ) въ данномъ случаѣ имѣетъ не маловажное значеніе. Правда, портреты четырехъ восточныхъ патріарховъ Павелъ Алепскій видѣлъ въ Кіевѣ, но отсюда еще не слѣдуетъ заключать, чтобы эти портреты и были писаны именно въ

---

[1]) The travels of Macarius, Patriarch of Antioch: изд. въ Лондонѣ 1836 г., т. 2, стр. 308.

этомъ городѣ и притомъ писаны съ оригиналовъ. Въ западно-русскихъ областяхъ дѣйствительно, какъ справедливо замѣчаетъ діаконъ Павелъ, существовалъ обычай списывать портреты посѣщавшихъ Русь восточныхъ патріарховъ, причемъ, добавимъ мы, списываніе производилось въ весьма обширныхъ размѣрахъ и портреты іерарховъ во многихъ экземплярахъ распространялись между разными лицами и учрежденіями на всемъ пространствѣ литовско-русскаго государства. Вслѣдствіе этого, портреты восточныхъ патріарховъ зачастую можно было встрѣчать въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ они никогда не бывали. Когда въ 1620 г. прибылъ въ Кіевъ іерусалимскій патріархъ Ѳеофанъ, то съ него снято было здѣсь значительное количество портретовъ, которые тогда-же и разсылались по разнымъ литовско-русскимъ городамъ—братствамъ и наиболѣе значительнымъ лицамъ изъ православной южно-русской аристократіи. Латино-уніаты, во время возникшей литературной полемики съ православными по поводу возстановленія означеннымъ патріархомъ южно-русской іерархіи, упрекали виленскихъ братчиковъ, что они воздаютъ турецкому шпіону (такъ уніатскія власти называли патріарха Ѳеофана) чуть не божескія почести: ставятъ около иконъ его портреты, имѣютъ ихъ по церквамъ, носятъ во время крестныхъ ходовъ... Что-же удивительнаго, если у кіевскаго митрополита половины XVII ст. можно было встрѣтить подобные портреты восточныхъ патріарховъ? И неужели можно такое обстоятельство поставлять въ неизбѣжную связь съ пріѣздомъ этихъ іерарховъ въ Кіевъ?

Но если-бы у Павла Алепскаго и дѣйствительно было указаніе на посѣщеніе Кіева четырьмя восточными патріархами, въ томъ числѣ и *Іереміею константинопольскимъ*, то и такому указанію нельзя было-бы придавать серьезнаго историческаго значенія, какъ не согласному (за исключеніемъ одного случая—пріѣзда въ Кіевъ Ѳеофана) съ достовѣрными фактами. Такъ положительно извѣстно, что антіохійскій патріархъ Іоакимъ при своемъ посѣщеніи земли россійской не доѣзжалъ до Кіева, александрійскій—Мелетій Пигасъ не только никогда не былъ въ этомъ городѣ, но и вовсе не посѣщалъ западно-русскія области; что-же касается Іереміи константинопольскаго, то его двухкратный переѣздъ по юго-западной Россіи (въ Москву и обратно) можно прослѣдить со всѣми, иногда довольно

длинными остановками, причемъ до очевидности будетъ ясно, что этотъ іерархъ ни въ 1588 году, когда ѣхалъ въ Москву, ни въ слѣдующемъ 1589 г., когда возвращался изъ нея, *въ Кіевъ не заѣзжалъ* [1]).

Итакъ, и это новое подкрѣпленіе древняго преданія о началѣ кіево-богоявленскаго братства не можетъ дать ему никакой опоры, какъ неточное и несогласное съ положительными историческими данными. Не подкрѣпляютъ этого преданія и соображенія П. Л—ва о времени построенія первой богоявленской церкви, хотя и основанныя на новомъ историческомъ указаніи. Сущность этихъ соображеній и ихъ отношеніе къ данному вопросу слѣдующія.

Извѣстно, что братство кіевское всегда называлось богоявленскимъ по имени церкви, при которой оно было учреждено: если

---

[1]) Путь патріарха Іереміи въ Москву и обратно чрезъ литовско-русскія области, какъ видно изъ положительныхъ документальныхъ данныхъ, былъ слѣдующій:

а) *Путь патріарха въ Москву.* Въ началѣ мая 1588 г. патріархъ Іеремія прибылъ на границу Польши, откуда послалъ письмо къ польскому канцлеру Яну Замойскому, прося у него дозволенія остановиться въ Замостьѣ. Въ половинѣ мая патріархъ былъ уже въ Замостьѣ, въ концѣ этого мѣсяца выѣхалъ оттуда и, быстро проѣхавъ Брестъ, къ 3-му іюня прибылъ въ Вильну. Здѣсь патріархъ пробылъ 12 дней и затѣмъ чрезъ Оршу отправился въ московское государство.

б) *Обратный путь патріарха изъ Москвы.* Испросивъ 7 іюля 1589 года позволеніе у польскаго короля Сигизмунда III обозрѣвать находящуюся въ его владѣніяхъ православную митрополію, патріархъ Іеремія въ половинѣ этого этого мѣсяца былъ уже въ Вильнѣ. Пробывши здѣсь около двухъ недѣль, онъ отправился въ супрасльскій монастырь, гдѣ низложилъ настоятеля архимандрита Тимоѳея Злобу, а къ 6-му августа прибылъ въ Брестъ. Къ половинѣ августа патріархъ былъ уже въ Замостьѣ, гдѣ прогостилъ болѣе двухъ мѣсяцевъ, принимая въ это время разныхъ представителей западно-русской церкви (епископовъ, братчиковъ) и дѣлая разныя распоряженія по духовнымъ дѣламъ. Изъ Замостья чрезъ Каменецъ-Подольскъ (13 ноября 1589 г.) и затѣмъ Галицію Іеремія направился къ своей патріархіи (*Arsenii Elassonis.* Iter in Moscoviam. Theiner, Vetera Monum. Polon. et Lithuaniae, т. III, № 46. Собраніе грамотъ г. Вильны, Ковно, т. II, № 3 и 4. Акты западной Россіи, т. IV, №№ 5, 18, 20, 149. А. Ю. и З. Россіи, т. I, № 191. Виленскій археол. сборникъ, т. IX, № 28. *Зубрицкій*, Лѣтоп. львовск. братства и др. Сравн. Исторію русской церкви преосв. Макарія, т. IX, стр. 458—460, 479 и слѣд.).

основаніе братства относить къ 1589 году, то надо доказать и существованіе въ то время богоявленской церкви въ Кіево-Подолѣ. Авторъ «Замѣтокъ о Кіевѣ» дѣлаетъ для этого слѣд. сопоставленія. Создателемъ первой богоявленской церкви покойный М. А. Максимовичъ считаетъ жившаго гораздо позже и умершаго, въ 1632 году гетмана Сагайдачнаго, и того-же Сагайдачнаго антіохійскій патріархъ Паисій въ грамотѣ своей, данной послѣ посѣщенія Кіева въ 1649 г., называетъ создателемъ не только этой церкви, но и обители кіево-братской богоявленской. Но о церкви, которая можетъ быть приписываема Сагайдачному, въ московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ есть документъ, указывающій, что она не была окончена еще и въ 1625 г. Это именно письмо кіевскихъ братчиковъ къ царю Михаилу Θеодоровичу отъ 10 апрѣля 1625 г., которымъ они просятъ его о милостынѣ «на украшеніе своей церкви Богоявленія Господня, возведенной уже до верха, но пребывающей еще безъ покрова и иконнаго украшенія». Съ другой стороны извѣстно, что раньше этой существовала другая богоявленская церковь, которую посѣщалъ іерусалимскій патріархъ Θеофанъ въ 1620 г. и въ которой онъ совершилъ посвященіе Исаіи Копинскаго въ санъ епископа перемышльскаго, а Іова Борецкаго въ санъ митрополита кіевскаго. Авторъ «Замѣтокъ» спрашиваетъ: «когда-же построена первая богоявленская церковь, старѣйшая сооруженной при Сагайдачномъ?» и отвѣчаетъ: безъ сомнѣнія, не въ 1615 г. (къ которому по позднѣйшимъ изслѣдованіямъ относится основаніе братства и школы), ибо не могла-же она обветшать такъ скоро, что менѣе, чѣмъ въ десять лѣтъ потребовалось замѣнить ее новою церковію. По всей вѣроятности, это была та богоявленская церковь, о священникѣ которой упомянуто въ описи кіевскаго замка, составленной въ 1555 году. При сей-же церкви могла существовать въ концѣ XVI вѣка и та школа, которую благословилъ въ 1589 году патріархъ константинопольскій Іеремія».

Что сказать противъ этого?

Во 1-хъ почтенный авторъ невѣрно говоритъ, что гетманъ Петръ Конашевичъ Сагайдачный скончался въ 1632 году,—онъ

умеръ десятилѣтіемъ ранѣе, именно въ 1622 году, апрѣля 10-го, и объ этомъ имѣются несомнѣнныя данныя [1]).

Во 2-хъ, предположеніе автора о существованія какъ въ 1589, такъ и въ 1620 году той богоявленской церкви, о которой упоминается еще въ описи 1555 г., ни чѣмъ другимъ не подтверждается и ему съ большею основательностію можетъ быть противопоставлено другое предположеніе, что богоявленская церковь, въ которой въ 1620 году патріархъ Ѳеофанъ совершилъ посвященіе Исаіи Копинскаго и Іова Борецкаго, построена вслѣдъ за учрежденіемъ братства въ 1615 году. Нельзя-же въ самомъ дѣлѣ допустить, что Анна Гулевичевна, подарившая свой дворъ подъ обитель и уже введшая въ него школу и иноковъ, въ теченіи цѣлыхъ пяти и даже болѣе лѣтъ не озаботилась устройствомъ здѣсь церкви, или, лучше сказать, не озаботилось этимъ кіевское братство, воспользовавшееся фундаціею Гулевичевны? Не слѣдуетъ также удивляться и тому, что братство, имѣя уже церковь и притомъ недавно сооруженную, приступаетъ къ постройкѣ новой: во первыхъ, прежняя церковь, безъ сомнѣнія строенная на скорую руку, могла не удовлетворять духовнымъ нуждамъ братства, а во вторыхъ на фундушъ Гулевичевны, по мысли жертвовательницы, долженъ былъ устроиться монастырь (онъ патріархомъ Ѳеофаномъ и былъ уже благословленъ), въ монастыряхъ же сравнительное обиліе церквей дѣло обычное [2])...

Кромѣ разсмотрѣнныхъ нами «новыхъ указаній», приводимыхъ Н. Л—мъ въ подтвержденіе «полной достовѣрности» древняго преданія о началѣ кіево-богоявленскаго братства и школы при немъ еще въ концѣ XVI стол., онъ въ защиту означеннаго преданія ссылается еще на документъ уже давно извѣстный (запись Гальшки Гулевичевны, 1615 г.) и утверждаетъ, что въ немъ якобы находятся ясные намеки на существованіе братской школы ранѣе

[1]) Современная замѣтка въ помянникѣ кіево-михайловскаго монастыря; *Вѣршѣ на жалобный погребъ зацного рыцера Петра Коношевича Сагайдачнаго, гетмана войска его королевской милости запорожскаго... 1622 г.*

[2]) Не говоримъ уже о противорѣчіи, въ которое естественно должны впадать защитники мнѣнія о существованіи кіевскаго братства въ XVI ст., утверждая, что Ѳеофанъ совершалъ посвященіе Копинскаго и Борецкаго въ братской церкви, построенной до 1555 года. А страшный пожаръ 1614 года, истребившій якобы всѣ братскія постройки?

1615 года. «Въ своей записи, говоритъ авторъ, жертвовательница (Гальшка Гулевичевна) пишетъ, что она свой собственный дворъ отказала подъ монастырь *ставропигіи патріаршеской* и что она *тотчасъ* ввела въ этотъ дворъ іеромонаха Исаію Копинскаго и другихъ монашествующихъ, ввела и школу. Спрашивается, о какой патріаршей ставропигіи говорится здѣсь? Неужели о той, которая дана братской обители іерусалимскимъ патріархомъ Ѳеофаномъ спустя пять лѣтъ послѣ сего? Но прибытіе его въ Россію не могли предугадывать ни Гулевичева-Лозкина, ни кто-либо изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ въ г. Кіевѣ. Гдѣ были доселѣ и откуда явились здѣсь цѣлой корпораціей Исаія Копинскій и прочіе монашествующіе, чтобы принять въ свое вѣдѣніе жертвуемый Лозкиной-Гулевичевой дворъ? Лозкина-Гулевичева не открываетъ школу, не собираетъ дѣтей желающихъ только учиться, а тотчасъ, по учиненіи записи, ввела въ свой дворъ *школу*. Ясно, что здѣсь рѣчь идетъ не объ имѣющей еще составиться школѣ, а о школѣ готовой, существующей уже съ наличнымъ составомъ учащихъ и учащихся. Итакъ хотя въ записи Гальшки Гулевичевой-Лозкиной не упоминается о братской или богоявленской церкви и существовавшей при ней обители, но такъ какъ школы въ то время существовали и могли открываться только при церквахъ, а равно и монашествующіе, въ составѣ братства, могли имѣть пребываніе также только при церквахъ; то слѣдуетъ признать вполнѣ достовѣрнымъ сообщенное исторіографомъ Миллеромъ и принятое митрополитомъ Евгеніемъ извѣстіе, что кіево-братская обитель, съ братскою при ней школой, существовала раньше 1616 года, что зданіе этой школы сгорѣло въ 1614 году и что Лозкина-Гулевичева своею записью не создала что нибудь новое относительно братской обители и школы, а только поддержала ихъ существованіе и усилила ихъ средства, пожертвовавъ въ ихъ собственность свой дворъ съ готовыми помѣщеніями, замѣнившими собою прежнія, уничтоженныя пожаромъ».

Припоминая замѣчаніе проф. Малышевскаго относительно несостоятельности мнѣнія о началѣ кіево-богоявленскаго братства еще въ концѣ XVI ст. и сопоставляя ихъ съ приведенными сейчасъ разсужденіями объ этомъ предметѣ, мы видимъ, что одинъ и тотъ-же документъ — дарственная запись Гальшки Гулевичевны — по мнѣнію одного изслѣдователя заключаетъ въ себѣ *прямое* указаніе, что

кіевское братство въ 1615 году *только что начиналось,* а по словамъ другаго въ немъ находятся *довольно ясные намеки* на существованіе братской школы и патріаршей при ней ставропигіи *раньше этого времени.*

Обратимся къ разсмотрѣнію самой записи Гальшки Гулевичевны.

Какъ защитники, такъ и противники древняго преданія о началѣ кіево-богоявленскаго братства, различнымъ образомъ истолковывая нѣкоторыя мѣста означенной записи, согласны между собою въ одномъ, именно, что Гальшка Гулевичевна подарила свой дворъ и землю *кіевскому братству.* Только одни изслѣдователи (что непосредственно вытекаетъ изъ ихъ разсужденій) считаютъ запись Гулевичевны *первымъ* по времени документомъ, съ котораго собственно и должно начинать исторію кіевскаго братства, другіе же—документомъ, даннымъ сему братству спустя уже нѣсколько десятилѣтій послѣ его возникновенія. Мы думаемъ, что какъ тѣ, такъ и другіе изслѣдователи ошибаются. Въ дарственной записи Гулевичевны ни единымъ словомъ не упоминается о братствѣ. Здѣсь опредѣленно говорится, что дворъ и земля жертвуются подъ монастырь и школу «правовѣрнымъ и благочестивымъ христіанамъ народу россійскаго, въ повѣтехъ воеводства кіевскаго, волынскаго и браплавскаго будучимъ», какого-бы они званія и сословія не были (духовнымъ и свѣтскимъ, дворянамъ и простолюдинамъ). Скажутъ, что въ составъ западно-русскихъ братствъ и входили именно всѣ православные разныхъ званій и состояній и что подъ приведенными названіями лицъ, коимъ жертвуется Гулевичевною дворъ съ землею, и должно разумѣть не кого иного, какъ только братчиковъ. Но подобное умозаключеніе будетъ очевидною натяжкою, въ подтвержденіе которой нельзя подыскать ни одного аналогичнаго примѣра во всей довольно обширной западно-русской письменности того времени (т. е. нельзя найти ни одного документа, касающагося братства, гдѣ-бы составлявшіе его члены не назывались этимъ именемъ). Мыслимо-ли также, чтобы въ записи Гулевичевны ни единымъ словомъ не упоминалось о пожарѣ 1614 г. и вообще о матеріальномъ состояніи братства, если-бы вѣрно было предположеніе, что фундаторша своею жертвою *замѣнила прежнія братскія зданія, уничтоженныя пожаромъ?*

Съ одной стороны, принимая во вниманіе сказанное нами о записи Гулевичевны, какъ не заключающей въ себѣ ни малѣйшаго упоминанія о кіевскомъ братствѣ, а съ другой имѣя въ виду тотъ несомнѣнный фактъ, что вскорѣ послѣ 14 октября 1615 года (дата означенной записи) братчики уже владѣли фундушемъ жертвовательницы, мы думаемъ (какъ имѣли уже случай замѣтить въ одномъ изъ своихъ сочиненій) [1]), что въ то время, когда фундація Гулевичевны приводима была къ исполненіе, братство въ Кіевѣ или еще не сформировалось окончательно, или, что едвали не вѣроятнѣе, нѣкоторое, очень непродолжительное время уже существовало при одной изъ кіево-подольскихъ церквей. Какъ бы то ни было, но несомнѣнно, что *на самыхъ первыхъ порахъ* фундація Гулевичевны къ кіевскому братству никакого отношенія не имѣла. Есть довольно твердое основаніе думать, что дарственная запись Гулевичевны состоялась подъ благотворнымъ вліяніемъ кіево-печерской обители: въ числѣ первыхъ лицъ, введенныхъ въ пожертвованный домъ, указывается Исаія Копинскій, *жившій до того въ лаврѣ* [2]); самая школа, введенная Гулевичевною, вѣроятнѣе всего происхожденія лаврскаго, дѣло заботливости кіево-печерскаго архимандрита Елисея Плетенецкаго, «школъ на разныхъ мѣсцахъ зычливаго фундатора». Такимъ образомъ, мы думаемъ, что фундушъ Гулевичевны и братство хотя возникли въ Кіевѣ почти одновременно, но независимо другъ отъ друга. Но такъ какъ цѣли, имѣвшіяся въ виду при фундаціи Гулевичевны, совершенно совпадали съ задачами, намѣченными для своей практической дѣятельности новообразовывавшимся братствомъ [3]), то очевидною представлялась польза соединенія обоихъ учрежденій въ одно, каковое соединеніе дѣйствительно и состоялось въ самомъ концѣ того-же 1615 года, или въ началѣ слѣдующаго года.

Слова дарственной записи Гальшки Гулевичевны: *жертвую все сіе на монастырь патріаршей ставропигіи*, П. Л—въ, какъ мы видѣли, объясняетъ такъ, что здѣсь заключается указаніе на кіево-братскій монастырь, якобы имѣвшій уже патріаршую

[1]) Кіевскій митрополитъ Петръ Могила, т. I, стр. 294.

[2]) Объ этомъ есть упоминаніе въ собственноручныхъ запискахъ П. Могилы.

[3]) Подробнѣе объ этомъ въ сочиненіи: *Петръ Могила*, т. I, стр. 287 и слѣд.

ставропигію, ибо нельзя-же разумѣть въ данномъ случаѣ *ставропигію*, данную братской обители патріархомъ Өеофаномъ, пріѣздъ котораго въ Кіевъ нельзя было предвидѣть.

Относительно такого разсужденія можно замѣтить слѣдующее:

1) Приведенныя выраженія въ записи Гулевичевны вовсе не означаютъ, что она жертвуетъ дворъ съ землею на ставропигіальный монастырь, уже существующій: въ такомъ случаѣ она неизбѣжно должна была-бы поименовать его. Гулевичевна въ своей записи выражаетъ только желаніе, или, точнѣе, ставитъ условіе, чтобы на ея фундушъ устроенъ былъ монастырь, подчиненный непосредственно патріарху, *ставропигіальный*. Большаго вывода изъ разсматриваемой записи сдѣлать нельзя.

2) Если признать за достовѣрный фактъ, что Гулевичевна дѣйствительно пожертвовала свой дворъ съ землею кіевскому братству, а послѣднее въ то время имѣло уже патріаршую ставропигію (отъ Іеремiи), то объясненіе дальнѣйшей исторіи означеннаго братства представитъ затрудненія непреодолимыя. А именно: въ 1620 году пріѣзжаетъ въ Кіевъ іерусалимскій патріархъ Өеофанъ и въ память пребыванія своего въ семъ городѣ, на грунтѣ братскомъ, при церкви святаго Богоявленія и Благовѣщенія, водружаетъ крестъ, *признавая достойнымъ быть здѣсь ставропигіи патріаршей*. Но если кіевское братство съ своимъ монастыремъ имѣло патріаршую ставропигію, то какъ-же объяснить означенное дѣйствіе Өеофана? Онъ могъ подтвердить, благословеніемъ своимъ упрочить прежде существовавшую ставропигію: это было-бы естественно; но объ этомъ нѣтъ и рѣчи. Очевидно, Өеофанъ первый изъ патріарховъ водружаетъ крестъ на братскомъ грунтѣ, очевидно, онъ первый даетъ братству ставропигіальныя права... Извѣстно, какъ братства дорожили патріаршими ставропигіями: патріаршее благословеніе они считали «перломъ неоцѣненнымъ, клейнотомъ найдрожайшимъ». Между тѣмъ ни въ одномъ изъ начальныхъ документовъ, дошедшихъ до насъ отъ первой половины XVII стол. и имѣющихъ отношеніе къ кіево-богоявленскому братству, ни единымъ словомъ даже не упоминается объ Іереміи. Возможное-ли это дѣло, если признать справедливымъ пріѣздъ въ Кіевъ этого патріарха и учрежденіе имъ здѣсь патріаршей ставропигіи?.. Напротивъ, въ нѣкоторыхъ изъ поименованныхъ документовъ есть прямыя указанія, что кіевское брат-

ство пріобрѣло ставропигіальныя права именно отъ Ѳеофана. Кромѣ общеизвѣстной, уже указанной нами грамоты послѣдняго, укажемъ здѣсь на извѣстное и нашему автору письмо кіевскихъ братчиковъ къ царю Михаилу Ѳеодоровичу, изъ котораго видно, что главнымъ устроителемъ братства считается именно Ѳеофанъ, что его грамота посылалась къ царю «во свидѣтельство», что эта грамота постоянно пребываетъ въ братствѣ и почитается за «многоцѣнный бисеръ». Не очевидно-ли, что кіевское братство получило ставропигіальныя права не отъ Іереміи константинопольскаго (имени котораго мы и не встрѣчаемъ въ братскихъ документахъ), но отъ Ѳеофана іерусалимскаго?

IV.

Пишущему эти строки, какъ безусловно отвергавшему достовѣрность сказаній о существованіи братства въ Кіевѣ еще въ XVI столѣтіи, не разъ приходилось выслушивать слѣдующее возраженіе: если возникновеніе кіево-богоявленскаго братства со школою при немъ дѣйствительно относится ко времени не ранѣе 1615 года, то какъ объяснить, что Кіевъ, бывшій центромъ просвѣщенія и главною святынею въ юго-западной Россіи, такъ долго не имѣлъ братства и высшаго училища, когда таковыя учрежденія давно уже существовали въ Острогѣ, Львовѣ, Вильнѣ и многихъ другихъ городахъ?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ не представляетъ затрудненій. Кіевъ сталъ центромъ просвѣщенія въ юго-западной Руси только съ начала XVII столѣтія, благодаря многоплодной и благотворной дѣятельности кіево-печерскихъ архимандритовъ Елисея Плетенецкаго (заведеніе типографіи, изданіе книгъ, фундаціи школъ, вызовы въ лавру ученыхъ мужей), Захаріи Копыстенскаго, въ особенности-же митрополита Петра Могилы; а до того времени, т. е. до самаго конца XVI столѣтія, это былъ городъ, вовсе не могшій хвалиться своими религіозно-просвѣтительными средствами: можно сказать даже болѣе—это былъ городъ въ нравственномъ отношеніи крайне опустившійся. Правда, Кіевъ искони считался главною святынею русской земли, и кіево-печерская обитель всегда привлекала къ себѣ массы

богомольцевъ даже изъ отдаленнѣйшихъ окраинъ нашего отечества. Пожертвованія на обитель были частыя и щедрыя и она въ матеріальномъ отношеніи занимала одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ. Но, къ сожалѣнію, кіево-печерскіе архимандриты, въ большинствѣ случаевъ, были люди, не стоявшіе на высотѣ своего положенія: они смотрѣли на занимаемое ими мѣсто не болѣе, какъ на доходную статью. Такого взгляда не чужды были даже лучшіе архимандриты. Естественно, что подобное положеніе дѣлъ мало благопріятствовало вліянію кіево-печерской обители на религіозно-нравственную жизнь южно-русскаго народонаселенія. Неудивительно, что не смотря на громадныя богатства, накопившіяся въ лаврѣ къ концу XVI столѣтія, она въ это время не имѣла еще ни типографіи, ни школы, ни хорошей библіотеки, ни больницы, ни богадѣльни [1])... Чего не дѣлала богатая лавра, того еще труднѣе было ожидать отъ самыхъ кіевлянъ, постоянно опасавшихся (по положенію Кіева, какъ окраины государства) враждебныхъ нападеній. Въ своемъ «уписѣ» кіевскіе братчики прямо заявляютъ, что доселѣ (т. е. до 2-го десятилѣтія XVII стол.) они (т. е. жители города Кіева) пребывали *въ долговременномъ нерадѣніи и лѣности и мрачной суетѣ мірской.* Трудно было ожидать отъ кіевлянъ разсматриваемаго времени заведенія религіозно-просвѣтительныхъ учрежденій, когда они не находили возможнымъ поддерживать благолѣпіе своихъ, уже существовавшихъ, храмовъ. Одинъ католическій бискупъ, посѣтившій въ 1546 году Кіевъ, упрекаетъ мѣстныхъ горожанъ за крайне пренебрежительныя ихъ отношенія къ такой давней святынѣ, какъ кіево-софійскій соборъ. По словамъ бискупа, этотъ храмъ не только лишенъ всякихъ украшеній, но и стоитъ безъ крыши, не имѣетъ дверей; не службы Божіи въ немъ совершаются, а безпрепятственно бродятъ внутри его псы, свиньи и т. п. животныя [2]).

Отзывъ этотъ могутъ найти преувеличеннымъ; въ такомъ случаѣ послушаемъ самихъ кіевлянъ современниковъ. «Писано есть нѣгде, писали въ 1626 году кіевскіе братчики къ царю Михаилу Θеодоровичу, разсмотри сущихъ прежде тебе и тогда разумѣеши,

---

[1]) Подробно обо всемъ этомъ см. наше сочиненіе *Петръ Могила и его сподвижники,* т. I, стр. 242 и слѣд.

[2]) *Ks. Poz. Wereszczyńskiego,* Osada Kijowa.

иже по тебѣ. Всегда видяще разсмотряемъ древняго благолѣпия созданнии драгоцѣнные храмы, прославленни ради всесильнаго имени единосущныя преестественныя Троицы, отъ прародителей благочестіемъ равноцвѣтущимъ великодержавнаго величества вашея царския милости въ Киевѣ, *нынѣ же точію едва сѣнь ихъ обрѣтающихся зримъ, тяжцѣ и неутѣшимѣ жаляще, яко мы послѣднії родъ сихъ зрѣти достигохомъ*; на мѣстѣ, идѣже первѣй начало просвѣщениемъ родъ россійскій истиннаго Бога позна, отнюду же по всѣмъ странамъ, яко отъ источника благоструйнаго, извѣстное всѣмъ спасение истече и процвѣте, идѣже богодухновеннии отцы пречуднымъ житиемъ и чудесы просияша, ихъ же тѣлеса донынѣ въ нетлѣнии, чудодѣйствуя, пребываютъ: зде нынѣ зримъ изсыхающъ, всякія же бѣды, гонения и укоризны исполненъ, горцѣ рыдающе, слезимъ, съ пророкомъ Іезекеилемъ глаголюще: горе намъ, увы намъ, Аддонаю Господи! сіе отчаяніе ты твориши остаткомъ израилевымъ[1]).

V.

Подводимъ итогъ всему нами изложенному.

1) Сказаніе о посѣщеніи Кіева константинопольскимъ патріархомъ Іеремією въ 1588—1589 гг. и объ учрежденіи имъ здѣсь высшаго училища при богоявленскомъ братствѣ не есть древнее преданіе, а сравнительно недавнее историческое мнѣніе, впервые высказанное профессорами кіевской академіи въ объяснительной запискѣ, составленной въ 1765 году по требованію начальства. Хотя спустя 8 лѣтъ профессорами той-же академіи означенное мнѣніе, какъ несогласное съ документальными данными, и было опровергнуто, тѣмъ не менѣе оно тогда-же перешло въ нашу историческую литературу и пустило въ ней глубокіе корни, съ теченіемъ времени пріукрашаясь новыми легендарными подробностями.

Несостоятельность означеннаго мнѣнія не подлежитъ сомнѣнію; ибо:

---

[1]) Съ подлинника находящагося въ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, въ Москвѣ.

2) Изъ дошедшихъ до насъ достовѣрныхъ документальныхъ данныхъ видно, что патріархъ Іеремія ни въ 1588 году, когда ѣхалъ черезъ западно-русскія области въ Москву, ни въ 1589 г., когда возвращался изъ нея, въ Кіевѣ не былъ: какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ путь его лежалъ далеко отъ этого города. Ссылка на описаніе путешествія Павла Алепскаго, гдѣ якобы говорится о посѣщеніи Кіева означеннымъ патріархомъ, оказывается неточною.

3) Относительно созданнаго «догадкою» и украшеннаго легендами перваго якобы 25-тилѣтняго существованія кіево-богоявленскаго братства и школы при немъ (1589—1615 гг.) не находится ни малѣйшаго указанія во всей тоговременной письменности. Ссылка нѣкоторыхъ изслѣдователей на купчую Андрея Обуха (1594 года) и «королевскіе листы урядниковъ воеводства кіевскаго», какъ на несомнѣнное доказательство существованія въ Кіевѣ братства еще въ концѣ XVI столѣтія, оказывается, при болѣе тщательномъ разсмотрѣніи дѣла, не состоятельною: поименованные документы въ разсматриваемое время къ кіевскому братству никакого отношенія не имѣли, перешли-же къ нему впослѣдствіи вмѣстѣ съ земельными имуществами, значащимися въ сихъ документахъ.

4) Въ начальныхъ, вполнѣ достовѣрныхъ документахъ, касающихся кіево-богоявленскаго братства, находится довольно прямое и опредѣленное указаніе на то, что означенное братство сформировалось только около 1615 года (Братскій уписъ, Письмо Рутскаго).

5) Ставропигіальныя права кіевское братство получило въ 1620 году, во время пребыванія въ Кіевѣ іерусалимскаго патріарха Ѳеофана, какъ опредѣленно говорится объ этомъ въ грамотѣ послѣдняго. Мнѣніе-же, якобы означенное право братство получило еще отъ патріарха Іереміи, не находитъ подтвержденія въ дарственной записи Гулевичевой (на которую въ данномъ случаѣ ссылаются) и стоитъ въ явномъ противорѣчіи какъ съ поименованною грамотою Ѳеофана, такъ и съ нѣкоторыми другими докумен-

тальными данными (письма братчиковъ къ царю Михаилу Θеодоровичу).

6) Наконецъ, сравнительно позднее возникновеніе въ Кіевѣ братства и высшаго училища не представляетъ ничего страннаго и необъяснимаго: напротивъ, означенное явленіе находится въ полномъ соотвѣтствіи съ общимъ ходомъ церковно-исторической жизни этого города.

С. Голубевъ.

ДУНАЙЦЫ[1]).

Въ сентябрьской книжкѣ «Кіевской Старины» 1884 года (стр. 129—131) помѣщенъ любопытный документъ, подъ заглавіемъ: «Запорожская реляція о побѣдѣ надъ турецкимъ флотомъ въ днѣпровскихъ гирлахъ». Онъ сообщенъ *А. М. Лазаревскимъ*, но откуда имъ заимствованъ, не сказано. Упомянутый въ этомъ документѣ войсковый старшина Филиппъ Стягайло, одинъ изъ самыхъ храбрыхъ и заслуженныхъ молодцовъ запорожскихъ, былъ въ 1769—1770 гг. начальникомъ козачьей флотиліи и имѣлъ въ своей командѣ 3-хъ полковниковъ, 8 полковыхъ старшинъ, 1 іеромонаха, 4-хъ хорунжихъ, 38 канонеровъ и 1690 козаковъ[2]). Служба этой команды была самая трудная и опасная, ибо требовала частыхъ поисковъ внизу Днѣпра, на лиманѣ и въ самыхъ гирлахъ рѣки, тогда сильно укрѣпленныхъ турками въ Очаковѣ, Кинбурнѣ и на Березанскомъ островѣ. 5 января 1771 года доблестный Стягайло награжденъ въ числѣ другихъ 12 старшинъ большою золотою медалью на Андреевской (блакитной) лентѣ.

Въ дополненіе упомянутой реляціи считаю долгомъ сообщить отъ себя нѣсколько документовъ по тому-же предмету.

Въ моемъ архивѣ есть большое дѣло въ 300 слишкомъ страницъ, подъ заглавіемъ, буквально списаннымъ: «2 дѣлъ о командахъ 2-хъ потысячныхъ съ запорожскаго войска, съ Днѣпра Чернымъ моремъ, мимо крѣпости очаковскую и кинбурнскую, въ

[1]) Изъ подлинныхъ документовъ моего запорожскаго архива.

[2]) *Исторія Новой Сѣчи* и пр., ч. II, стр. 25—26.

Дунай къ первой россійской арміи командированныхъ въ 1771 и 1772 годахъ». Къ этимъ двумъ дѣламъ мы присовокупили еще многіе документы о походѣ козаковъ въ 1773 и 1774 годахъ, до ихъ возвращенія на родину. Такимъ образомъ мы дополняемъ ими сказаніе наше о «Дунайцахъ», помѣщенное въ книгѣ нашей (стр. 95—99) о походѣ ихъ въ 1771 году и обращаемъ вниманіе читателей «Кіевской Старины» на новыя свѣдѣнія о доблестяхъ «славнаго войска запорожскаго низоваго».

I.

Опытъ экспедиціи «Дунайцевъ» 1771 года былъ такъ удаченъ, что генералъ-прокуроръ князь А. А. Вяземскій обратился къ кошевому П. И. Калнишевскому съ слѣдующимъ, почти дружескимъ письмомъ:

Государь мой Петръ Ивановичъ!

Имѣю честь сообщить вамъ, государь мой, высочайшее ея императорскаго величества соизволеніе, дабы сею наступающею весною, при первомъ удобномъ случаѣ, отправить такимъ-же образомъ, какъ и въ прошедшемъ году было, на лодкахъ въ Черное море до Дуная, изъ запорожскаго войска казаковъ, ежели можно, двѣ тысячи человѣкъ. Когда-же за какимъ обстоятельствомъ такого числа отправить будетъ не возможно, то по крайней мѣрѣ не менѣе тысячи человѣкъ, съ тѣмъ, чтобъ по пріѣздѣ они въ Дунай, явились тамо у адмирала Ноляса. И хотя я не сумнѣваюсь, чтобы въ произведеніи сей экспедиціи въ дѣйство могли произойти съ стороны войска запорожскаго какія либо затрудненіи; однакожъ поелику не всѣ извѣстны здѣсь могутъ быть настоящіе обстоятельства, то я и прошу васъ, государя моего, съ симъ посланнымъ немедленно меня увѣдомить: къ которому времени и въ какомъ числѣ сіе предпріятіе въ дѣйство произвесть надѣетеся. А дабы въ приуготовленіи судовъ и всего потребнаго не было вамъ остановокъ, то ея императорское величество всемилостивѣйше жалуетъ войску запорожскому на сіе приуготовленіе, естьли отправлено будетъ двѣ тысячи человѣкъ, то десять тысячъ рублей, и послѣднее число нынѣ-же при семъ къ вамъ и посылаю, а достальные, по мѣрѣ вашего отправ-

ленія, по полученіи о томъ отъ васъ извѣстія, немедленно перешлю съ тѣмъ всемилостивѣйшимъ ея величества повелѣніемъ, что сверхъ сего отправляющіеся получатъ тоже самое награжденіе по прибытія въ Дунай, какое получили дошедшія войска запорожскаго лодки въ прошломъ 1771 году. Стараніе ваше и прилѣжность въ семъ случаѣ, а болѣе точное онаго исполненіе докажетъ собственно ваше и всего войска запорожскаго къ службѣ ея императорскаго величества отличное усердіе и вѣрность, себѣ-же пріобрѣтете тѣмъ незабвенную славу. Въ протчемъ ожидая на сіе благосклоннаго вашего увѣдомленія, съ искреннимъ усердіемъ пребываю вашъ, государя моего, покорный слуга

Князь *Александръ Вяземскій.*

Февраля 17 дня.
1772 года.

Получивъ столь лестный ордеръ государыни, Кошевой донесъ о томъ главнокомандующему князю В. М. Долгорукову и просилъ отпустить на лодочную команду 40 фальконетовъ [1]) и нужное количество сухарей, такъ какъ на лодкахъ, въ походѣ на морѣ и рѣкахъ, самимъ печь хлѣба невозможно. Собравъ-же на сходку 17 апрѣля 1771 года старшину и куренныхъ атамановъ, 5,000 р. войску дарованныхъ раздѣлилъ по 100 руб. на всякій курень, всего 3,800 руб., а изъ остальныхъ «за деготь заплочено 240 руб., а 960 руб. положено въ скарбъ войсковій, для артиллерійскихъ и протчихъ надобностей [2])».

Въ отвѣтѣ своемъ князь Долгоруковъ (12 марта 1772 года) пишетъ, что на счетъ фальконетовъ, пороху и пр. распоряженіе имъ уже сдѣлано, и присовокупляетъ:

«Черезъ сіе-же даю знать, что съ присланною отъ ея императорскаго величества всемилостивейшею грамотою отправляю я къ вамъ переводчика иностранной коллегіи *Архипова*, подтверждая вамъ прежнее мое предписаніе о принятіи сей съ глубокимъ благочестіемъ».

Намъ удалось найти одну весьма подробную реляцію о службѣ косаковъ въ 1771 году на водахъ нашего края, которая допол-

---

[1]) Фальконеты (faucounet) небольшаго калибра, длины пушки.

[2]) Замѣтимъ кстати, что деньги на куреня получали *кухари*, т. е. *повара* куренные; вѣроятно они были, по обычаю, и интендантами своихъ куреней.

няетъ пробѣлъ, указанный въ книгѣ нашей на стр. 98—99. Это рапортъ полковника Сѣдловскаго отъ 24 сентября того года и при немъ:

«Журналъ 1771 года сентября 19-го учиненный, гдѣ я съ командою былъ и въ кого подъ командою и въ каком мѣстѣ.

1771 года маія 29 изъ города Аккермана съ командою вой-шелъ въ усть Дуная; въ Килію мѣсяца іюня 2 числа прибылъ, гдѣ имѣлъ роздохъ дней съ четыре. Послѣ онаго роздоху получилъ я отъ г. генералъ-маіора и разныхъ орденовъ кавалера *фонъ Вейсмана* письменный приказъ о скоромъ слѣдованіи въ мѣстечько Измаилъ.

Въ Измаилъ прибылъ я съ командою іюня 8 и находился въ точной его г. генералъ-маіора фонъ Вейсмана командѣ. Тогожъ мѣсяца со всѣмъ корпусомъ означенный генералъ фонъ Вейсманъ, въ томъ и я съ командою, на ту сторону Дуная, въ мѣстечко Тульчу выступилъ, гдѣ имѣли сраженіе съ непріятелемъ, гдѣ убито генералъ-маіора и кавалера Григорія Ивановича Черешникова, команды моей козаковъ убито въ смерть 7, ранено тяжело и легко 15. Въ добычу получили съ подъ оного мѣстечка Тульчи, какъ регулярнымъ войскомъ, такъ и козаками кораблей большихъ военныхъ 4, галеръ, бакчебасовъ и полубакчебасовъ, тоже военныхъ, до немалаго числа.

Послѣ оной экспедиціи ежедневно въ розъѣздъ ходили по рѣкѣ Дунаю, въ коемъ розъѣздѣ случились и непріятельскіе розъѣзды и имѣли съ ними частыя перепалки, только безъ всякаго урону возвращались.

Іюля 20 кабардинскаго пѣхотнаго полка полковника *Плачника* вышеупомянутый генералъ Вейсманъ съ 4 баталіонами гренадеръ и со всею моею командою, на нашихъ самихъ лоткахъ, посылалъ на усть Дуная, къ морю, для взятія при селеніяхъ раскольническихъ турецкой батареи и сожженія тѣхъ селеній, что тамо все удачнѣе исполнено. Команды моей козаковъ убито 2, ранено тяжело и легко 5.

Потомъ вышеозначенный генералъ-маіоръ фонъ Вейсманъ, получа отъ его графскаго сіятельства, генералъ-фельдмаршала графа Румянцова ордеръ объ опредѣленіи къ командѣ моей московскаго карабинернаго полка г. подполковника *А. Я. Якубовича* и ротмистра *М. Я. Сах-*

новскаго главными командирами надо мною и козаками[1]) съ оными іюля 26 дня изъ мѣстечка Измаила выступили для препровожденія отправленныхъ изъ Измаила 5 галеръ въ гору Дуная, на коихъ былъ морскаго флота 1-го ранга капитанъ *Ив. Ив. Нагаткинъ* и какъ надъ тѣми галерами, такъ подполковникомъ Якубовичемъ и мною, главнымъ командиромъ былъ. И прибыли въ мѣстечко Галацы августа 1. Получа подполковникъ Якубовичъ отъ графа ордеръ о слѣдованіи мнѣ и ему съ нами въ г. Браиловъ, въ г. Браиловъ прибылъ августа 6. По прибытіи въ оной городъ, получа вышеписанный капитанъ Нагаткинъ отъ его графскаго сіятельства ордеръ объ оставленіи мене тамъ при ономъ городи, для разъѣзду и пресиченія непріятелю коммуникаціи, 6 моего вѣденія лодокъ, а самому съ 13 лодками слѣдовать въ команду г. генералъ-квартирмейстра фонъ Бавра, въ его корпусъ состоящій надъ рѣкою Яловицею, гдѣ и по сію пору нахожусь. По сему я въ Браиловѣ и оставилъ 6 лодокъ, а самъ съ подполковникомъ и ротмистромъ въ корпусъ 9 августа прибылъ.

Тогожъ августа 10-то г. генералъ-квартирмейстеръ фонъ Бавръ, взявъ 2 лотки нашихъ и нѣсколько маленькихъ казаковъ, рекогнисцеровалъ на той сторонѣ Дуная города Гирсова; однако состоящій на островѣ неприятельской бекетъ близко подъѣхать не допустилъ; и такъ оной генералъ возвратился назадъ, приказавъ г. подполковнику Якубовичу взять всѣ 12 лотки, збить оной бекетъ и тамошнея селеніе на островѣ сожечь. По якому повеленію все казаками исполнено.

19 августа посыланы отъ оного генерала съ подполковникомъ Якубовичемъ, всѣми 13 лотками, вверхъ по Дунаю въ разъѣздъ, въ которомъ разъѣздѣ будучи, на непріятельскія 2 судна напали и оныя отбили, а супротивлявшихся турокъ до немала побили, а 6 человѣкъ въ плѣнъ взяли и благополучно возвратились, безъ потерянія и едного козака.

26 онаго-же мѣсяца посыланы были тоже съ подполковникомъ и ротмистромъ (Сахновскимъ) отъ генерала Бавра, чтобы подъ самымъ непріятельскимъ городомъ Гирсовомъ и батареями, въ гавани суда

[1]) Это вѣроятно по случаю безпорядковъ въ лодочной командѣ по научденію одного изъ куренныхъ атамановъ.

забрать, но отъ великихъ изъ города батарей и судовъ, пушечныхъ и ружейныхъ выстрѣловъ, и сколько ни усиливались часовъ до 4-хъ, взять не могли и возвратились обратно безъ малѣйшаго вреда.

4-го сентября я безъ подполковника, съ самими козаками посыланъ на низъ рѣки Дуная, на состоящій подъ мѣстечкомъ Дуанъ (Девно), на той сторонѣ, непріятельскій бекетъ, кой велено мнѣ разбить и оное село разорить, что по милости Божей съ козаками я учинилъ, оной бекетъ разбилъ, въ плѣнъ едного Агу, кой назвалъ себя Бѣмъ-пашею, съ другимъ туркомъ, и 6 турецкихъ, при томъ бекетѣ находившихся знаменъ взявъ, съ немалою добычею на свое мѣсто повернулись. При томъ-же сраженіи убито въ смерть 4, тяжко и легко ранено 28 козаковъ. Тѣжъ добытые знамена и турка отдалъ генералу Бавру, за что онъ всему запорожскому войску благодарилъ и обѣщался о нашихъ военныхъ дѣйствіяхъ и графу (Румянцову) и государынѣ писать и рекомендовать.

Тогожъ мѣсяца 16 числа посыланъ я съ командою и при командѣ моей венгерскаго гусарскаго [1]) полка капитанъ *баронъ Эренбергъ* въ гору Дуная, подъ неприятельское село, прозываемое Черноводы, что-бы оное разорить и сжечь; то я съ капитаномъ и со всею командою оное село разграбилъ и всего изжегъ, и возвратился благополучно.

Оставшіеся по ордеру графа Румянцова въ Браиловѣ 6 лодокъ на посту что издѣлали, значится подъ симъ:

Августа 11 дня, съ опредѣленнымъ къ намъ командиромъ секундъ-маіоромъ *Беличемъ*, ходили они подъ непріятельскій берегъ въ разъѣздъ, гдѣ напавъ на 2 судины турецкіе разбили, а 9 турковъ въ плѣнъ взяли и до немало багажу, возвратились, при томъ нападеніи убито козаковъ въ смерть 2, ранено тяжело и легко 5.

20 августа съ тѣмъ-же маіоромъ Беличемъ ходили на низъ рѣки Дуная въ разъѣздъ и подъ неприятельскимъ берегомъ встрѣтились имъ 6 турецкихъ военныхъ галеръ и бакчебасовъ, тожъ военныхъ, 2, на кои напали и отбили отъ турокъ ти судна и на оныхъ 26 пушокъ и мѣлкихъ судовъ до немалаго числа. Кои судна и пушки

---

[1]) Изъ новороссійскихъ поселенныхъ полковъ.

въ Браиловѣ и по ся поры. Съ козаковъ-же не убито и не ранено ни едного. Турокъ 3 человѣка взято.

Оные 6 судовъ теперь стоятъ зъ войскомъ на рѣкѣ Дунаѣ противъ города турецкаго, прозываемаго Мечина (Мачинъ) на бекети, и имѣлъ съ непріятелемъ дважды сраженіе, съ козаковъ-же ранено 1, убито въ смерть 1».

Полковникъ Сидловскій, окончивъ свой журналъ и рапортъ, на записочкѣ (картелюникѣ), пишетъ по дружески г. Кошевому:

«Вельможности вашей отъ меня и отъ всей команды в поклонъ съ добутыхъ на той сторонѣ Дуная вещей: шаблю, подъ серебромъ ножни, попереднякъ конскій съ серебренными жучками, пану писарю войсковому Ив. Я. Глобѣ часы карманные, тоже тамо добуты, серебренны, чрезъ атамана поповичева (куреня) Петра Мовчана посылаю».

За службу козаковъ запорожскихъ въ компаніи 1771 года войско удостоилось слѣдующей монаршей грамоты, о которой упоминаетъ князь Долгоруковъ въ приведенномъ выше ордерѣ отъ 12 мая [1]).

«Божіею милостію мы Екатерина вторая, императрица и самодержица всероссійская, и прочая, и прочая, и прочая.

Нашего императорскаго величества подданному, низоваго войска запорожскаго Кошевому Атаману и всему войску запорожскому, наше императорскаго величества милостивое слово.

Предводительствующій второю нашею арміею генералъ-аншефъ князь Долгоруковъ доношеніями своими засвидѣтельствовалъ намъ, что во всю прошедшую кампанѣю отъ поданнаго нашего низоваго войска запорожскаго по всѣмъ мѣстамъ, гдѣ оное по распоряженіямъ его находилось и упражненно было, возложенная служба исправляема была ревностію и возможнымъ прилѣжаніемъ. Мы, будучи всегда полезнаго мнѣнія одолженнаго къ намъ и къ службѣ нашей усердія низоваго войска запорожскаго, стѣмъ болшимъ удовольствіемъ приемлемъ сіе подверждение, чемъ сходственное тому наше было и собственное ожида-

[1]) Грамота списана съ копіи и формально засвидѣтельствована слѣдующимъ образомъ: «съ оригинальнаго сводилъ войсковей канцеляристъ *Демко Ремаревъ*; переконіевана марта 25, 1772 г.».

ніе, и поелику и случай получаемъ предявить сему мужественному и ревности къ вѣрѣ и отечеству преисполненному войску монаршее наше благоволеніе за подъятые имъ подвиги, основанныя на сугубой должности вѣрнаго подъданства и благочестия, такимъ образомъ всемилостивѣйше мы, похваляя сею нашею императорскою грамотою помянутое низовое войско запорожское, совершенно надѣемся, коимъ образомъ оное продолжать службу свою будетъ къ намъ и къ нашей имперіи вѣрно, рачительно и мужественно и впредъ, какъ при настоящей противъ врага креста Господня войнѣ, пока в миръ твердой и полезной не преобратимся, такъ и во всякое время, къ чему когда употреблено быть можетъ, и всегда сточностию по тѣмъ повелѣніямъ поступать имѣетъ, кои даванни будутъ отъ насъ и нашимъ высочайшимъ имяпемъ отъ начальниковъ, довѣренности нашей удостоеныхъ. Между тѣмъ и монаршая наша милость и призрѣніе ксему нашему подданному войску не только продолжаемы, но, по мѣрѣ оказываемыхъ отъ онаго услугъ, и усугубляемы будутъ.

Пребываемъ мы нынѣ къ вамъ Кошевому Аатаману и всему войску благонамѣренны и благосклонны. Дана въ Санктъ-Питербургѣ февраля 22 дня 1772 года.

Оригинальная собственною ея императорскаго величества рукою подписана тако:

Екатерина [1]).

А вотъ нѣсколько отрывковъ похода Дунайцевъ въ 1772 году.

7-го мая командированный съ пѣшей командою полковникъ Ледо, для привода въ море лодочнаго отряда, доноситъ Кошу, что команда съ полковникомъ *Иваномъ Мандро*, замѣнившимъ больнаго, а вскорѣ и умершаго Сидловскаго, мая 5 благополучно отправилась внизъ по Днѣстровскому Лиману, «а мы леда и козаки по близу Кинбурна чрезъ всю ночь стояли и пальбы съ Очакова, съ города и судовъ не слыхали».

23 іюня полковникъ Мандро доноситъ уже Кошевому:

«Исполняя я данное вашей вельможностью, при выкомандированіи меня въ Черное море, даже до Дуная, повелѣніе, съ командою, съ 7 противъ 8 прошлаго маія, мимо крѣпости очаковской и кинбурнской

---

[1]) Копія почти въ клочкахъ, съ трудомъ мною переписана.—А. С.

прошелъ благополучно, а маршируючи онымъ моремъ, первую имѣли пристань при Аджибеѣ (нынѣ Одесса), гдѣ простоявши до полтора дня, приняли путь даже до Акермана, и отъ сихъ обоихъ мѣстъ мая 20 ч. съ Акермана даже до Дунайскаго гирла какъ послѣдовали, то несчастливою фортуною, отъ послѣдовавшаго морскаго не малаго вѣтру, 2 лотки куреней каневскаго и вышестеблевскаго, при косѣ противъ Татаръ-Пунары [1]) лежачой, въ мелкіе части побило и все въ ономъ козачье имѣніе потонуло, и съ тѣхъ лодокъ 3 козаки батуринского куреня втонуло. При которой косѣ мы простояли дней до 5, ожидаючи утишенія погоды. Но сколько не ожидали той тишини, токмо оной не дождавъ, въ Дунай даже до Исмаила прибыли. Откуда въ 28 день мая, по повелѣнію в. в., писарь нашъ Потапенко къ с. п. г. адмиралу Нольсу, кой находился въ Яссахъ, съ представленіемъ, какъ о прибытіи нашемъ, такъ и послѣдовавшей вышеписанной фортуни, былъ отправленъ. По которому представленію былъ полученъ мною отъ е. п. приказъ съ обнадеживаніемъ удовольствовать высочайшею грамотою за проходъ мимо крѣпостей очаковской и кинбурнской, зъ платою и за потопленныя въ морѣ вещи награжденіе, что все нами и получено».

Въ это время начались было переговоры съ турецкими военными властями и даже были надежды на перемиріе; по этому случаю полковникъ Мандро 29 іюня доноситъ Кошевому, что« онъ состоитъ отъ города Смайлова (Измаила) верстъ за 8, при урочищѣ Яссенѣ, и не имѣлъ еще никакого извѣстія, каково будетъ предпріятіе, только часто требуется съ команды его лотокъ и козаковъ для посылки по разнымъ экспедиціямъ».

Видно служба козаковъ на водахъ была довольно тяжела, ибо изъ команды «Дунайцевъ» посланъ былъ списокъ для поминовенія въ сѣчевой церкви, въ которомъ показано, что изъ ихъ отряда 26 убитыхъ въ бою и 74 умершихъ отъ ранъ и болѣзней.

Вскорѣ полученъ былъ отъ главнокомандующаго ордеръ, чтобы козаки съ лодками оставались на мѣстѣ стоянки до дальнѣйшаго распоряженія.

---

[1]) С. *Татаръ-Пунаръ*, акерманскаго уѣзда, въ Бессарабіи, при впаденіи рѣчки Кагильникъ въ Дунай.

Замѣтимъ **мимоходомъ,** что вѣроятно и въ давно прошедшее время гг. генералъ-интенданты **были столь**-же любезны къ солдату, какъ и въ минувшія компаніи 1850-хъ и 1870-хъ годовъ. Начальникъ лодочнаго отряда, дѣйствовавшаго столь усердно, по волѣ самой великой государыни, восхваляемый за усердіе гр. Румянцевымъ и княземъ Долгорукимъ [1]), попалъ на время отсутствія адмирала Нольса (въ іюнѣ 1772 г.) въ команду оберъ-интенданта Мих. Ил. *Рябинина.* На просьбу козаковъ помочь имъ въ поискѣ потерпѣвшихъ въ бурѣ лодокъ или пріобрѣтеніи новыхъ, постоянно «проволучая», отвѣтилъ наконецъ: «что козаки пришли сюда уже не подъ военное время и врядъ въ нихъ надобность предлежать будетъ».

Не такъ думало настоящее военное начальство, ближайшій командиръ лодочнаго отряда, полковникъ Якубовичъ. Вотъ часть его письма къ кошевому, отъ 25 октября 1772 года изъ Измаила.

«Честь имѣя сверхъ регулярныхъ войскъ, запорожскими, прибывшими сюда на судахъ, козаками командовать, усматривая въ тѣхъ военныхъ дѣйствъ операціяхъ, въ экспедиціяхъ важныхъ прошлаго года за Дунаемъ: подъ Тульчею, Мачиномъ, Гирсовомъ, Силистрою и другими турецкими городами и мѣстечками, достохвальные, храбрые ихъ дѣла, довольно тогда же его сіятельству, высокоповелительному г. генералъ-фельдмаршалу рекомендовалъ, почему каждый изъ нихъ, кромѣ другихъ награжденій и авантажа, и портреты ея императорскаго величества на медаляхъ получали».

Козаки съ лодками оставались все неотлучно при 1-й арміи, какъ видно изъ рапортовъ новаго ихъ командира, полковника Ивана Дуплича, отъ 14 октября и 8 ноября. «Нахожусь я, пишетъ онъ, съ командою противу города Силистріи при урочищѣ Шикпренли, въ командѣ г. г.-маіора и кав. Григорія Александровича *Потемкина,* гдѣ и повелено пріостановится всей арміи и не производить военнаго дѣйствія до предбудучого 1773 года марта 9 числа перемирія, порядочно и благополучно».

Мы уже упоминали въ книгѣ нашей [2]) о бывшей тогда модѣ или прихоти русской знати и даже простыхъ военныхъ людей

---

[1]) См. ниже ордеръ Румянцева отъ 3 октября 1773 года.

[2]) *Исторія Новой Сѣчи,* ч. I, стр. 126—1828.

записываться въ козачество запорожское «товарищами» по избраннымъ куренямъ. Вотъ полковникъ Дупличь въ письмѣ отъ 8 ноября 1771 года проситъ о зачисленіи въ козаки: черкесскаго князя *Капитанова*, «Кизлярскаго Терека войска: *Ивана и Петра Григорей*, поручика греческой націи *Маргарита Арнаутскаго* и донскаго полковника *Михаила Агеева*», такъ какъ они «очень честные люди», наивно свидѣтельствуетъ нашъ полковникъ.

II.

Но вотъ перемиріе кончилось, война съ турками возобновлена, и «Дунайцы», участвуя въ ней, потеряли уже много своихъ братій и въ томъ числѣ полковника Дуплича, умершаго отъ ранъ. На мѣсто его въ Кошѣ обществомъ избранъ атаманъ дядьковскаго куреня *Кондратъ Гукъ*. Здѣсь узнаемъ мы, какъ древнее «братство» куренное до самаго конца свято уважалось въ войскѣ. Полковникъ Мандро августѣ 1773 года просилъ, чтобы козаки вновь прибывшіе—вѣроятно на мѣсто 120 умершихъ и убитыхъ,—непремѣнно совокупились «куренями», ибо таковое желаніе всей лодочной команды.

Первое и весьма тяжкое дѣло имѣли козаки въ іюнѣ 1773 г., какъ видно изъ донесенія Кошу начальника первой команды полковника *Герасима Коленка*.

«Чрезъ сего нарочнаго посланнаго отъ насъ, атамана Пилинка Хорта объявляемъ в. в., что у насъ была съ неприятелемъ баталія, съ начала сего 1773 г. мѣсяца іюня 1 числа, выше Силистріи, за Дунаемъ, въ мѣстечку Вѣтровицы, вторая-же противъ Силистріи, въ островѣ, мая 26 числа баталія была, гдѣ и полковника Дуплича поранили, и отъ той раны и померъ. Въ третьи-жъ разъ какъ пошли подъ городъ Силистрію, гдѣ былъ самъ графъ Румянцовъ и генералъ поручикъ Потемкинъ, и нашъ выигрышъ похвалилъ. За что мы, благодаря Бога, и всемилостивѣйшей нашей государинѣ, и вашу вельможность, что мы счастливо находились, и не отказываемся службы своей. Іюля 31, 1773 г.

Объ этихъ «баталіяхъ» писалъ еще Коленко 8 августа того года слѣдующее.

«Сего 1773 года, іюня первыхъ чиселъ, принося мы вѣрно за вѣру и отечество Богу и всемилостивѣйшей нашей государынѣ службу, будучи

подъ городомъ Силистріею, иние смерть пострадали, а иние раны приняли. Прилагаемъ при семъ именной списокъ козаковъ убитыхъ и отъ ранъ умершихъ (какъ оказалось, 43 человѣка).

Списокъ этотъ посланъ въ Сѣчь для поминовенія во всѣхъ церквахъ запорожскихъ.

Вотъ еще донесеніе начальника второй лодочной команды, полковника Мандро, о томъ-же, но писанное вѣроятно какимъ нибудь писаремъ изъ духовнаго званія, изъ котораго молодежь, особенно школьники, частенько уходили козаковать на Запорожье. Это будетъ и образецъ козацкой литературы.

«Зчисляя мы продолженіе нашей къ всероссійскому е. и. в. престолу службы, которая какъ явила свое начало, то въ томъ мы свою храбрость и мужество первѣе всѣхъ войскъ, не единожды, на той сторонѣ р. Дуная оказать счастіе имѣли. А съ тѣхъ поръ почти не всякій день въ сраженіи съ непріятелемъ какъ на той-же сторонѣ Дуная, такъ особливо подъ часъ чинимыхъ непріятелемъ на сію сторону Дуная переправъ, къ воспрепятствованію его намѣренія, съ усердною ревностью. храбро, якъ долгъ есть воиновъ, поступали, не уступая непріятелю (доколь приказъ не зайдетъ) ни на одинъ сажень мѣста. Въ тихъ-же сраженіяхъ урону съ нашей стороны было козаковъ убитыхъ 5, а раненныхъ до 50.

Городъ Силистровъ (Силистрія) какъ былъ россійскими войсками атакованъ, то къ этому командировано было нѣкоторую часть изъ командъ запорожскихъ,—оставляя надлежащее число при судахъ, козаковъ, гдѣ будучи во время сраженія, не только не устрашились силъ въ шанцахъ и рвахъ бывшихъ непріятельскихъ, также многаго числа пушекъ, но еще съ помощью Бога, счастіемъ-же е. и. в. и вашей вельможности, съ усердіемъ и ревностью бросившись на нихъ съ мѣлкимъ оружіемъ, выбыли съ тѣхъ шанцевъ и рвовъ, также и отъ ихъ пушекъ отогнавъ, гнали и убивали многихъ въ самомъ форштатѣ. Урону подъ городомъ въ козакахъ, по волѣ Божіей, явилось убитыхъ 7 человѣкъ, а раненныхъ 22.

Нынѣ состоимъ мы при Гирсову и дѣлаемъ поискъ надъ непріятелемъ во верху Дуная лотками, повелителя-же имѣемъ «арміи дежурства г. м. *Милорадовича*» (Августа 9, 1773 г.).

За симъ слѣдуютъ и военные комплименты запорожцамъ отъ «высокаго» начальства. Начнемъ съ весьма любопытнаго письма Потемкина, и не въ Кошъ, а прямо къ подчиненнымъ лодочнымъ козакамъ [1]):

«Войска запорожскаго обоихъ командъ полковникамъ, старшинамъ и товариству!

«Бывъ свидѣтель ревностной вашей службы, мужественнымъ поступокъ и воинскаго одолѣнія христо-ненавистныхъ враговъ, и потребляемаго вами искусства, пользуясь искреннею благосклонностью съ дружбы вашей, по пріѣздѣ моемъ въ Петербургъ, имѣвъ счастіе получить отличный знакъ монаршихъ милостей жалованьемъ меня: генералъ-адъютантомъ, лейбъ-гвардіи преображенскаго полка подполковникомъ, воинскаго совѣта членомъ и орденовъ: св Александра Невскаго, Бѣлаго Орла и св. Станислава кавалеромъ,—за первый довлѣющій меня долгъ почелъ вновь справедливостью донести о томъ е. и. в., всемилостивѣйшей государинѣ и матери нашей, которая, уважая достойные ваши подвиги, для защищенія отечества предпріемлемыя, въ залогъ высочайшаго къ вамъ своего благоволенія, всемилостивѣйше повелѣла изъ императорской своей казны учинить вамъ награжденія, для полученія коихъ, по домествіи къ вамъ сего листа, пришлите кого либо изъ своихъ письменныхъ людей, и если живъ *Герасимъ* (*Черный*) писарь, то и его затѣмъ сюда повелите отправить. А съ нимъ-же, въ знакъ моей къ вамъ любви, одолжаюсь на всѣ курени прислать кашеварныхъ котловъ самой лучшей здѣшней работы. Я надѣюсь, что подарокъ сей приобрящетъ ваше удовольствіе и будетъ служить напоминаніемъ вамъ моей дружбы, которая навсегда пребудетъ съ моей стороны ненарушимо сохраняема во всякое время, съ желаніемъ расширенія вашей славы, неустрашимость вашу велегласно проповѣдущей и повсемѣстно стяжающей вамъ похвалы. Будьте увѣрены, что всѣ случаи въ исходатайствованіи вамъ полезнаго открывающагося не пропустяться мною,—дабы доказать вамъ, что я былъ, и есмь, и на всегда буду. Вашъ всеохотнѣйшій слуга

Село Царское *Григорій Потемкинъ.*

1774 года, 22 мая.

---

[1]) Къ сожалѣнію списано съ копіи; другія письма Потемкина имѣемъ въ подлинникахъ. Хотя писано и «высокимъ» вельможею, но по слогу мало отличается отъ донесеній запорожской старшины, писанныхъ бѣдными писарями войска.

За этими деньгами и котлами козаки изъ подъ Силистріи послали въ Петербургъ упомянутаго писаря своего Герасима *Чернаго* и козака Демида *Чернаго*.

Но и герой Румянцевъ Задунайскій не отказывалъ «Дунайцамъ» въ своемъ покровительствѣ, какъ видно изъ его ордера отъ 20 октября 1773 года, изъ Фокшанъ, къ Кошевому:

Государь мой Петръ Ивановичъ!

Получа письмо ваше, которымъ вы просите, чтобы я учинилъ представительство о награжденіи старшинъ и козаковъ войска запорожскаго, пришедшихъ (къ Дунаю) 772 года, медальми, по примѣру ихъ товариства, что оніе получили здѣсь за свою службу, не хотѣлъ я упустить, чтобы не обнадежить васъ, что сіи усердные службѣ воины, въ многихъ уже дѣйствіяхъ мужествомъ отличившіеся, обязали меня по должности также ходатайствовать о справедливомъ воздаяніи, чего и не оставлю я учинить, пребывая между тѣмъ съ моимъ почтеніемъ Вашимъ, государя моего, доброжелательнымъ слугою.

Графъ *Румянцевъ*.

А вотъ и финалъ «Дунайской» экспедиціи храбрыхъ запорожскихъ аргонавтовъ, и финалъ, увы, довольно злополучный. Разсказомъ этого финала мы закончимъ нашу правдивую лѣтопись.

Благодаря побѣдамъ Румянцева, война кончилась. Миръ съ турками заключенъ 10 іюля 1774 года, и войску запорожскому повелѣно возвратиться домой. На этомъ основаніи 15 сентября 1774 года, по распоряженію главнокомандующаго, генералъ-поручикъ *М. Каменскій*[1]) уже не ласковымъ тономъ, какъ бывало прежде, а грубымъ казарменнымъ слогомъ предписываетъ полковнику Гуку:

«По полученіи сего слѣдуй со всей запорожской командой къ Сѣчи. А будучи въ пути, встрѣчающимся турецкимъ военнымъ или купеческимъ судамъ и на берегахъ обитающимъ жителямъ обидъ и разореній не чинить; а когда оказаны будутъ отъ васъ обиды и дойдуть о томъ жалобы, то винные смертью наказаны будутъ; о чемъ во

[1]) Бывшій въ царствованіе императора Павла новороссійскимъ военнымъ губернаторомъ.

всѣ лодки объявите. По прибытіи-же въ Сѣчь, явитесь къ вашей командѣ».

Таково было послѣднее, любезное сношеніе «Дунайцевъ» съ меньшимъ начальствомъ арміи. 17 сентября злополучные молодцы пустились къ морю и, счастливые до сихъ поръ въ борьбѣ съ врагами, на пути къ родинѣ подверглись враждебнымъ природнымъ стихіямъ. Вотъ подлинныя донесенія Кошу отъ начальниковъ обѣихъ лодочныхъ командъ:

«Достигши мира въ войнѣ, продолжавшейся съ турками, а потому получа отъ командуемаго позволеніе къ движенію въ обратный путь, за таковое емшись сентября съ 17-го, путешествовали Дунаемъ и Чернымъ моремъ благополучно только до 21 числа. А противъ оного въ ночи, вѣющимъ не обычно вѣтромъ, колебаніе моря продолжавшееся на многіе часы постигло тамъ, гдѣ былъ трудной и почти совсѣмъ не возможный способъ къ избавленію судовъ отъ разбитія. Потому и нежиданной гибели предало 37 лотокъ съ девяти пушекъ и при оныхъ во множествѣ бывшій экипажъ, простирающійся съ готовымиденьгами на 20,000 рублей. Едва мы спаслись наго почти, что артиллерію спасая, къ сему единому попеченію обратились. И такъ съ разбитыхъ лотокъ 2 только, казавшіеся лучшими и удобнѣйшими къ поправкѣ: купцовскую и незамайскую исправивъ, а къ тѣмъ нанявъ въ Аккерманѣ у очаковскихъ турковъ за 107 рублей томбазъ, оной и тѣ 2 лотки подъ оставшуюся артиллерію употребили до *Кизьяго* [1]). А тамъ выгрузя въ суда запорожскіе, и съ сихъ оттоль въ надлежаще мѣсто поставили при мнѣ полковника Мандрю съ козаками, продолжавшими водою и румомъ (берегомъ) путь. А что былъ оной многотруденъ и бѣдственъ, такъ что могли въ веляку силу достигти Сѣчи ноября 14.

Я-же полковникъ Гукъ 30 пароволовыхъ возовъ получивъ отъ аккерманскаго коменданта и склавъ на оные харчи и послѣдню одѣжъ, при томъ-же и не могущихъ по болѣзнямъ идти, двинувшись, слѣдовалъ степью на Бендеры, по надъ Яриликомъ (р. Ягорликъ) и Польщею, гдѣ у обывателей перестоять порядочно, по отводу, нашелся

---

[1]) *Кизьс. Кизій-мысъ* или Кизыляръ, урочище, гдѣ оканчивается кизельмицкое гирло Днѣпра, въ херсонской губерніи и уѣздѣ.

привужденный отъ стужи до времени возможнаго къ ходу. И такъ повольно вступили въ границу нашу, коею слѣдуя, прибыли къ Сѣчи января 27, въ велику зиму, отъ которой, что сильно увеличилась предъ временемъ прибытія, претерпѣли великій холодъ и лишившись здоровья, многіе ощутили калецтво».

Полковникъ *Кондратъ Гукъ. Иванъ Мандро.*

Такъ описывали храбрые и честные «Дунайцы» свое возвращеніе съ послѣдняго, славнаго, какъ и вся ихъ исторія, похода. Иначе объясняли это возвращеніе въ Петербургѣ, гдѣ въ то время рѣшалась участь Запорожья, какъ уже не нужнаго. Вотъ что писалъ оттуда въ Кошъ послѣдній депутатъ войска Антонъ Головатый [1]):

«Мы зъ Велигурою (полковникомъ калміусской поланки) пили у Потемкина крѣпкій пуншъ; нашихъ дунайцевъ оболгалъ какой-то генералъ (Рябининъ): что они отдавали ему свои лодки въ соблюденіе, а самимъ-бы идти пѣшкомъ чрезъ Польшу для грабительства. А когда ему мы сказали, что у нихъ всѣ лодки погода побила, то онъ Потемкинъ не вѣритъ, такъ я ему въ отвѣтъ сказалъ: «какая въ свѣтѣ есть ложь! Они остались бѣдны по причинѣ судьбы своихъ лотокъ, да хотя-бы и пошли пѣшкомъ на грабительство, то что они пѣшіе занесутъ?» А Потемкинъ выговорилъ: «будто я не знаю вашихъ ухватовъ? Пѣшкомъ пойдетъ, а узду за поясомъ одну, либо въ саквахъ двѣ, то на нихъ и коней весьма скоро добуть могутъ, чтобы не пѣшому быть каждому, а навьючить добычь, для облегченія себя».

Это было сказано Потемкинымъ въ началѣ февраля 1775 г., т. е. 8 мѣсяцевъ едва спустя послѣ приведеннаго выше любезнѣйшаго письма тогожъ «Нечосы» [2]) и подарка котловъ кашеварныхъ на всѣ курени.

Вотъ чѣмъ кончились подвиги «Дунайцевъ» въ войну 1770—1773 гг. Потерявъ убитыми и ранеными до 200 челов., потерявъ лодки и все добытое имущество, они увидѣли дорогую Сѣчь на кануяѣ ея гибели и, что было не менѣе тяжело для козака, слышали упреки и ругательства отъ коварнаго царедворца, хотя и военнаго человѣка.

А. Скальковскій.

---

[1]) Исторія Новой Сѣчи, ч. III, стр. 171—172.

[2]) «Нечосою» прозвали козаки Потемкина при пріемѣ въ кущовскій курень отварнщемъ. Вѣроятно—за его кудрявую прическу или даже парикъ.

СТАРОСВѢТСКІЕ БАТЮШКИ И МАТУШКИ.

(Повѣсть изъ быта украинскаго духовенства 20-хъ годовъ XIX ст.).

(ПРОДОЛЖЕНІЕ) [1].

Чѣмъ долѣе жилъ въ своемъ приходѣ о. Харитонъ, тѣмъ болѣе привязывались къ нему его прихожане: его любили, какъ и прежде, за его тихій нравъ, кроткую и добрую душу, привѣтливое обращеніе, благоговѣйное служеніе, и старались помогать ему во всемъ, предъугадывая его нужды, предупреждая его просьбы. Опорядивъ его дворъ еще великимъ постомъ, руками говѣльщиковъ, громада ждала только времени, чтобы вспахать поле своего батюшки, а потомъ сжать, свезти и перемолотить хлѣбъ.

Настала поздняя, теплая весна. Пришелъ свѣтлый праздникъ— Воскресенье Христово. Въ первый день, разговѣвшись «свяченымъ» и отдохнувъ послѣ ранней и долгой службы, чуть-ли не вся ольшаницкая громада собралась на погостъ провести время вблизи церкви, какъ заведено съ-покопъ вѣку. Староста и братчики, по старому обычаю, наварили къ празднику меду. Медъ продавался въ хаткѣ, которая стояла въ концѣ обширнаго погоста и называлась школой. Въ этой хаткѣ и въ самомъ дѣлѣ была когда-то школа; но это было давно, а теперь никто въ ней не учился, и звалась она школой лишь по преданію. Мущины и женщины разсѣлись кружками по всему погосту. Вездѣ видны были разостланныя въ срединѣ кружковъ на зеленой травѣ чистыя скатерти и полотенца. На нихъ

[1]) См. «Кіевская Старина» 1884 г., декабрск. кн., стр. 586—620.

лежали крашанки, писанки, пироги и куски «паски» для закуски. Къ этому приставляли кружки, фляшки и просто горшечки съ медомъ, кое-гдѣ виднѣлись и бутылки съ водкой. На погостѣ стоялъ говоръ, шумъ, веселье, но не громкое, а сдержанное, какъ подобало святому мѣсту. Мущины и женщины христосовались, обнимались и цѣловались. Одинъ кружокъ заправшивалъ къ себѣ близкихъ сосѣдей и пріятелей изъ другихъ кружковъ. Одни другихъ угощали медомъ или водкой, обмѣнивались крашанками и писанками. Подходившія вновь молодицы развязывали платки со «свяченымъ». А за погостомъ, на выгонѣ, дѣвчата и хлопцы впервые выпили пѣть веснянки и играть въ весеннія игры. Дѣвчата впервые, послѣ продолжительнаго поста, нарядились во всѣ цвѣты и ленты, сколько ихъ лежало въ сундукахъ; одѣлись въ свѣтлыя *юбки* и *сподницы*, въ сафьянные красные сапоги. Зеленый выгонъ будто зацвѣлъ роскошными цвѣтами маку и мальвы. Въ одномъ мѣстѣ дѣвчата, побравшись за руки въ кружокъ, выводили танецъ, распѣвая *перепелки*; въ другомъ бѣгали въ *хрещика*, а тамъ далѣе сидѣли длинными рядами и играли въ *женьпана*. Дѣти сновали по погосту и по выгону, катали крашанки по травѣ, играли *на обитки* крашанками. А на выгонѣ, на зеленой травѣ паслись гуси съ желтыми гусятами, паслись и весело подпрыгивали ягнята, а крохотные ребятишки изо всѣхъ силъ гонялись за ягнятами. Молодые парни стояли группами вокругъ дѣвчатъ въ новыхъ барашковыхъ шапкахъ, въ черныхъ и бѣлыхъ свиткахъ, подпоясанные красными или зелеными поясами, любовно поглядывая на ихъ разцвѣтшія лица, постукивая каблуками въ тактъ игръ и пѣсенъ, подмигивая бровями, заигрывая словами. Вездѣ раздавалась пѣсня. Хлопцы звонили такъ, что тряслась колокольня. На всѣхъ лицахъ сіяла радость, счастье весны и любви. А солнце съ высокаго синяго неба яснымъ, теплымъ свѣтомъ обливало зеленый выгонъ, цвѣтистыя группы дѣвчатъ и парубковъ. Даже старики принарядились, помолодѣли и похорошѣли. И праздникъ, и весна, и зелень, и золотистое солнце всѣхъ развеселили, всѣхъ наполнили радостью и покоемъ.

— А що, панове громадо,—началъ одинъ старикъ на погостѣ, держа въ рукахъ чарку меду: нашъ молодый батюшка не Богъ-зна съ якими достатками. Въ молодого господаря порожня и кишеня

и комора. Коли мы выбрали ёго собя на парахвію, то треба ёму и помогти.

— А вже-жъ треба,—отозвался староста, сидя на травѣ: давъ Богъ весну, часъ выряжати въ поле плуги. Батюшка самъ не спроможеться выорати поле. Треба выслати въ поле громадськи плуги, та выорати ёму поле пидъ ярину.

— А вже-жъ треба, поки самъ не стане добре на ноги,—отозвались старики: а якъ не мае насиння на посивъ, то треба бъ и засіяти.

— Отъ прийде правити вечерню, то и спитаемо,—сказалъ староста.

Спустя немного вышелъ на погостъ Моссаковскій съ женою. Ихъ окружили люди и стали христосоваться съ ними: и мужчины и женщины христосовались и съ батюшкою и съ матушкою, обмѣниваясь крашанками. Молодицы усадили матушку въ одномъ изъ своихъ кружковъ на камнѣ, батюшка присѣлъ у колокольни на ступенькахъ, окруженный стариками.

Послѣ нѣсколькихъ словъ по поводу праздника и погоды, одинъ изъ почетнѣйшихъ стариковъ заговорилъ къ батюшкѣ отъ лица всѣхъ:

— А що, батюшко, часъ може оце по святахъ и въ поле съ плугами выходити? За теею панщиною та за холодами мы ще не орали, але здаеця и ваше поле не почате лежить;—то може благословитимите по святахъ до ёго попереду зъ плугами зайти.

— Спасиби вамъ, люди добри. Якъ ваша ласка, во й поможить,—ласково благодарилъ Моссаковскій, кланяясь народу.

— Допоможемо, батюшко, отозвался староста. Коли мы вже выбрали васъ, то повинни и въ хазяйстви вамъ допомогти.—Выоремо, батюшечко, приговаривался другой старикъ, а якъ Богъ ма чимъ засіяти, то й насиння дамо.

— Ни, спасиби вамъ, сказалъ Моссаковскій: насиння въ мене є, тесть давъ, а коли ваша ласка, то выорить, бо я не спроможусь своими наймитами та волами.

— Выоремо! Чому не выорать?—отозвалось вдругъ нѣсколько голосовъ. Громада сильный чоловикъ: одни пидуть по дню зъ плугами, други зъ ралами, а трети зъ боронами, та и буде кинець. Абы вы до насъ добри були, а мы вамъ поможемо.

Моссаковскій вновь кланялся и благодарилъ. Между тѣмъ староста поставилъ столъ. Принесли меду и «свяченого». Чарка пошла кругомъ стола. Между батюшкой и прихожанами шла искренняя, сердечная бесѣда, какой теперь уже не услышать. Вокругъ церкви, на погостѣ и за погостомъ веселилась, какъ одна душа, убогая паства съ своимъ пастыремъ тихою праздничною радостью.

Зазвонили къ вечернѣ. Говоръ и пѣсни смолкли. Все, что было на погостѣ и выгонѣ, стало на ноги, все двинулось къ церкви. Выгонъ и погостъ опустѣли. Только малые хлопята выглядывали группами изъ оконъ колокольни, выжидая время, когда еще разъ можно будетъ поиграть на колоколахъ.

Прошла Свѣтлая недѣля, минули и проводы. Послѣ проводъ громада выслала плуги на поле Моссаковскаго. Моссаковскій собрался въ поле съ водкой и закуской угощать и подкрѣплять оравшихъ. Онися навязалась ѣхать съ нимъ.

— Одже, Онисіе Степановно, безъ васъ мабуть и вода не освятится,—говорилъ Моссаковскій, ѣдучи въ поле.

— Я, бачъ, и до хаты, и до плуга, и до рала. Куди хочь поверни, скризь найду ладъ. Не дурножъ я въ батька часомъ и кони поганяла,—отвѣчала Онися.

Громадскіе плуги покрыли поле. Вспаханная свѣжая земля чернѣла и лоснилась на солнцѣ. Жаворонки весело распѣвали надъ нивой, высоко подымаясь вверхъ. Плугатари и погоничи выкрикивали на разные лады, погоняя воловъ. Моссаковскіе, подъѣхавъ къ полю, остановились на межѣ и поздоровались съ людьми. Онися соскочила съ воза и побѣжала по межѣ оглядывать поле. Староста и батюшка едва поспѣвали за нею. Моссаковскій совѣтовался со старостой, гдѣ сѣять гречку, гдѣ просо и овесъ, гдѣ коноплю и ленъ. Онися вмѣшивалась въ разговоръ, сама распоряжалась, будто она была хозяиномъ; показывала, гдѣ и что сѣять, и доказала, что она и въ самомъ дѣлѣ многое понимаетъ въ мужскомъ хозяйствѣ. Староста съ батюшкой, глядя на нее, только пожимали плечами.

На межѣ развели огонь, поставили треножникъ, повѣсили чугунный котелокъ. Онися засучила рукава, закуталась платкомъ, чтобы не загорѣло лицо, и принялась готовить для рабочихъ полдникъ.

— Що це наши хлопци не выизджають съ плугомъ? говорилъ Моссаковскій, посматривая на дорогу: якъ имъ звеливъ заразъ за нами рушати съ двору.

— И не жди, бо не выидуть,—сказала Онися, кроша лукъ и отирая рукавомъ слезы, которыя текли отъ остраго запаху лука.

— А чомъ вони не выидуть? спросилъ удивленный батюшка.

— А тимъ, що я звелила имъ копати зъ дивчатами городъ.

— Алежъ вы, Онисіе Степановно, колись казали, що мы подилимось слугами: щобъ наймички були ваши, а наймиты мои,—припомнилъ насмѣшливо Моссаковскій прежній уговоръ, который онъ исполнялъ свято.

— Атъ, згадавъ торишне свято, отвѣтила Онися: хиба нема кому поле выорати? Дивись, онъ скильки плугивъ!

— Алежъ, Онисіе Степановно, подумайте, що скаже громада. Скажуть, що я скидаю на неи всю роботу, а своихъ наймитивъ жалую.

— Этъ, говори! Вже ты наговоришъ «три мишки гречаной вовны, та ще и уси не повни». Ты лучше не думай. «Индыкъ думавъ та и здохъ», кажуть у приказци,—говорила съ неудовольствіемъ Онися, бросая лукъ въ котелъ.

Батюшка замолчалъ; онъ самъ уже видѣлъ, что жена его забираетъ верхъ въ хозяйствѣ и лишь для формы спрашиваетъ иногда у него позволенія взять къ своей работѣ мужскую прислугу, на самомъ-же дѣлѣ давно сама всѣмъ распоряжается.

Каша закипѣла. Онися вытянула изъ воза мѣшокъ съ сухарями и хлѣбомъ, разостлала по травѣ полотенца, положила ложки, поставила миски и позвала «орачей» на полдникъ. Староста снялъ котелокъ и налилъ каши въ миски. Въ чистомъ воздухѣ расходился запахъ горячей пищи и смѣшался съ тяжелымъ запахомъ дыма и помятой молодой травы. Ароматы луку и сала дразнили нервы и аппетитъ. Отецъ Харитонъ досталъ съ воза боченокъ съ водкой и налилъ въ фляшки. Загорѣлые плугатари и погоничи въ бѣлыхъ рубахахъ и безъ шапокъ подошли къ возу. Моссаковскій выпилъ самъ, попотчивалъ всѣхъ и сѣлъ за полдникъ рядомъ съ «орачами». Онися брала опорожненныя миски, наливала кашу изъ котла, быстро рѣзала и раскладывала предъ рабочими хлѣбъ, чтобы они не тратили много времени за ѣдой и скорѣе вновь прини-

мались за работу. Окончивши полдникъ, орачи выпили еще по чаркѣ водки, перекрестились на востокъ, поблагодарили панотця и матушку и пошли къ плугамъ. Онися мигомъ убрала все, сложила на возъ, еще разъ пробѣжала по полю, указала старостѣ, гдѣ посѣять коноплю и ленъ, наиболѣе необходимые для ея женскаго хозяйства, и торопила мужа ѣхать домой.

— Поганяй, паноче, швидче, бо я знаю, що мои наймички не копають, а граються зъ наймитами, говорила Онися мужу.

— Та нехай трохи пограються! Не велика бида.

— Отъ тоби и невелика бида. Швидче скопають городъ,—будуть иншу роботу робити.

Только что они въѣхали во дворъ, Онися соскочила съ воза и побѣжала на огородъ. Наймички дѣйствительно заигрывали съ наймитами, кидали въ нихъ корнями бурьяна, комъями земли; наймиты гонялись за дѣвчатами по вскопаннымъ грядамъ, а заступы торчали въ землѣ, какъ сироты. Онися крикнула на слугъ, выбранилась на весь огородъ и побѣжала съ жалобой къ Харитону, которому было однакожъ мало нужды и до слугъ и до огорода. Онися взяла заступъ и пошла сама въ палисадникъ копать грядки на цвѣты.

— А ну, паноче, ходи лишень сюди та скородь мени грядки,— крикнула она мужу, который собирался уже залечь на канапкѣ и почитать «житіє».

Съ этими словами Онися ткнула мужу въ руки грабли, и онъ молча сталъ загребать и выравнивать землю на грядкахъ. Потомъ она заставила мужа чистить дорожки, а сама, продолжая копать грядки, все выглядывала изъ-за угла на огородъ и покрикивала на слугъ.

— Та й забисована оце попадя, говорилъ одинъ изъ наймитовъ. Не дасть и въ голову почухаться; стоить якъ те опудало на коноплахъ, та лякае насъ, якъ горобцивъ.

Онися скопала весь палисадникъ и засѣяла его цвѣтами. Надъ самымъ прудомъ былъ крутой, но не высокій зеленый берегъ. Онъ напоминалъ ей возвышенное мѣсто надъ Росью въ отцевскомъ саду, край котораго былъ засѣянъ цвѣтами. Онися скопала цѣлину длинною полоскою, засѣяла цвѣтами и велѣла мужу проложить туда дорожку.

— Алежъ выгадуете вы все що инше; въ мене вже ажъ спина трищить,—замѣтилъ «панотецъ» и, вздохнувъ, принялся прокладывать дорожку.

Между тѣмъ, Онися кликнула наймичку и полетѣла въ кухню готовить «вечерю», въ ожиданіи съ поля рабочихъ. Моссаковскій поплелся за нею, пользуясь случаемъ хоть немного отъ работы отдохнуть.

Видя, какъ она суетится, перебѣгая изъ кухни въ кладовую и назадъ, Моссаковскій говорилъ:

— Та сядьте, Онисіе Степановно, та спочиньте хочъ трохи.

Сядь уже ты, коли тоби такъ хочеться, тай дивись на мене, а я буду робити, говорила Онися.

— Колижъ-бо вы такъ бигаете, що на васъ и дивитись трудно,— говорилъ о. Харитонъ.

— То бигай и ты за мною, якъ курчя за квочкою, а вже я не сяду, бо мени николи.

— Ей Богу, я васъ колысь привяжу до стильця, щобъ вы одпочили хочъ на годину.

— Ябъ тоби и мотузки порвала, а такибъ утикла.

И Онися опять суетилась и бѣгала то въ комору, то на дворъ, то въ покои, то въ погребъ. Въ ея худощавомъ тѣлѣ, въ ея тонкихъ жилахъ было столько жизни и движенія; ея сухія руки, длинные пальцы постоянно вертѣлись, что-то перебирали, перетряхивали, складывали или раскладывали...

Когда настало лѣто и созрѣли посѣвы, громада толокою сжала своему батюшѣ весь озимый и яровый хлѣбъ и свезла въ гумно, не смотря на то, что была своя работа и заѣдала тяжелая панщина. О. Харитону чувствовалось легко; лучшихъ отношеній къ прихожанамъ желать было нельзя.

Минулъ годъ, Онися родила дочь; дитя прожило только до вечера: отецъ Харитонъ едва успѣлъ окрестить его. Изъ Часкъ пріѣхалъ отецъ съ матерью; поплакали и похоронили дитя возлѣ церкви. Онися такъ плакала и горевала, что едва и сама не умерла. Прошелъ другой годъ, Онися родила сына; но и это дитя умерло чрезъ день. Онися съ отчаянія едва разсудка не лишилась. Насталъ третій годъ,—Онися ходила беременною.

— А що, матушко, борони Боже, якъ и се дитя помре? заговорилъ какъ-то Моссаковскій къ женѣ.

— Нехай Богъ милуе, отвѣчала Онися; кажуть люде, якъ не ростуть діти, треба покликати за кума або старця, або першого, хто на улици стринеться.

— Треба справди покликати за кума старця Олексу Шмида, а за куму абы-яку старчиху, або першу молодицю, яку стрину на улици,—сказалъ отецъ Харитонъ.

Послѣ рождественскихъ праздниковъ Онися разрѣшилась дочерью. Моссаковскій самъ сходилъ къ нищему Шмиду и пригласилъ его въ кумовья, а возвращаясь домой, встрѣтилъ одну бѣдную женщину-сосѣдку и ее просилъ быть кумою. Дитя было здоровое, и Онися рѣшила устроить крестины немного спустя. Между тѣмъ прихожанки, заслышавъ о благополучномъ рожденіи, спѣшили провѣдать свою матушку. Приваль начался съ утра слѣдующаго дня: чуть-ли не со всего села шли старыя и молодыя, богатыя и совсѣмъ убогія хозяйки «пить родины» матушки, и шли не съ пустыми руками, но каждая съ какимъ-либо подаркомъ изъ своего хозяйства. Предвидя это, Онися еще съ вечера пригласила жену старосты и поручила ей приготовить на утро обѣдъ и варенуху. Подходившія одна за другой прихожанки скоро наполнили всѣ углы просторнаго дома; нѣкоторыя изъ нихъ пришли съ маленькими дѣтьми на рукахъ. Во всемъ домѣ съ каждымъ часомъ усиливался говоръ и шумъ, происходила небывалая суета. Гостьи помоложе готовили «купиль» для матушки: однѣ носили воду, другія грѣли ее въ горшкахъ, носили въ комнату, гдѣ лежала Онися, и выливали въ большой ушатъ, поставленный у самой постели родильницы. Всѣ суетились, бѣгали, перегораживали дорогу одна другой, спорили... Простая сельская повитуха, въ чистой сорочкѣ, въ бѣлой чистенькой «намиткѣ», озабоченно переходила изъ свѣтлицы въ комнату и обратно, подъ часъ что-то шепча то и дѣло вбѣгавшимъ молодицамъ.

Уставивъ наконецъ ванну и выкупавъ съ разными причитаньями свою матушку, у которой едва хватило силъ стать на ноги, гостьи-прихожанки усѣлись рядами въ свѣтлицѣ за столы. Старостиха распоряжалась угощеньемъ и сама сѣла за столъ только за послѣднимъ кушаньемъ. Шумъ и говоръ усиливался съ каждой выпитой чаркой, воздухъ сгущался по мѣрѣ потребленія разныхъ горячихъ яствъ.

Старостиха внесла варенуху. Запахъ меду, калины, перцу, гвоздики и водки смѣшался съ запахомъ кушаньевъ, съ дыханьемъ людскимъ,— создавалась атмосфера, невозможная для здороваго человѣка, тѣмъ болѣе для родильницы. Старостиха наливала варенуху въ миски, молодицы черпали изъ мисокъ ложками и пили. Десятки языковъ совсѣмъ развязались, въ свѣтлицѣ кипѣло, какъ въ котлѣ. День клонился уже къ вечеру, когда гости встали изъ-за столовъ и длиннымъ рядомъ потянулись въ комнату, гдѣ лежала Онися, чтобы поблагодарить за хлѣбъ за соль. Молодицы цѣловали Онисю и на радостяхъ обѣщали напрясть матушкѣ каждая по *пиомитку*, а ткачиха и сама не оглядѣлась, какъ съ языка ея слетѣло обѣщаніе выткать матушкѣ даромъ полотно.

Чрезъ недѣлю, въ воскресенье, Моссаковскіе справляли крестины. О. Харитонъ ѣздилъ лично приглашать Балабуху, упросилъ даже и «благочинну». Съѣхались сосѣди священники съ женами, пріѣхали родители Ониси, явились отецъ Мелхиседекъ съ Мартою, пріѣхало нѣсколько семинаристовъ съ своими родителями. «Старець» Шмидъ и его простая, убогая кума пріодѣлись въ чистую одежу. Шмидъ не принадлежалъ къ числу заурядныхъ нищихъ; это былъ сильный плечистый дѣдъ, лѣтъ за 70, подслѣповатый на одинъ глазъ, безъ бороды, съ длинными сѣдыми усами, орлинымъ носомъ, сильнымъ и рѣзкимъ голосомъ, и ходилъ на костылѣ. Родился онъ гдѣ-то подъ Уманью, въ молодые годы попалъ въ Запорожье, былъ свидѣтелемъ его разрушенія, бѣжалъ оттуда за Дунай, тамъ затосковалъ по родинѣ, но когда навѣдался домой, былъ заарестованъ, какъ бѣглый крестьянинъ пана Копычинскаго, взятъ въ надворную его «корогву», ходилъ съ ней подъ Тарговицу, воевалъ, какъ говорилъ онъ, «за дурну Польшу», въ стычкѣ съ русскими войсками лишился правой ноги, попалъ въ плѣнъ и при движеніи Суворова къ Бѣлой Церкви брошенъ гдѣ-то на дорогѣ, какъ ненужный хламъ, но какимъ-то чудомъ выздоровѣлъ и поселился въ окрестностяхъ Богуслава, посвятивъ себя профессіи бандуриста, съ которою ознакомился еще въ дѣтствѣ. Онъ зналъ множество псальмъ, думъ и пѣсень, высоко цѣнилъ свое званіе народнаго рапсода,, на «латану свиту» свою смотрѣлъ, какъ на священную ризу, а въ кобзѣ своей видѣлъ гусли царя Давида и самого себя считалъ призваннымъ возвѣщать людямъ по дорогамъ и на ярмаркахъ слово правды. То былъ гордый,

важный дѣдъ, его знала и чтила не одна Богуславщина, но едва не вся Украина.

Гости собрались въ свѣтлицѣ, Шмидъ съ кумою ожидали въ кухнѣ. Дьячекъ принесъ кадило и свѣчи, о. Харитонъ досталъ съ угла мирницу, принесли новую съ поливой миску и въ ней стаканъ «іорданской» воды для обливанія при крещеніи. Когда все было приготовлено, пригласили кума и куму. Шмидъ гордо вступилъ въ свѣтлицу, какъ-бы древній пророкъ, за нимъ несмѣло вошла и кума. Въ свѣтлицѣ всѣ встали. Повитуха позвала куму въ комнату и подала ей на руки дитя. Ставши рядомъ съ кумою, Шмидъ началъ креститься къ образамъ и тихо шептать молитвы. Благочинный надѣлъ ризы и началъ совершать крещеніе. Свѣтлица сдѣлалась будто церковью. Всѣ стояли чинно, въ молитвенномъ настроеніи. Только Олеся косо посматривала на Шмида и надула губы. Ей очень не нравился этотъ «старець» на костылѣ и простая кума. Этотъ простой обычай казался для нея комедіей, очень компрометирующею даже ее—гостью, не только хозяина.

Крещеніе, за обычнымъ пропускомъ водоосвященія, прошло скоро. Въ свѣтлицѣ накрыли столы; отецъ Харитонъ попросилъ гостей садиться. Шмида съ кумою посадили прямо противъ Балабухи и его жены. Олеся не могла смотрѣть на Шмида, на его кривой глазъ, и даже брезгала ѣсть. Шмидъ держалъ себя съ достоинствомъ, въ духовныя рѣчи «батюшекъ» вставлялъ свое слово изъ набожныхъ пѣсень и козацкихъ думъ, а когда подвыпилъ, пустился въ воспоминанія и доставилъ немалое удовольствіе многимъ изъ гостей своими разсказами про Сѣчь, про житье за Дунаемъ и то, какъ онъ воевалъ «за дурну Польшу».

По окончаніи обѣда, бабка-повитуха вынесла большой подносъ, весь заставленный рюмками съ «варенухой». На подносѣ вокругъ рюмокъ были букеты зеленаго *барвинку* съ калиной. Бабка обнесла всѣхъ гостей и дарила всѣмъ букеты. Гости бросали бабкѣ на тарелку деньги.

Вмѣстѣ съ варенухой поданы были на столъ яблоки, груши, орѣхи, пряники и маковники. Варенуха развеселила гостей; матушки шумно заговорили; чувствовалась потребность общаго развлеченія. Отецъ Мелхиседекъ взялъ гитару и, слегка подыгривая, чуть слышно загудѣлъ своимъ густымъ басомъ:

Тече ричка невеличка, виду перескочу
Отдай мене, моя мати, за кого я схочу...

При звукахъ гитары и голоса Мелхиседека, молодыя матушки затихли. Его длинная, черная борода, широкій лобъ съ густыми черными бровями, орлиный тонкій носъ, темные блестящіе глаза, помимо голоса и умѣнья пѣть, служили для нихъ большимъ магнитомъ. На второмъ куплетѣ его поддержали уже семинаристы своими тоненькими тенорами. Скоро они совсѣмъ сладились; новая, недавно проникшая въ духовную среду пѣсня пошла бойко, все съ большимъ и большимъ оживленіемъ. Молодые тенора звенѣли, какъ колокольчики, ровный чистый голосъ Мелхиседека гудѣлъ среди ихъ, какъ мѣдная большая труба. Окончивъ эту пѣсню и сдѣлавъ переборъ на гитарѣ, Мелхиседекъ началъ другую, также недавнюю, хоровую и на сходный мотивъ пѣсню: *Ой, послала горлиця припотня по воду.* Пѣли «Петруся», «Василечка» и другія ново-сочиненныя пѣсни; но Мелхиседекъ пѣлъ ихъ для общаго лишь удовольствія, на самомъ дѣлѣ они не нравились ему, и онъ скоро принялся за свои любимыя: «Семена» и «Шума». Пѣлъ онъ ихъ на этотъ разъ съ особымъ воодушевленіемъ и произвелъ поражающее впечатлѣніе. При первыхъ звукахъ «Семена» послышались вздохи, едва не перешедшіе въ плачь подъ вліяніемъ варенухи. Окончивъ «Семена» и «Шума» и переведя немного духъ, Мелхиседекъ съ какою-то особою торжественностію и глубокою задумчивостію запѣлъ:

Ой, ишли наши славни запорожци
По-надъ Бугомъ рикою...

Взоры всѣхъ устремились на него; гости забыли про варенуху, рюмки торчали будто въ омертвѣвшихъ рукахъ. Но эти грустныя потрясающія мелодіи шли въ разладъ съ характеромъ настоящей минуты и компаніи, желавшей и настроенной повеселиться, и вызвали подъ конецъ легкій протестъ. Кое-гдѣ по угламъ послышались голоса нетерпѣливыхъ матушекъ, а сама Марта, жена Мелхиседека, не выдержала и крикнула изъ угла:

— Ану-бо, паноче, якои веселшои! а то мы й поснемо отутъ съ чарками въ рукахъ.

Мелхиседекъ какъ-бы очнулся, встряхнулъ головой, поднялся со стула и, сказавъ по направленію къ женѣ: «на тоби и веселшои:

вставай та танцюй!» со всего размаху гаркнулъ: *Ой, за гаемъ, гаемъ,* да такъ живо и весело, что *паничи* застучали ногами, а благочинная едва удержалась на стулѣ.

— Ой не грай такъ дрибно, бо пиду танцювати! крикнула Марта изъ угла.

Мелхиседекъ на лету отвѣтилъ: «вже тоби не вгодишъ: то дуже смутно, то дуже дрибно», и съ гитарой въ рукахъ, притопывая каблуками, продолжалъ начатую пѣсню. Подхватили семинаристы, присоединились батюшки и матушки. Вся свѣтлица запѣла, только Балабуха сидѣлъ молча съ трубкою въ рукахъ да попивалъ варенуху, а рядомъ съ нимъ, подлѣ Онисн сидѣла надутая Олеся.

Долго продолжалось еще пѣніе. Послѣ варенухи, опять поставили на столъ бутылки съ водкою и наливками. Хозяйка вынесла закуску; спустя немного предложила ужинъ.

Гости въ волю напѣлись и напились. Хозяинъ распорядился готовить для гостей постель. Въ свѣтлицѣ постлали на полу батюшкамъ и паничамъ, въ комнатѣ Ониси, также на полу, матушкамъ, а благочинной предоставлена была кровать. Но до сна было еще далеко: настоящее веселье, сильная выпивка и разныя потѣхи начинались именно предъ отходомъ ко сну, у изголовья.

О. Мелхиседекъ былъ большой мастеръ на разныя выдумки и, въ ожиданіи угощенія подъ названіемъ: *до подушки,* задумалъ потѣшить хмѣльную уже компанію. Незамѣтно вышелъ онъ въ кухню и послалъ наймичекъ въ погребъ набрать мелкаго картофеля такой величины, какъ орѣхи, наказавъ имъ строго никому о томъ не говорить. Наймички принесли картофель, помыли и вытерли. Мелхиседекъ забралъ картофель въ карманъ. Въ комнатѣ Ониси на лежанкѣ стояла большая миска съ волоскими орѣхами. Отецъ Мелхиседекъ незамѣтно положилъ туда мелкій картофель, перемѣшалъ съ орѣхами и присыпалъ еще сверху сѣмячками. Войдя въ свѣтлицу, онъ, какъ ни въ чемъ не бывалъ, заявилъ, что пора-бы уже и спать. Матушки, пожелавъ доброй ночи батюшкамъ, удалились въ комнату Ониси; тѣ и другіе, расположившись на постели на полу, стали уже раздѣваться, какъ въ свѣтлицу подано было особое питье «*до подушки*». Это былъ особаго рода пуншъ, приготовленный изъ спирту «перегнаннаго трихи на алембикъ». настоеннаго на листьяхъ розы. Спиртъ разбавленъ былъ слегка кипят-

комъ лишь настолько, чтобы послѣдній покрывалъ собою сахаръ, и закрашенъ чуть-чуть эссенціею чая, свареннаго въ горшкѣ. Такой пуншъ извѣстенъ былъ подъ названіемъ «ведмедика» и билъ въ голову сильнѣе варенухи,—какъ лапа медвѣдя; отъ этого напитка нельзя было не заснуть. Онися, заготовивъ «ведмедика» въ кухнѣ, сама внесла въ свѣтлицу большущій подносъ со стаканами, чтобы поднести батюшкамъ пуншъ покрѣпче, матушкамъ полегче. Но ни разносить, ни дѣлать выборъ ей не пришлось: батюшки бережно приняли подносъ изъ ея рукъ, поставили на постели и раположились вокругъ. Онися стояла въ недоумѣніи. По свѣтлицѣ пошелъ сильный запахъ розы и спирту. Матушки заслышали этотъ запахъ и не выдержали.

— Э, панотци, якъ у васъ тамъ гарно пахне! послышался голосъ изъ-за двери. Вы щось дуже смачне пьете.

— Ходите до насъ, то й вамъ дамо,—послѣдовалъ отвѣтъ изъ свѣтлицы.

Продолженіе было настолько заманчиво, что матушки, на половину уже раздѣтыя, оправивши кое-какъ свои костюмы и накинувъ на плечи большіе платки, скоро, одна по другой, перекочевали къ своимъ муженькамъ.

Въ комнатѣ Ониси осталась только благочинная да нѣсколько молодыхъ застѣнчивыхъ матушекъ. Матушки усѣлись съ батюшками вокругъ подноса. Онисѣ оставалось припросить да указать, въ какихъ стаканахъ пуншъ крѣпче, въ какихъ легче.

— А нуте, панотци и паниматки, будемо давить сёго ведмедика; може винъ намъ сонъ легкій дасть,—заговорилъ о. Мелхиседекъ и, наклонившись къ подносу, сталъ раздавать стаканы. Гости съ усердіемъ принялись пробовать и хвалить напитокъ. Напитокъ оживилъ и развеселилъ всѣхъ; поднялся говоръ, пошли шутки. Стаканы опорожнены, нагорѣвшая сальная свѣча давала слабый свѣтъ; у многихъ изъ гостей и безъ того потемнѣло въ глазахъ. Мелхиседекъ сообразилъ, что настала пора продѣлать задуманную имъ шутку, и онъ обратился къ хозяйкѣ съ такимъ вопросомъ:

— А чи нема у васъ, госпожинько, чимъ оцёго ведмедика придушить? Отъ тамъ на лежанци я бачивъ добру миску зъ якимись ласощами, здаеця, орихи та ще й непрости, а турецьки. Тобъ-то попробувать зубы, у кого вони мицни.

Онися, вышедшая раньше въ свою комнату, подала Мелхиседеку черезъ дверь миску съ орѣхами. Матушки набросились на орѣхи, протянулъ руку и благочинный и захватилъ полную горсть. Мелхиседекъ взялъ для отвода глазъ. Первая—его жена вмѣсто орѣха захватила въ ротъ картофелину, раскусила и выплюнула. Тоже повторилось и съ другими. Мелхиседекъ, давая видъ, что онъ ѣстъ орѣхи, приговаривалъ:

— А яки мягки горишки! Це мабуть загряничны, не прости.

— А справди якись мягки та чудни на смакъ, отозвался благочинный, не разобравъ сперва, что было у него во рту.

— Щось неначе гнили горихи, чи що! И лушпиння чогось мягке, неначе картоп... замѣтила жена Мелхиседека, и она выбросила на ладонь раскушенную картофелину и поднесла къ свѣчкѣ;—на ладони и въ самомъ дѣлѣ была картофелина.

— Ой картопля! Ей Богу, картопля! Що це за диво! Чи може въ туркивъ таки горихи ростуть? крикнула Марта.

— О, въ Турціи не таки горихи, якъ наши, началъ было благочинный; но его перебила другая матушка, удостовѣрившаяся, какъ и Марта, что ей пришлось раскусить также картофель.

— Та це таки справди картопля! Це насъ хтось дурить, громко сказала она, искоса поглядывая на Мелхиседека. Но тотъ, и глазомъ не мигнувъ, добродушно спросилъ:

— Чи таки наша картопля, чи може турецька?

— И що винъ насъ дурить!—крикнула Марта, скорѣе другихъ догадавшаяся, что это продѣлка ея мужа.—Накидавъ въ горихи картопли, та ще й питае: чи наша, чи турецька?

— Отъ и выдумала! Пишовъ-бы я оце въ ночи десь картопли шукати. Це, мабуть, ты сама дуришъ насъ, отозвался съ серьезною миной отецъ Мелхиседекъ: одначе дозволяйтеся, матушки, на здоровьячко, ще и у кишени наховайте, та повезить дитямъ на гостинець. Скажете: це одъ зайчика одняли.

Въ свѣтлицѣ поднялся смѣхъ и гвалтъ. Матушки начали бросать въ Мелхиседека орѣхи и картофель. На его голову посыпались сѣмячки.

— Накладимъ ёму пидъ подушку цихъ турецькихъ горихивъ, нехай у ночи самъ поисть, говорила Марта, подкладывая Мелхиседеку подъ подушку картофель и орѣхи.

Отецъ Мелхиседекъ съ спокойною миною повыбрасывалъ картофель, а орѣхи поѣлъ.

— Оце вамъ папиматки, выпадае молитву одъ оскверненія читать, шутливо замѣтилъ одинъ изъ батюшекъ.

— Нічого тутъ не поможе та молитва, отозвался другой, а треба хиба по другому ведмедику одъ такого оскверненія.

Мысль эта принята была всѣми за самую здравую и ведущую прямо къ цѣли. Онися приготовила по *другому;* но это только охотило гостей къ продолженію обычнаго тогда бражничанья, и Онися долго еще сновала изъ свѣтлицы въ кухню и обратно, унося пустые стаканы и принося полные. Гости расходились такъ, что и сонъ ихъ не бралъ. Всѣмъ хотѣлось говорить. Всѣ разсказывали, кричали, и никто никого не слушалъ. Затѣвали пѣть, но выходило: кто въ лѣсъ по дрова,—одинъ начиналъ, другой кончалъ, тотъ сипѣлъ, этотъ храпѣлъ, обрывались на высокихъ и низкихъ нотахъ и выходило какое-то курогласеніе. Придумали было послать за Шмидомъ, чтобъ на кобзѣ заигралъ: *И по хати ты-ны-ны и по синяхъ ты-ны-ны,* да хозяева замѣтили, что Шмида и въ селѣ пожалуй нѣтъ, что онъ, какъ вольная птица, перелетаетъ съ мѣста на мѣсто и сегодня здѣсь, завтра на десятомъ селѣ.

Кто-то предложилъ позвать бабу Оришку.

— Оця втне! сказалъ Мелхиседекъ.

— А справди, покличмо! крикнули всѣ.

Семинаристы побѣжали въ кухню и разбудили бабу Оришку. Баба съ просонья упиралась, они взяли ее подъ руки и привели въ свѣтлицу. Отецъ Мелхиседекъ поставилъ въ кругу возлежавшихъ стулъ и усадилъ на немъ бабу Оришку. Она сидѣла въ чорной запаскѣ, повязанная бѣлымъ платочкомъ; сѣдыя косы, выбившіяся изъ-подъ *очипка,* висѣли неровными прядями, сонные глаза блуждали по сторонамъ; но въ этой сгорбленной фигурѣ, напоминавшей вѣдьму съ Лысой горы, таился еще большой запасъ жизни, юмора и игривости.

— Отъ па, бабо, вкиный цёго дива, то може швидче прочумаешься, сказалъ отецъ Мелхиседекъ, подавая Оришкѣ стаканъ съ пуншемъ.

Оришка хватила глотокъ и закашлялась по овечьи.

— Ой, цуръ ёму! Якъ ёго попы пьють. Якъ-бы я выпила, то до свита здурила-бъ, сказала веселая баба, большая охотница до шутокъ.

— А ну, бабо, выпійте, мы побачимо, якъ вы здуріете,—говорили паничи.

— Эге, здурійте вы попереду, а я стара за вами, сказала баба, развеселившись.

— А може-бъ ты, бабко, заспивала намъ? бо въ насъ одъ цёго пуншу вже языкъ не повертаеться, сказалъ отецъ Мелхиседекъ.

— Потривайте, выпью для смиливости, щобъ голосу набратись, сказала баба, пропуская пуншъ сквозь зубы. Та и смачну-жъ вы горилочку пьете! добавила Оришка. Ото, коли-бъ намъ таку шинкарь продававъ!

— Ага, розсмакувала! Ну, починай уже та бери тонче, крикнули гости.

— Коли соромлюсь! Ей Богу соромлюсь. Хочъ не дивиться вси на мене, сказала баба.

— А може ты, Оришко, щебъ и замижъ пишла? сказала Марта.

— Пишла-бъ, якъ-бы хто сватавъ; але ни одинъ проклятый дидъ щось не кваниться мене сватати.

— Посылай старостивъ до Шмида: оце буде тоби пара. Ну, починай бо! сказалъ отецъ Харитонъ.

Баба, съ чаркою въ рукахъ, начала тоненькимъ, но еще твердымъ голосомъ «Грицяₓ», спѣла и еще нѣсколько грустныхъ пѣсень. Гости замолкли и слушали. Отецъ Мелхиседекъ зѣвнулъ на всю комнату, а за нимъ благочинный.

— Годи, бабо, смутнихъ! Спивай намъ веселихъ, такихъ щобъ жижки задрижали! сказалъ отецъ Мелхиседекъ.

Оришка засмѣялась и начала:

Пишло дивчя по горишки,
Та не знало, що за гай.
Здибавъ ёго гарный хлопець,
На имення Миколай.

Оришка развеселилась и, продолжая пѣть, кивала да подмигивала черными длинными бровями. Батюшки и паничи хохотали.

— Якъ бы музыки, ты бъ, Оришко, и потанцювала? спросили паничи.

— А чомъ же! Якъ выпью ще одну чарку, то такъ и пиду по хати метелыци.

Пока Оришка тѣшила гостей, Мелхиседекъ вышелъ на дворъ, разбудилъ двухъ пріѣзжихъ кучеровъ и пообѣщалъ имъ кварту водки, если они добудутъ изъ подъ камня въ рѣкѣ нѣсколько раковъ. Кучера, прельщенные выпивкою, живо исполнили порученіе батюшки и принесли ему пять раковъ. Мелхиседекъ бросилъ ихъ въ кружку, подъ полою внесъ ихъ въ комнату и поставилъ подъ стуломъ, прикрывъ голенищемъ собственнаго сапога.

Наслушавшись пѣсенъ и шутокъ Оришки, гости отпустили ее спать. Матушки вышли въ свою комнату, а батюшки и паничи легли «покотомъ» и укрылись, чѣмъ попало.

Потушили огонь. Въ комнатѣ стало темно, хоть глазъ выколи. Матушки долгонько еще щебетали, пересуживая сосѣдей; на мужской половинѣ раздавался свистъ и храпъ, хотя спали далеко не всѣ: о. Мелхиседекъ не переставалъ шутить и тормошить сосѣдей. Наконецъ и онъ замолчалъ и притворился, будто спитъ, хотя на самомъ дѣлѣ и не думалъ спать.

Только что всѣ начали дремать, Мелхиседекъ досталъ изъ кармана картофель и пустилъ ею слегка въ дверь комнаты, гдѣ спали матушки. Картофелина стукнула о дверь, будто пуля.

— Ой, щось стукнуло, зашептали матушки.

— А може то такъ здалось черезъ сонъ,—говорила Марта.

— Ей Богу стукнуло въ двери, неначе хто выстреливъ, сказала одна матушка.

— Та то мабуть двери на морозъ тращать, сказала Марта.

Мелхиседекъ всталъ, на цыпочкахъ пробрался въ комнату матушекъ, подкрался къ окну и тихонько постучалъ.

— Ой, щось стукае въ викно, опять вполголоса заговорили матушки.

Мелхиседекъ зацарапалъ ногтями по стеклу.

— Та то мышь шкребе, хиба не чуете? промолвила Марта.

Мелхиседекъ, прислонясь къ стѣнѣ, снова постучалъ въ окно. Матушки подняли головы и глядѣли на окно. Въ окнѣ показалась черная фигура,—то Мелхиседекъ заслонилъ собою окно и мгновенно отодвинулся къ стѣнѣ.

— Ой, лишенько! Це якась мара, крикнули матушки въ одинъ голосъ.

Не успѣли онѣ придти въ себя, какъ за окномъ появилась уже бѣлая фигура, съ распростертыми руками, съ бѣлыми широкими

рукавами. Матушкамъ показалось, что въ окнѣ стоитъ мертвецъ, съ наброшеннымъ покрываломъ. Отъ испугу онѣ подняли крикъ и визгъ, вскочили съ постелей и сбились въ одну кучу возлѣ лежанки. Проснулась и благочинная, соскочила съ кровати и бросилась къ порогу. Фигура стояла за окномъ, неподвижно разставивъ руки.

Въ свѣтлицѣ также всѣ зашевелились. Проснулся Балабуха, проснулись и старые батюшки.

— Що тамъ таке? чого вы кричите? заговорилъ отецъ Мелхиседекъ, очутившійся уже въ свѣтлицѣ.

— Щось биле стоить за викномъ. Иди сюди та засвити свитло, сказала Марта, болѣе смѣлая, чѣмъ другія.

Мелхиседекъ вошелъ въ комнату, заглянулъ въ окно,—бѣлая фигура исчезла.

— Дежъ той мертвецъ? сказалъ Мелхиседекъ, то мабуть вы черезъ миру хлюснули пуншу до подушки, то вамъ и мерци показуються. Отъ до насъ вони не смiють приступити.

Черезъ минуту въ свѣтлицу съ хохотомъ влетѣлъ мертвецъ съ накинутой простыней, отворилъ дверь къ матушкамъ и низко поклонился имъ. Это былъ семинаристъ, съ которымъ Мелхиседекъ условился попугать матушекъ. Страхъ прошелъ; мужчины смѣялись, матушки бранились, пока опять не улеглись спать.

Страхъ и шутки прогнали сонъ, и на мужской половинѣ долго еще балагурили, перекидывались шутками, бросали другъ въ друга подушками, пока наконецъ не надоѣло это всѣмъ. Чтобы положить конецъ безпутному дурачеству, рѣшили всѣ задать потасовку Мелхиседеку, какъ главному затѣйщику, не дающему никому покою, и всѣ бросились къ нему, но вмѣсто него въ потьмахъ напали на благочиннаго и принялись его тузить. Только гнѣвъ послѣдняго, раздраженнаго неожиданнымъ на его нападеніемъ, заставилъ опомниться опалѣвшую компанію и прекратить перешедшія за предѣлъ шутки.

Покорился и Мелхиседекъ, возлагая еще надежду на раковъ. Въ самомъ дѣлѣ всѣ устали, разговоръ не клеился, шутки не давались. Всѣ притихли и незамѣтно уснули крѣпкимъ, мертвецкимъ сномъ.

Только что на дворѣ стало разсвѣтать, въ комнатѣ зашевелились матушки. Проснулся и Мелхиседекъ: онъ тихонько всталъ, на-

щупалъ кружку съ раками, вынулъ ихъ и подсунулъ подъ кафтаны двумъ старымъ батюшкамъ, которые спали, какъ убитые. Мелхиседекъ поспѣшилъ растолкать другихъ, въ ожиданіи потѣхи.

Не прошло минуты, какъ одинъ изъ старыхъ батюшекъ, быстро схватившись, закричалъ.

— Ой щось щипаеться! Чортъ-зна що выдумавъ! Чого ты отець Мелхиседекъ щипаешься?

— Духъ святый зъ нами! сказалъ Мелхиседекъ. Я лежу одъ васъ за верству, а вы кажете, що я щипаюсь. То може васъ блохи кусають.

— Добри блохи, замѣтилъ батюшка, и снова крикнулъ и вскочилъ съ постели. У него на ногѣ висѣлъ ракъ.

— А бачите, спали такъ довго, що й раки пидъ вами завелись, сказалъ отецъ Мелхиседекъ, потягиваясь: може и пидъ цимъ старымъ завелись раки. Паничи! а идить печерувати раковъ.

Отецъ Мелхиседекъ засунулъ руку подъ кафтанъ другаго батюшки и вытянулъ оттуда рака. Семинаристы бросились къ тому мѣсту, гдѣ спалъ старый батюшка, и нашли еще три рака. Старикъ протеръ заспанные глаза, вскочилъ съ постели и началъ ощупывать себя кругомъ, опасаясь, чтобы раки не сдѣлали и ему неожиданнаго сюрприза, какъ его сосѣду.

Въ комнатѣ поднялся хохотъ. Благочинный схватился съ постели, осматриваясь, нѣтъ-ли и подъ нимъ раковъ. Отецъ Мелхиседекъ, отворивъ дверь въ комнату, гдѣ лежали матушки, бросилъ къ нимъ двухъ раковъ, приговаривая:

— Нате, матушки, на снидання павуковъ!

Матушки пришли въ переполохъ, подняли визгъ, посхватывались съ своихъ мѣстъ, но скоро пришли въ себя, увидѣвъ, что то были раки, а не пауки.

— И де вони ихъ въ нечистого набрали зимою? говорили матушки. Це все жарты Мелхиседеха. Якъ-же можна такъ жартувати!

— А чого-жъ вы такъ довго спите? отозвался изъ свѣтлицы отецъ Мелхиседекъ: добри хозяйки! сплять до обида. Спасиби ракамъ, що васъ побудили.

Матушки скоро умылись, одѣлись и вышли въ свѣтлицу. На столѣ стояла уже водка и закуска. Благочинный читалъ: *Отче нашъ*.—

Давайте-жъ, говорилъ Мелхиседекъ входившимъ матушкамъ, будемо справлять похристины.

И гости начали пить «похристины». Олеся разсердилась изъ-за раковъ, надулась, велѣла запрягать лошадей и, покинувъ мужа, одна уѣхала домой. Балабуха съ удовольствіемъ остался пить «похристины».

Долго еще гости пили и ѣли и уже послѣ обѣда почувствовали, что пора и честь знать.

Однако всѣ разгулялись: никому не хотѣлось ѣхать домой. Время было зимнее, безработное. Дома брала каждаго тоска за самое сердце.

— А що люде добри! чи розъидемось до дому, чи ще куди гуртомъ заидемо гостювати? предложилъ отецъ Мелхиседекъ.

— Ой не хочеться до дому! Коли-бъ такъ, щобъ проихати тильки прозъ дому та й поминути ии, заговорили матушки.

— Чія дома найближче, туди йдьмо вси гуртомъ гостювати, подалъ совѣтъ отецъ Мелхиседекъ.

— Добре, добре! крикнули матушки.

Ближе всѣхъ жилъ благочинный и Прокоповичъ, отецъ Олеси. Гости начали сосчитывать версты, и оказалось, что Богуславъ на полверсты ближе, чѣмъ Чайки. Приходилось ѣхать къ Балабухѣ. Балабуха зналъ, что его жена станетъ на дыбы, когда увидитъ всю эту компанію; однако не посмѣлъ возражать и запросилъ къ себѣ гостей.

Запрягли лошадей. Гости одѣлись и выпили на дорогу. Посидѣвъ нѣсколько въ шубахъ и выпивъ еще по одной, гости вышли на крыльцо; на крыльцѣ выпили опять на дорогу, выпили «до коней» и «до санокъ», дали выпить и погоничамъ, и тогда уже тронулись въ дорогу. Балабуха сѣлъ въ однѣ санки съ Прокоповичемъ. Они выѣхали со двора позади всѣхъ.

Санная дорога была отличная; снѣгъ лежалъ большой. По обѣ стороны дороги были частые сугробы. На дворѣ было тихо и стояла легкая оттепель. Снѣгъ приставалъ къ полозьямъ и къ копытамъ лошадей. Все небо было покрыто облаками, словно густымъ бѣлымъ дымомъ.

Балабуха закутался въ теплую волчью шубу, надвинулъ на лобъ теплую сѣрую барашковую шапку съ ушами и не оглядѣлся,

какъ заснулъ. Старый Прокоповичъ въ свою очередь погрузился въ сонъ, хорошенько выпивши на дорогу. Противъ духовнаго поѣзда ѣхалъ другой такой-же длинный поѣздъ: то ѣхали польскіе паны, перекочевывавшіе, подобно батюшкамъ, для гулянья отъ сосѣда къ сосѣду. Батюшкамъ пришлось сварачивать въ сугробы. Заднія санки покосились на сугробѣ и сонные Балабуха и Прокоповичъ выпали изъ санокъ на мягкій снѣгъ, будто на перины. У погонича шумѣло въ головѣ; онъ даже не оглянулся назадъ. Лошади сами пустились догонять поѣздъ, и батюшки остались спать на сугробѣ. Прокоповичъ спалъ; ему приснилось даже, что онъ спитъ у себя въ катрагѣ (пчельникѣ), что въ катрагу влетѣлъ рой, покружился надъ нимъ, погудѣлъ и вылетѣлъ на дворъ.

Веселая компанія мчалась безъ оглядки и цѣлымъ поѣздомъ влетѣла во дворъ Балабухи сквозь не затворявшіяся никогда ворота.

— Благочинна жде насъ, выглядае, воритечка поодчиняла, говорили матушки, подъѣзжая къ крыльцу.

— Дежъ це ще одни санки? спросилъ Мелхиседекъ, взойдя на крыльцо и окинувъ глазами поѣздъ: мабуть десь зостались. Це отець благочинный съ Прокоповичемъ опизнились.

Гости вошли въ свѣтлицу. Въ покояхъ было тихо: Олеся по обѣдавши легла отдыхать. Матушки сидѣли, ждали, никто не выходилъ, а хозяина не было съ дороги. Онѣ пересмотрѣли картины, посмотрѣли на изображеніе голаго Геркулеса, поражающаго дракона, и притихли, подмигивая одна другой. Казалось, будто Геркулесъ замахнулся на нихъ долбешкой.

— Ой стережиться, бо такъ и стукне котрусь по голови довбнею, говорила Марта, указывая на Геркулеса.

— Такій, якъ Баньковській, шепнула другая веселая матушка.

— Тильки въ Баньковського велики усы; це мабуть благочинна зумисне почепила на стини, щобъ нагадувавъ іи Баньковського, шептала Марта на ухо сосѣдкѣ.

Перешептывались и батюшки, но потомъ не выдержали и стали громко разговаривать и шутить. Олеся проснулась и догадалась, что къ ней по дорогѣ заѣхала пьянственная компанія. Съ досады, она рѣшила оставаться въ постели.

Тѣмъ временемъ батюшки выглядывали въ окно, не ѣдетъ-ли Балабуха, а Балабухи все нѣтъ и нѣтъ. Кое-кто вспомнилъ уже про чарку и закуску, а хозяинъ не ѣхалъ.

Вдругъ въ отворенныя ворота вскочили сани. Погоничъ остановилъ лошадей возлѣ крыльца, оглянулся и ротъ разинулъ: сани были пустыя.

— Що це за диво! Прыихали сами санки безъ благочинного, промолвилъ отецъ Мелхиседекъ, выглядывая въ окно.

— Може де встали въ мистечку, отозвалась Марта: а побижи, паноче, та спитай въ погонича.

Мелхиседекъ выбѣжалъ на крыльцо. Погоничъ стоялъ, вытаращивъ глаза.

— А де ты подивавъ панотцивъ? спросилъ отецъ Мелхиседекъ.

— Мабуть десь выпали зъ санокъ, бо на санкахъ нема, отвѣчалъ погоничъ, почесывая затылокъ.

— Э ты, роззяво! Выпали... А ты ни разу не оглянувся, чи що? крикнулъ отецъ Мелхиседекъ.

Погоничъ молчалъ; Мелхиседекъ вошелъ въ комнату и разсказалъ всей компаніи, что отецъ благочинный и отецъ Степанъ гдѣ-то вывалились въ дорогѣ. Немедленно посадили на сани одного семинариста и послали искать по дорогѣ вывалившихся гдѣ-то батюшекъ.

Пока ихъ нашли и привезли, Олеся лежала въ кровати и потягивалась. Отъ скуки она достала «Волшебницу Раги-Муину» и начала читать ее въ третій разъ. Гости сидѣли и томились. Балабуха не возвращался. Отецъ Мелхиседекъ не выдержалъ: пріотворилъ дверь въ комнату, гдѣ лежала Олеся, и крикнулъ: «добрыдень тому, хто въ цёму дому!»

Олеся вздрогнула и выпустила книжку. Ей показалось, что Мелхиседекъ бросилъ въ нее рака.

Мелхиседекъ замѣтилъ, что благочинная лежитъ на кровати, и притворилъ дверь, а Олеся снова взяла «Волшебницу Раги-Муину» и продолжала читать.

— Коли напросивъ гостей, то нехай самъ и панькается коло ихъ, а я не встану, думала Олеся.

— Лежить на лижку та одпочивае, тихонько сказалъ отецъ Мелхиседякъ матушкамъ. Цссс... бо благочинна книжку читае.

Тѣмъ временемъ семинаристъ поднялъ съ сугробовъ спавшихъ рядомъ благочиннаго и отца Степана и привезъ ихъ домой. Балабуха съ Прокоповичемъ вошли въ свѣтлицу; при видѣ ихъ поднялся громкій говоръ и хохотъ.

Балабуха прошелъ къ Олесѣ; та сердито посмотрѣла на него и снова уткнула глаза въ книгу.

— Вставай, серце, та витай гостей, тихо сказалъ Балабуха, будто виновный въ какомъ-нибудь проступкѣ.

Олеся только взглянула на него и еще пристальнѣе смотрѣла въ книгу.

— Вставай-бо, вставай! Годи качатись. Треба гостямъ подати чай та закуску, просилъ Балабуха.

— Коли напросивъ гостей, то и подавай самъ, а я не выйду до тихъ намитокъ.

— Одначе ѣздила до намитокъ горшиковъ ѣсты. Треба и намитокъ частувати, сказавъ Балабуха.

— Потривай-же ты, саранó, я тебе швидко выпровожу съ хаты, подумала Олеся и вздохнула, вспомнивши Баньковскаго.

Пока она встала, Килина подала самоваръ, а Прокопъ принесъ съ базара прошлогоднихъ бубликовъ, черствыхъ да твердыхъ.

Олеся кое-какъ причесала голову и какъ была въ будничномъ плохенькомъ платьѣ, такъ и вышла къ гостямъ. Матушки въ «намиткахъ» и въ синихъ жупанахъ важно и какъ-то грустно сидѣли рядами подъ стѣнками. Олеся поздоровалась съ ними очень холодно и даже пренебрежительно и сѣла возлѣ стола. Она разлила чай, роздала всѣмъ и сидѣла, молча. Матушки попробовали бубликовъ и едва не поломали зубовъ. Голодные батюшки уплетали ихъ, только трещало въ зубахъ. Разговоръ не клеился, всѣ молчали. Олеся сидѣла, оперпись на столъ и кисло смотрѣла на Геркулеса. Выпили чай. Килина подала на столъ графинъ съ водкой и черствый ржаной хлѣбъ съ масломъ; только и всего угощенія. Гости выпили по рюмкѣ, пожевали чернаго хлѣба и, не предвидя ничего лучшаго, стали давать видъ, что хотятъ уѣзжать; но не только Олеся, даже самъ Балабуха не выразилъ особаго желанія ихъ удерживать и только предложилъ пройтись по другой. Выпили по другой, а веселья не прибавилось ни на грошъ. Гости были скучны и хозяева были скучны. Всѣ какъ-то разомъ замолкли; сдѣлалось такъ тихо, будто

въ комнатѣ не было никого. Но пріѣхавшей компаніи стало не въ терпежъ: сколько ей не хотѣлось здѣсь оставаться, столько-же хотѣлось еще погулять и потому, какъ только Олеся вышла изъ свѣтлицы, всѣ стали совѣтываться, куда ѣхать. Приходъ отца Мелхиседека былъ теперь найближе; онъ и запросилъ всѣхъ къ себѣ. Гости снялись и выѣхали со двора. Ни хозяинъ, ни хозяйка ихъ не удерживали.

— Ой сестрице! Я зуба зломила бубликомъ, жаловалась Марта сосѣдкѣ.

— А я трохи не вдавилась черствымъ хлибомъ. Чи вона такъ витае и свого Баньковського? спросила сосѣдка.

— Эге! якъ-разъ такъ! вона Баньковському пече поросята въ вильшаницькихъ поросятникахъ, сказала Марта.

— Тильки трохи перепикае, отозвалась сосѣдка; але ничого: въ Баньковського зубы добри, не поламае.

Мелхиседекъ съ женою поѣхали впередъ, чтобы приготовиться къ пріему голодныхъ гостей. Гости ночевали у нихъ, гуляли еще цѣлый день, но чувствовали, что не нагулялись въ волю. Опять рѣшили всѣмъ вмѣстѣ ѣхать къ Прокоповичу въ Чайки, и только въ Чайкахъ, и то на другой день, почувствовали, что нагулялись до сыта. Отсюда всѣ разъѣхались по домамъ и разнесли по околицѣ, какъ благочинная принимаетъ гостей, лежа въ постели съ книжкой.

И. Левицкій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Библіографія.

Пчела почаевская. Изборникъ назидательныхъ поученій и статей, составленныхъ и списанныхъ преподобнымъ Іовомъ, игуменомъ лавры почаевской (1581—1651 г.), изданный въ переводѣ съ славянскаго на русскій языкъ, по собственной рукописи преподобнаго, подъ редакціею профессора кіевской духовной академіи Н. И. Петрова. Почаевъ 1884 года.

«Преподобный Іовъ Желѣзо, игуменъ почаевскій, жившій во второй половинѣ XVI и въ первой половинѣ XVII стол. извѣстенъ въ нашемъ отечествѣ по святости жизни и по нетлѣнію своихъ мощей, почивающихъ въ почаевской лаврѣ, волынской епархіи. Но до послѣдняго времени рѣдко кто зналъ, *что преподобный Іовъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и духовнымъ писателемъ, трудившимся на этомъ поприщѣ въ самый скудный духовными писателями и самый смутный періодъ существованія южно-русской православной церкви*». «Но отселѣ (т. е. со времени выхода въ свѣтъ разсматриваемой нами книги) авторство преподобнаго Іова почаевскаго не подлежитъ сомнѣнію и, открывая новую, доселѣ невѣдомую для насъ сферу его духовной дѣятельности, должно пролить новый свѣтъ на внутреннюю жизнь преподобнаго Іова, на его образъ мыслей и убѣжденій и на его отношенія къ церковнымъ и общественнымъ нуждамъ того времени».

Такимъ заявленіемъ начинаетъ свое предисловіе къ разсматриваемой нами книгѣ профессоръ кіевской духовной академіи Н. И. Петровъ, которому, какъ спеціалисту, духовный соборъ почаевской лавры поручилъ разборъ рукописей преподобнаго Іова.

Авторство преподобнаго Іова почаевскаго, по словамъ профессора Петрова, не можетъ подлежать сомнѣнію на слѣдующихъ основаніяхъ.

Въ «житіи блаженнаго отца нашего Іова Желѣза», списанномъ ученикомъ его іеромонахомъ Досиѳеемъ (изд. въ Почаевѣ, около 1791 г.), говорится, что преподобный Іовъ занимался «списаніемъ книгъ церковныхъ». Между тѣмъ, въ почаевской успенской лаврѣ доселѣ хранится, съ подобающимъ благоговѣніемъ, «книга блаженнаго Іова почаевскаго, власною (собственною) рукою его писанная». Книга эта писана частію уставомъ, частію полууставомъ, который имѣетъ генетическое родство съ тѣмъ курсивнымъ почеркомъ, какимъ подписался преподобный Іовъ почаевскій на завѣщаніи Ирины Ярмолинской 1646 года, доселѣ хранящемся въ почаевской лаврѣ. Нѣкоторыя буквы скорописи, не смотря на разницу ея съ полууставнымъ письмомъ, все-таки значительно сходны между собою въ томъ и другомъ письмѣ, а другія скорописныя буквы, повидимому несходныя съ полууставными, легко могли образоваться изъ послѣднихъ естественнымъ путемъ упрощенія полууставнаго письма въ скорописи. Къ этому нужно присовокупить преданіе о принадлежности этой рукописи перу преподобнаго Іова, восходящее къ XVII вѣку.

Означенная рукопись не дошла до нашего времени въ полномъ видѣ. Въ настоящемъ своемъ составѣ она заключаетъ въ себѣ 123 листка (въ продольную осьмушку). Но остатки прежней, первоначальной пагинаціи показываютъ, что въ ней было болѣе 900 листовъ. Тѣмъ не менѣе и это, сравнительно не многое сохранившееся, имѣетъ, по мнѣнію проф. Петрова, чрезвычайно важное историческое и литературное значеніе.

Все содержаніе книги преподобнаго Іова почаевскаго, насколько позволяетъ судить уцѣлѣвшая часть ея, можетъ быть раздѣлено на слѣдующіе четыре отдѣла: 1) житія, сказанія и слова на неподвижные праздники и нарочитые дни церковнаго года, за августъ, сентябрь и декабрь мѣсяцы; 2) выписки изъ Патериковъ и особенно изъ Лѣствицы преподобнаго Іоанна Синайскаго; 3) слова и бесѣды на страстную и свѣтлую седмицы и нѣкоторые подвижные праздники и нарочитые дни церковнаго года, и 4) выписки изъ разныхъ книгъ, безъ заглавій и указанія источниковъ, замѣтки и краткія поученія заимствованныя, компилятивныя, подражательныя и оригинальныя, не пріуроченныя къ извѣстнымъ днямъ, которыя можно назвать поученіями на разные случаи. Этотъ, послѣдній отдѣлъ особенно важенъ, такъ какъ здѣсь преимущественно находятся самостоятельные опыты учительной дѣятельности преподобнаго Іова.

По мнѣнію проф. Петрова, главное достоинство рукописнаго сборника преподобнаго Іова состоитъ въ томъ, что этотъ сборникъ не есть безцѣльный сводъ выписокъ изъ попадавшихся преподобному Іову книгъ и отражаетъ на себѣ характеръ личности преподобнаго Іова и его эпохи.

И переписанныя, и компилятивныя, и подражательныя статьи книги преподобнаго Іова указываютъ и опредѣляютъ тотъ кругъ воззрѣній и понятій, въ коемъ вращался умъ преподобнаго Іова и воспитывалась его нравственная природа. Съ другой стороны составъ книги преподобнаго Іова предполагаетъ собою извѣстный выборъ изъ различныхъ источниковъ такого назидательнаго матеріала, который, соотвѣтствуя личному настроенію и вкусамъ преподобнаго, вмѣстѣ съ тѣмъ имѣлъ болѣе или менѣе прямое и близкое отношеніе къ обстоятельствамъ мѣста и времени жизни преподобнаго Іова. Въ этомъ случаѣ, выборъ преподобнымъ Іовомъ назидательныхъ статей для своей книги обнаруживаетъ въ немъ опредѣленныя цѣли, извѣстное направленіе и самостоятельную мысль, ставящую преподобнаго Іова, *даже въ заимствованныхъ имъ статьяхъ, на одинъ уровень съ самостоятельными проповѣдниками слова Божія...*

Въ рукописи преподобнаго Іова почаевскаго находятся поученія и выписки, направленныя противъ евреевъ, католиковъ и разныхъ протестантскихъ сектъ. Впрочемъ противъ евреевъ и католиковъ здѣсь помѣщено только два обличенія, притомъ заимствованныя у Григорія Цимвлака. Главныя усилія преподобнаго Іова направлены были къ обличенію протестантствующихъ сектъ, преимущественно-же быстро распространявшагося въ то время (конецъ XVI и нач. XVII стол.) въ юго-западной Россіи социніанства. Противъ социніанъ преподобный Іовъ ведетъ обширную полемику, апологически защищая важнѣйшіе догматы православной церкви, отрицаемые еретиками. Такъ въ рукописи преподобнаго находится изложеніе ученія (въ противовѣсъ социніанамъ) 1) *о Пресвятой Троицѣ*, 2) *о Божествѣ Іисуса Христа*, 3) *объ истинномъ Божествѣ и человѣчествѣ Іисуса Христа*, 4) *о Пресвятой Богородицѣ*, 5) *о крещеніи;* 6) *о пречистыхъ тайнахъ тѣла и крови Господа нашего Іисуса Христа*, 7) *объ образахъ или иконахъ*, 8) *о хвалѣ и чести святыхъ угодниковъ Божіихъ*, 9) *о постѣ*, 10) *о памяти умершихъ*, 11) *о храмахъ Божіихъ*, 12) *о человѣческихъ страстяхъ и необходимости добрыхъ дѣлъ для человѣка*, 13) *о монашествѣ*, и проч...

По мнѣнію проф. Петрова, полемическіе и апологетическіе опыты преподобнаго Іова противъ сектантовъ протестантскаго характера должны занять почетное мѣсто въ православной противо-лютеранской полемикѣ второй половины XVI вѣка, къ которой они относятся. Перечисливши (хотя и съ немалыми пропусками) [1]) дошедшія до насъ со-

---

[1]) Такъ, кромѣ *повѣсти противъ безбожныхъ еретиковъ* (полов. XVI столѣтія), находящейся въ рукописи и потому естественно автору неизвѣстной, имъ не указаны: 1) Предисловіе къ острожской Библіи, 2) Омилія Копыстенскаго,

чиненія православныхъ писателей, обличавшихъ въ разсматриваемое время антитринитаріанство или социніанство, проф. Петровъ заявляетъ, что по широтѣ круга, захватываемаго полемикой преподобнаго Іова, она можетъ идти въ сравненіе лишь съ наиболѣе капитальными трудами того времени въ этой области, именно: «Показаніемъ истины» Зиновія Отенскаго, «посланіями» старца Артемія и «Книгой о вѣрѣ» 1602 и 1619 гг., отличаясь вмѣстѣ съ тѣмъ и высокими внутренними достоинствами... Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ полемика преподобнаго Іова должна быть поставлена даже выше и этихъ капитальныхъ произведеній. Другіе обличители еретиковъ и защитники православія—говоритъ проф. Петровъ—или пользовались католическими пособіями, какъ напр. авторъ «Книги о вѣрѣ», руководившійся полемическими трудами Вуйка, или-же въ борьбѣ съ еретическимъ раціонализмомъ сами становились на раціональную почву, старались опровергнуть еретиковъ доводами ума, переспорить ихъ и заставить признать истину православія, напр., клирикъ Острожскій Василій и Стефанъ Зизаній; тогда какъ преподобный Іовъ всецѣло стоитъ на почвѣ священнаго писанія, церковнаго преданія и святоотеческихъ твореній, вообще на почвѣ церковности, и не столько доказываетъ, сколько раскрываетъ и уясняетъ истины православія и ихъ свѣтомъ освѣщаетъ еретическія заблужденія. Тѣ, ставши на скользкую почву католическихъ, или-же раціональныхъ доказательствъ, сами могли пошатнуться на этой почвѣ и вдаваться иногда въ противоположныя крайности, выходить за предѣлы строгаго православнаго богословствованія, какъ это и случилось со Стефаномъ Зизаніемъ и нѣкоторыми другими. Напротивъ, преподобный Іовъ почаевскій выражалъ свою богословствующую мысль святоотеческими твореніями, выписками изъ нихъ и ихъ выраженіями и потому твердо стоитъ на православной почвѣ.

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе существенной части изслѣдованія профессора Петрова, помѣщеннаго въ качествѣ предисловія къ изданной подъ его редакціею рукописи преп. Іова почаевскаго.

Самая рукопись помѣщена въ переводѣ на современный русскій языкъ, а частію и въ подлинникѣ, почти цѣликомъ. Изъ нея исключены только, по словамъ издателя, нѣкоторыя произведенія, или сохранившіяся въ отрывкахъ и не могшія быть возстановленными, или непровѣренныя по другимъ исправнымъ спискамъ и греческимъ подлинникамъ, остаю-

3) два сочиненія С. Коссова, 4) Крестъ Христа Спасителя, П. Могилы, и др. Съ другой стороны, между лицами письменно обличавшими протестантовъ, напрасно авторомъ помѣщенъ кіевскій митрополитъ Сильвестръ Бѣлькевичъ, который считался нѣкоторыми прежними историками писателемъ по недоразумѣнію.

щимся неизданными, или-же не имѣющія особеннаго значенія для характеристики жизни и дѣятельности преп. Іова.

Въ разсматриваемомъ изданіи рукопись преподобнаго Іова систематизирована слѣдующимъ образомъ:

Часть первая. Отдѣлъ первый. Слова и бесѣды на воскресные дни и подвижные праздники и нарочитые дни церковнаго года (79—271 стр.). *Отдѣлъ второй.* Выписки и поученія о разныхъ предметахъ и на разные случаи (273—316).

Часть вторая. Отдѣлъ первый. Житія, сказанія и слова на неподвижные праздники и нарочитые дни церковнаго года (3—172). *Отдѣлъ второй.* Выписки изъ Патериковъ и особенно изъ Лѣствицы Іоанна Синайскаго (173—194).

Бесѣды и поученія преподобнаго и Богоноснаго отца Іова, игумена и чудотворца святыя лавры почаевской (стр. 3—46, въ два столбца, изъ коихъ одинъ занятъ подлиннымъ текстомъ, а другой переводомъ на современный русскій языкъ).

Не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію, что проф. Петровъ, редактируя разсматриваемую нами рукопись и составляя изслѣдованіе объ Іовѣ почаевскомъ, какъ духовномъ писателѣ, трудился весьма много и прилагалъ всевозможное стараніе, дабы придать своему труду научную оболочку. Довольно объемистый сборникъ, мелко и не всегда отчетливо написанный, имъ тщательно разобранъ, переписанъ и старательно, почти въ цѣломъ своемъ составѣ, сличенъ съ святоотеческими писаніями въ подлинникахъ или переложеніяхъ, наконецъ переведенъ на современный русскій языкъ и снабженъ тоже немалаго труда стоившимъ предисловіемъ. Но, къ сожалѣнію, нельзя сказать, чтобы результаты, добытые столь большимъ трудомъ, были значительны,—разумѣется въ смыслѣ научномъ. Намъ кажется, что проф. Петровъ при своихъ работахъ надъ почаевскою рукописью сразу-же сдѣлалъ невѣрный шагъ, довѣрчиво, безъ надлежащей критики отнесшись къ позднѣйшему оглавленію, сдѣланному на этой рукописи; а затѣмъ, ставши на невѣрную дорогу, упорно продолжалъ идти по ней до самаго конца.

Проф. Петровъ считаетъ не подлежащимъ сомнѣнію, что разсматриваемая имъ рукопись собственноручно писана преподобнымъ Іовомъ почаевскимъ. Мы-же думаемъ, что едва-ли можетъ подлежать сомнѣнію *противное.* Разумѣется, свидѣтельство Досноея о преподобномъ Іовѣ, какъ о лицѣ, занимавшемся «писаніемъ книгъ *церковныхъ*», нисколько не доказываетъ, чтобы разсматриваемая рукопись была именно рукописью

преподобнаго. Также малоубѣдительна сама по себѣ и *позднѣйшая* приписка, сдѣланная на почаевской рукописи въ концѣ XVII или даже въ XVIII стол. рукою какого-то инока и гласящая, якобы означенная рукопись «власною рукою блаженнаго Іова почаевскаго писана». Знакомые съ древнею нашею письменностію хорошо знаютъ цѣну подобнымъ поздвѣйшимъ припискамъ, основаннымъ на преданіи,—знаютъ, какъ иногда и возникаютъ подобныя преданія. Совсѣмъ другое дѣло, когда проф. Петровъ для подтвержденія своей мысли о принадлежности разсматриваемой имъ рукописи Іову почаевскому указываетъ на его собственноручную подпись, находящуюся на одномъ документѣ 1646 года: въ этомъ случаѣ онъ становится на почву положительную, фактическую. Только едва-ли благопріятною для него окажется эта почва. Проф. Петровъ говоритъ, что почеркъ разсматриваемой рукописи, писанный уставомъ и полууставомъ, имѣетъ *генетическое родство* съ курсивнымъ почеркомъ Іова почаевскаго на документѣ 1646 г. Нѣкоторыя буквы *сходны* въ томъ и другомъ письмѣ, а другія скорописныя буквы, повидимому *несходныя* съ полууставными, *легко могли образоваться* изъ послѣднихъ естественнымъ путемъ, и проч. Читаешь и чувствуешь, что экспертиза какъ будто не совсѣмъ надежная. Дѣйствительно, сравнивая почеркъ почаевской рукописи съ указаннымъ автографомъ преподобнаго Іова, сходства между ними и даже генетическаго родства не находишь никакого и жалѣешь, что издатель разсматриваемой книги не приложилъ къ ней снимковъ какъ съ почаевской рукописи, такъ и съ подписей преподобнаго Іова, чтобы дать читателямъ возможность провѣрить его догадку. Скажутъ, что подпись на завѣщаніи сдѣлана была преподобнымъ Іовомъ въ 1646 г., слѣдовательно когда ему было уже 95 лѣтъ, и что неудивительно поэтому, если между почеркомъ его и почеркомъ гораздо ранѣе писанной рукописи не видится сходства? Замѣчаніе не лишено основанія. Но развѣ нѣтъ другихъ болѣе раннихъ автографовъ преподобнаго Іова? Разумѣется есть, и нѣкоторые изъ нихъ находятся даже въ нашей академической библіотекѣ; но почему не упоминаетъ о нихъ проф. Петровъ—недоумѣваемъ. Можетъ быть они неизвѣстны ему; въ такомъ случаѣ весьма жалѣемъ: ознакомленіе съ означенными автографами, надѣемся, во очію убѣдило-бы его въ томъ, что между почеркомъ преподобнаго Іова и почеркомъ разсматриваемой почаевской рукописи *генетическаго сродства нѣтъ*... Независимо отъ сличенія почерковъ въ подписи преподобнаго Іова и почаевской рукописи, въ послѣдней можно находить нѣкоторые и другіе признаки, не дозволяющіе приписывать принадлежность ея преподобному. Такъ извѣстно, что Іовъ почаевскій принадлежалъ къ числу лучшихъ людей своего времени, воспитавшихся на древнихъ традиціяхъ и

не сочувственно смотрѣвшихъ на разныя новшества. Къ числу особенностей этихъ лицъ съ консервативнымъ оттѣнкомъ должно отнести сравнительно хорошее знакомство ихъ съ церковно-славянскимъ языкомъ, въ то время почти забывавшимся въ юго-западной Россіи. Между тѣмъ въ почаевской рукописи, по заявленію самаго составителя предисловія, встрѣчается «смѣшеніе грамматическихъ формъ, напримѣръ, дѣепричастія съ изъявительнымъ наклоненіемъ и втораго лица съ третьимъ»,— вообще по мѣстамъ замѣчается крайне неправильная церковно-славянская рѣчь. Но на это обстоятельство составитель предисловія не обращаетъ надлежащаго вниманія, отдѣлываясь только такими замѣчаніями: «преподобный Іовъ пытался поддержать или возстановить этотъ (церковно-славянскій) языкъ, но его попытка оказалась не совсѣмъ удачною и, можетъ быть, эта неудача была одною изъ побудительныхъ причинъ (?!) къ прекращенію преподобнымъ Іовомъ полемической его дѣятельности противъ еретиковъ и къ оставленію имъ дубенской обители».

За первымъ невѣрнымъ шагомъ послѣдовалъ цѣлый рядъ другихъ: рѣшившись признать разсматриваемую рукопись собственноручною рукописью преподобнаго Іова, профессоръ Петровъ рѣшается во что-бы то ни стало доказать важное ея историческое и литературное значеніе. А такъ какъ на самомъ дѣлѣ такого значенія почаевская рукопись не имѣетъ, то послѣдствіемъ этого является цѣлый рядъ изумительныхъ натяжекъ и превратныхъ сужденій. Такъ, напримѣръ, желая въ болѣе яркомъ свѣтѣ представить литературную дѣятельность преподобнаго Іова почаевскаго, профессоръ Петровъ утверждаетъ, что *преподобный трудился на литературномъ поприщѣ въ самый скудный духовными талантами періодъ существованія южно-русской православной церкви.* Разумѣется, это не болѣе, какъ риторическая фигура, потому что всякому, хотя поверхностно знакомому съ исторіею нашего юго-запада, извѣстно, что вторая половина XVI и первая XVII столѣтія (время жизни и дѣятельности Іова почаевскаго) представляютъ *самый богатый* духовными талантами періодъ въ исторіи южно-русской церкви. Въ это время (приводимъ выдержку изъ своего сочиненія о Петрѣ Могилѣ) религіозное движеніе, вызванное борьбою съ иновѣріемъ, охватываетъ всѣ слои южно-русскаго общества и достигаетъ самыхъ широкихъ размѣровъ. Реформируются и вновь образуются церковныя братства, заводятся школы и типографіи, выпускаются въ свѣтъ сочиненія религіознаго и преимущественно религіозно-полемическаго содержанія, созываются соборы, пишутся и разсылаются призывающія къ единодушію и твердости въ вѣрѣ посланія,—словомъ, южно-

руссы предпринимаютъ всевозможныя мѣры, чтобы отстоять свою вѣру и народность, подвергавшіяся серьезной опасности отъ напора искусно организованной и располагавшей громадными средствами иновѣрной пропаганды». Это-ли крайняя духовная скудость?!

Обращаемся къ содержанію самой почаевской рукописи.

Для непредубѣжденнаго изслѣдователя рукопись эта представляетъ весьма обычное въ то время собраніе разныхъ душеспасительныхъ словъ, бесѣдъ, поученій, наставленій и т. д., принадлежащихъ преимущественно св. отцамъ и учителямъ церкви. Разумѣется, нельзя думать, чтобы собраніе это представляло безцѣльный сводъ выписокъ изъ попадавшихся книгъ, безъ всякой системы и порядка. И цѣль, и система, и порядокъ явственны. Онѣ до извѣстной степени обозначены самимъ издателемъ, систематизировавшимъ рукопись по указаннымъ нами выше отдѣламъ. Очевидно, что писатель, при составленіи своей книги, имѣлъ цѣлію сгруппировать въ ней святоотеческія слова, бесѣды и поученія на всѣ воскресные, праздничные и нарочитые дни, чтобы имѣть подъ руками ежедневное назидательное чтеніе. Выборъ означенныхъ словъ и бесѣдъ могъ зависѣть отчасти отъ личнаго вкуса составителя, но едва-ли не въ значительной степени обусловливался количествомъ и подборомъ находившихся въ его распоряженіи книгъ. Весьма легко могло даже быть, что почаевская рукопись, въ цѣломъ своемъ составѣ, переписана съ *одной только книги*, ранѣе составленной, какъ это въ то время случалось зачастую. Такимъ образомъ, первый вопросъ, естественно возникающій при научномъ изслѣдованіи почаевской рукописи (кѣмъ-бы она ни была писана), долженъ состоять въ томъ, есть-ли это рукопись основная, составлявшаяся изъ разныхъ книгъ лицемъ, ее писавшимъ, или-же представляетъ собою простой списокъ со сборника, ранѣе составленнаго. Между тѣмъ этотъ, безъ сомнѣнія, весьма существенный вопросъ проф. Петровымъ совершенно игнорируется. Всѣ старанія его направлены къ тому, дабы доказать, что почаевская рукопись есть замѣчательный полемическій памятникъ противъ социніанъ.

Пріемы, употребляемые при этомъ проф. Петровымъ, весьма замысловаты и вмѣстѣ съ тѣмъ весьма просты. Они состоятъ въ слѣдующемъ:

Около 1602 года издана очень замѣчательная «Книга о вѣрѣ», содержащая въ себѣ полемику противъ антитринитаріевъ. Книга эта раздѣлена на главы, изъ коихъ въ каждой приводится какое либо еретическое мнѣніе и затѣмъ довольно пространно опровергается. Такъ въ одной главѣ говорится, напримѣръ, о *пресвятой Тройцѣ*, въ другой о *Божествѣ Іисуса Христа*, въ третьей о *пресвятой Богородицѣ* и т. д. Такъ какъ *Книга о вѣрѣ* была въ свое время наиболѣе полнымъ и систе-

матическимъ опроверженіемъ антитринитаріанской ереси, то проф. Петровъ кладетъ ее въ основу «апологическаго ученія» преподобнаго Іова противъ еретиковъ, т. е. выписываетъ изъ нея въ указанномъ нами выше порядкѣ важнѣйшіе догматы въ православномъ вѣроученіи, отрицаемые социніанами, и подбираетъ въ почаевской рукописи мѣста, гдѣ раскрывается нужная для него сторона христіанскаго ученія. Напримѣръ, въ *Книгѣ о вѣрѣ* есть глава о *пречистыхъ тайнахъ тѣла и крови Господа нашего Іисуса Христа*, гдѣ сначала излагается мнѣніе еретиковъ, не признававшихъ въ евхаристіи истиннаго тѣла и крови Христовой и вещество сего таинства считавшихъ только подобіями тѣла и крови Христовой. Указавши, на основаніи *Книги о вѣрѣ*, на подобное еретическое мнѣніе, проф. Петровъ находитъ, что и Іовъ почаевскій по данному вопросу велъ полемику съ еретиками; потому что въ рукописи Іова почаевскаго помѣщено слово съ именемъ Іоанна Златоустаго въ великій четвертокъ, а въ этомъ словѣ проповѣдникъ, приглашая своихъ слушателей къ священной трапезѣ, говоритъ: «Нынѣ предстоитъ Христосъ, нынѣ предстоитъ Тотъ, кто учредилъ эту трапезу; Онъ-же теперь устроаетъ и эту. Не человѣкъ претворяетъ предложенное въ тѣло и кровь Христову, но распятый за насъ Христосъ. Стоящій іерей носитъ его образъ, и тѣ слова произноситъ іерей, и дѣйствуетъ сила и благодать Божія». Другой примѣръ. Антитринитаріи отвергали троичность лицъ въ Богѣ. Іовъ почаевскій боролся и противъ этого еретическаго мнѣнія, потому что въ его рукописи приведенъ отрывокъ изъ Шестоднева Северіана Гавальскаго и слова Григорія Цимвлака, а въ этихъ произведеніяхъ говорится о троичности Божіей (слѣдуютъ выдержки). Приведемъ еще одинъ примѣръ, изумительный по своей курьезности. Социніане пренебрежительно отзывались *о хвалѣ и чести святыхъ угодниковъ Божіихъ*. По мнѣнію проф. Петрова, полемика Іова почаевскаго противъ протестантовъ, замѣчательная по широтѣ круга, касалась и этого пункта, что доказывается нижеслѣдующимъ образомъ. Въ рукописи преподобнаго Іова помѣщенъ конецъ слова (замѣтьте конецъ слова, а не все слово) Григорія Цимвлака. *Если все это слово мы возстановимъ*, то тамъ прочтемъ, между прочимъ, *слѣдующія слова:* «И поелику священная память блаженнаго Филогонія зоветъ нашъ языкъ къ воспоминанію, то, оставивъ теперь ваше безстыдство, побесѣдуемъ вкратцѣ о семъ блаженномъ, поелику *память праведныхъ съ похвалами*, какъ сказалъ Соломонъ (Притч. 10, 7). Ибо, когда восхвалятъ праведники, то возвеселятся люди, возвеселятся и воспріимутъ ревность къ добродѣтели».—Не правда-ли, вполнѣ логическое доказательство!

Слѣдуя примѣру проф. Петрова, можно доказать, что почаевская рукопись составлена противъ какой угодно секты—молоканъ, хлыстовъ и т. д. Слѣдуя примѣру проф. Петрова, можно взять любой сборникъ XVI—XVIII в. религіознаго содержанія или любой сборникъ поученій какого-либо современнаго проповѣдника и доказать, что онъ составленъ противъ социніанъ,—ибо социніане отрицаютъ Божество Іисуса Христа, а въ какой современной проповѣди, или въ старинной книгѣ вы не встрѣтите, что Іисусъ Христосъ многократно называется Богомъ? .. Гдѣ вы найдете, что пресвятая Дѣва Марія не называется Богородицею, Богъ не признается троичнымъ въ лицахъ и т. д.

Еще нѣсколько словъ. Въ концѣ разсматриваемой рукописи помѣщены (на 44 страницахъ въ два столбца, изъ коихъ одинъ занятъ подлиннымъ текстомъ, а другой переводомъ) якобы не списанныя бесѣды и поученія, а составленныя первоначальнымъ владѣльцемъ рукописи. Послѣднее весьма сомнительно. Самъ издатель почти о всѣхъ изъ нихъ говоритъ, что они составлены въ подражаніе то Златоустому, то Цимвлаку. Не обозначенныя-же, какъ подражательныя, имѣютъ весьма мало значенія. Такъ, напримѣръ, поученія противъ пьянства состоитъ изъ нижеслѣдующихъ строкъ: «Послушаемъ съ особеннымъ вниманіемъ о воздержаніи и Іезоніи и братьевъ его. Они были внуки Іонадава, сына Рихава праведнаго. Ихъ, происходящихъ отъ него, Іеремія искушаетъ, какъ бы отъ имени Божія, повелѣвая имъ пить вино. Они сказали въ отвѣтъ: (приводится нѣсколько строкъ изъ 35 гл. Іереміи, чѣмъ и заканчивается поученіе).

Оканчиваемъ свою замѣтку слѣдующимъ заявленіемъ: мы не отрицаемъ совершенно всякое историческое значеніе разсматриваемой почаевской рукописи, мы только не признаемъ ее принадлежащею Іову почаевскому (точнѣе писанною имъ), не признаемъ за нею *того важнаго историческаго значенія, какое усвояется ей проф. Петровымъ*, какъ выдающемуся памятнику противо-протестантской (социніанской) полемики конца XVI и нач. XVII стол. Мы думаемъ, что историческое и литературное значеніе почаевской рукописи совершенно одинаково съ тѣмъ значеніемъ, какое обыкновенно усвояется однороднымъ съ нею рукописнымъ сборникамъ прежняго времени, во множествѣ находящимся какъ въ общественныхъ, такъ и частныхъ книгохранилищахъ. Идти далѣе—значитъ вступать на ложную дорогу.

Безъ сомнѣнія, издатели и проф. Петровъ добрую имѣли цѣль, выпуская въ свѣтъ разсматриваемую нами книгу—желали возвеличить преподобнаго Іова. Но удостоенный за свою святую и многополезную жизнь

небеснаго вѣнца, преподобный не имѣетъ нужды въ вѣнкахъ, сплетаемыхъ грѣшными руками человѣческими, и тѣмъ паче, если онѣ плетутся по узору, ошибочно нарисованному.

С. Голубевъ.

Przegląd archeologiczny, organ c. k. Konserwatoryum pomników, oraz Towarzystwa archeol. krajow. we Lwowie. Zesz. 1—3. Lwów. 1882—1883. (Археологическое обозрѣніе, органъ ц. к. Музея древностей и львовскаго археологическаго общества. Выпускъ 1—3. Львовъ. 1882—1883 г.).

Нельзя не отдать справедливости той старательности, съ которою польская раціональная наука послѣднихъ десятилѣтій занялась изученіемъ и изслѣдованіемъ родной старины. Она не отстаетъ въ этомъ случаѣ отъ того широкаго интереса къ историческому знанію, какой господствуетъ теперь во всѣхъ передовыхъ странахъ Европы. Во всѣхъ частяхъ, на которыя раздѣлена бывшая Польша, видимъ значительное вниманіе къ исторіи.

Польскіе историки не ограничиваютъ своего вниманія собственно предѣлами Польши, но касаются минувшей судьбы тѣхъ русскихъ областей, которыя входили нѣкогда въ составъ Рѣчи Посполитой, интересуются исторіей и этихъ земель въ періодъ польскаго владычества надъ ними.

Разрабатывая исторію этихъ исконно-русскихъ краевъ, хотя-бы и съ своей національной точки зрѣнія, издавая историческіе памятники ихъ, польская исторіографія оказываетъ услугу и намъ. *Akta grodzkie i ziemskie z czasów Rzeczy Pospolitej polskiej*, которыхъ X-й томъ вышелъ на дняхъ, могутъ быть поставлены вслѣдъ за изданіями нашихъ кіевской и виленской коммисій и собраніемъ «Актовъ западной и южной Россіи»; къ сожалѣнію, львовскіе акты издаются безъ того строго опредѣленнаго плана, который составляетъ одно изъ крупныхъ достоинствъ изданій кіевской коммисіи. Они лишены также предисловій, которыя нерѣдко столь цѣнны въ «Архивѣ юго-западной Россіи».

Нельзя не привѣтствовать тѣхъ польскихъ изданій, которыя проникнуты духомъ истинной науки, чтутъ историческую правду, не вносятъ въ исторію національнаго пристрастія и риторизма, не искажаютъ исторической истины, въ чемъ былъ повиненъ, напримѣръ, покойный краковскій профессоръ Шуйскій, въ особенности въ первое время своей

дѣятельности. На почвѣ болѣе или менѣе чистой научности могутъ протянуть другъ другу руку и русскіе, и польскіе историки.

Къ числу отрадныхъ явленій польско-русской исторической литературы принадлежитъ и то изданіе, заглавіе котораго выписано выше.

Это повременное изданіе составляетъ органъ археологическаго общества во Львовѣ, имѣющаго цѣлью розысканіе, описаніе и сохраненіе всякихъ памятниковъ старины въ Галичинѣ и въ краковскомъ округѣ. Уставъ общества былъ утвержденъ въ 1875 г., но вполнѣ оно организовалось въ 1876 г. Изъ галицко-русскихъ ученыхъ въ составъ археологическаго общества вошли извѣстные изслѣдователи и знатоки галицкой исторіи о. А. С. Петрушевичъ и И. М. Шараневичъ, возведенные недавно университетомъ св. Владиміра въ почетные доктора русской исторіи. Въ 1881 г. они были избраны въ члены «Выдѣла», завѣдывающаго дѣлами общества, и сверхъ того о. Петрушевичу было предложено званіе заступающаго мѣсто президента археологическаго общества. Оба ученые, въ особенности о. Петрушевичъ, приняли весьма дѣятельное участіе въ изданіи «Археологическаго Обозрѣнія», которое общество порѣшило издавать въ послѣднее время.

Общество понимаетъ археологію въ широкомъ смыслѣ слова и старается о правильной постановкѣ дѣла охраненія и изученія памятниковъ старины. Въ указанныхъ выше 3-хъ выпускахъ его трудовъ есть много не лишеннаго интереса и для насъ.

Содержаніе ихъ очень разнообразно: тутъ находимъ и статьи чисто археологическія, заключающія описаніе тѣхъ или иныхъ памятниковъ, и описаніе архивовъ, и акты, и извлеченіе изъ позднѣйшихъ мемуаровъ, и небольшія историческія монографіи по архивнымъ даннымъ, и историко-археологическія розысканія и наконецъ библіографическіе перечни съ критической оцѣнкой. Укажемъ лишь на статьи и сообщенія, могущія представлять интересъ для читателей «Кіевской Старины».

Спеціально по части археологіи заслуживаетъ упоминанія извѣстіе объ открытіи на поляхъ деревни Залуквы около Галича надъ р. Ломницею развалинъ церкви св. Спаса, которая была замковою церковью князя Владимірка и упоминается въ лѣтописи подъ 1152 г. Фундаментъ указываетъ на строеніе XI в. въ чистомъ церковномъ романо-византійскомъ стилѣ. Г. Шараневичъ, сообщившій это извѣстіе, описалъ также археологическія раскопки, произведенныя въ 1883 г. въ мѣстности древняго Галича и начатыя по плану его-же и профессора Захарьевича. Раскопаны *церквище Благовищенськѣ*, валъ около церкви св. Спаса, нѣсколько могилъ, и намѣчены нѣкоторые пункты для дальнѣйшихъ раскопокъ. Эти раскопки, равно и сдѣланныя г. Шараневичемъ, на осно-

ванія ихъ, выводы вызвали рядъ возраженій въ галицкомъ «Словѣ» и въ «Вѣстникѣ народнаго дома» 1883 и 1884 г. въ неоконченной еще статьѣ о. А. Петрушевича: «О городѣ Галичѣ за Луквою». Тѣмъ не менѣе г. Шараневичъ питаетъ надежды, что предположенныя раскопки могилъ на мѣстѣ древняго Галича приведутъ къ результатамъ подобнымъ тѣмъ, какіе добыты изслѣдованіемъ въ 1881—1882 гг. могилъ стараго города Плѣсньска, упомянутаго лѣтописью подъ 1190 и 1233 гг., а въ этихъ послѣднихъ встрѣчаются рядомъ съ находками, указывающими на христіанство, слѣды языческихъ обычаевъ, ставленія въ могилы пищи и напитковъ, обращеніе покойниковъ головою на западъ, употребленіе колецъ, вложеніе въ уста покойнику золотыхъ бляшекъ и пр.

Изъ статей, относящихся къ вещественнымъ памятникамъ старины, можно отмѣтить живо-написанный очеркъ общаго содержанія, принадлежащій перу графа Дзѣдушицкаго, предсѣдателя археологическаго общества и хранителя памятниковъ. Очеркъ этотъ озаглавленъ: «Деревянныя постройки на Руси». Авторъ обращаетъ вниманіе на необходимость присматриваться къ деревяннымъ церквамъ, изъ которыхъ иныя заслуживаютъ вниманія и являются истинными произведеніями искусства въ своемъ родѣ. Въ подверждение отчетливости, съ какою выполнена постройка нѣкоторыхъ изъ нихъ, указывается церковь въ Дрогобычѣ, которая, по преданію, стояла нѣкогда въ Украйнѣ за Днѣпромъ и дрогобыческими мѣщанами, возившими туда для продажи соль, пріобрѣтена за нѣсколько возовъ соли. Церковь была разобрана, каждая изъ частей ея была положена въ отдѣльности на сани, и всѣ онѣ были перевезены на Червонорусское Подгорье. Гр. Дзѣдушицкій описываетъ обычный складъ «русинской церкви» и говоритъ: «Вотъ стародавняя польская (sic!) церковка, которую мы всѣ знаемъ, которую полюбилъ каждый поэтъ и каждый истинный художникъ, и которую теперь неразумно губятъ неумѣлыя руки». Указавъ на живописный видъ такой церкви, соотвѣтствующій нашему небу, авторъ упоминаетъ о *дзвоницѣ* и переходитъ къ старымъ домамъ по мѣстечкамъ. «Не одинъ, замѣчаетъ онъ, удивится тому, что кому либо пришла охота говорить о такихъ убожествахъ; и однако эта архитектура связана со всѣмъ прошлымъ. Въ деревянныхъ неоштукатуренныхъ покояхъ жили наши рыцарственные предки, заслонявшіе грудью Рѣчь Посполитую и христіанство, пока они не опустились подъ вліяніемъ саксонской иноземщины. Въ деревянной церкви молились сотни поколѣній, она является достойнымъ памятникомъ народнаго обычая и свидѣтельницею лучшихъ временъ; деревянная церковка среди дубровы и деревянный домъ въ мѣстечкѣ—то родныя дѣти нашихъ лѣсовъ, нашихъ долинъ и нашей исторіи; не позволимъ, чтобы ихъ выгнали изъ родимой Руси

какіе нибудь безцвѣтные, холодные, гадкіе, бѣленые пришельцы». Помимо тенденціознаго смѣшенія русскаго съ польскимъ, въ статьяхъ сотрудниковъ Przegląd'а, принадлежащихъ къ польской націи, нерѣдко прорывается элегическій тонъ, указывающій на то, что побуждаетъ польскую интелигенцію отдаваться такъ ревностно изученію прошлаго. Тѣже ноты звучатъ и въ такихъ сухихъ статьяхъ, какъ описаніе львовскаго городскаго архива. Въ началѣ этого описанія читаемъ: «*Свое управленіе, свой судъ, своя казна, свое войско* — все это говоритъ намъ, какъ духи, поднимающіеся по заклинанію чародѣя изъ этихъ книгъ, грамотъ, актовъ, историческихъ автографовъ, даже нерѣдко изъ мелкихъ замѣтокъ и частныхъ листковъ».

Гр. Дзѣдушицкому принадлежитъ также описаніе латинскаго костела и церкви св. Юрія въ Дрогобычѣ. Авторъ говоритъ прежде всего о башнѣ романскаго стиля, напоминающей сѣверно-итальянскія и югославянскія сооруженія, восходящей ко времени Володаря Осмомысла (sic) и свидѣтельствующей наравнѣ съ другими памятниками, что и Галицкая Русь не оставалась чуждой вліянія запада. Затѣмъ гр. Дзѣдушицкій переходитъ къ костелу готическаго стиля, построенному краковскими мастерами въ первой половинѣ XV в. и наглядно знакомящему съ костелами времени Ягайла. Этотъ костелъ былъ реставрированъ королевой Боной. Надъ главнымъ кораблемъ явился тогда круглый сводъ, подобный тѣмъ, какіе виднѣются на Сукенницахъ, на луцкомъ замкѣ, въ Люблинѣ и въ Красичинѣ. Когда верхъ костела обрушился отъ тяжести народа, искавшаго на немъ защиты во время татарскаго нашествія при королѣ Михаилѣ, его возстановили въ іезуитскомъ стилѣ или barocco. Теперь костелъ приводится въ первоначальный видъ по ходатайству «Выдѣла» общества предъ краевымъ сеймомъ. Послѣ описанія надгробнаго памятника Рамултовой, находящагося внутри собора и относящагося къ первому времени возрожденія, слѣдуетъ упоминаніе о деревянной церкви св. Юрія, привезенной, какъ сказано, по преданію изъ Украйны и подтверждающей своимъ видомъ это преданіе. По мнѣнію автора, церковь можетъ быть названа прибывшею изъ-за Днѣпра и въ иномъ еще смыслѣ: первообразы ея въ Самаркандѣ, въ Тегеранѣ и въ Бенаресѣ; это «татарское (!) искусство». Такъ далеко шагнулъ авторъ, заключающій замѣчаніемъ, что «звонница и церковь характеризуютъ судьбу православія въ Польшѣ, которое становилось постепенно вѣрой хлопской. Но когда высшія сословія ходили въ католическіе костелы, церковь все чаще подпадала вліянію, проникавшему съ востока, изъ-за Днѣпра. Раздвоеніе между востокомъ и западомъ, усматриваемое во всей Рѣчи Посполитой, выступаетъ наиболѣе ясно въ судьбѣ русской церкви: одна

часть ея клонилась къ уніи, другая отвращалась отъ Европы и тоскливо взирала на Москву».

Переходя къ письменнымъ памятникамъ старины, укажемъ на описаніе городскаго львовскаго архива, составленное секретаремъ общества К. Видманомъ.

Г. Садокъ Барончъ предпринялъ описаніе доминиканскихъ архивовъ и пока помѣстилъ статьи объ архивахъ въ Ярославлѣ и Бохнѣ.

Въ отдѣлѣ «историческихъ матеріаловъ» встрѣчаемъ рядъ актовъ, сообщенныхъ по большей части гг. Петрушевичемъ и Шараневичемъ Не всѣ документы представляютъ одинаково интересный и цѣнный матеріалъ. Перечислимъ важнѣйшіе. Въ визитѣ 1765 г. церкви и монастыря св. Юрія во Львовѣ есть свѣдѣніе о времени сооруженія этой церкви и о надписи на колоколѣ, отлитомъ въ 1341 года. Интересно примѣчаніе о. Петрушевича къ грамотѣ XIV в. о пожалованіи села двумъ волохамъ и къ двумъ грамотамъ Өедора Любартовича (начала XV в.) объ отграниченіи нѣсколькихъ селъ. Грамоты эти свидѣтельствуютъ о поселеніи румунъ въ порѣчьи Ломницы и вообще въ жидачевскомъ повѣтѣ. О. Петрушевичъ излагаетъ по этому поводу кратко свой любимый и интересный тезисъ о румунскомъ вліяніи на юго-западную Русь: онъ говоритъ о румунской колонизаціи въ Галичинѣ, пріурочивая къ румунамъ и болоховцевъ [1]), указываетъ на необходимость изслѣдованія заслугъ румунъ въ исторіи южно-русской образованности. Вліяніе румунъ началось, по мнѣнію о. Петрушевича, съ доисторическаго времени славянъ и объясняетъ начало культуры и христіанства по обѣимъ сторонамъ Карпатъ. Нѣсколько документовъ XVI—XVII в. изображаютъ положеніе православнаго духовенства въ Галичинѣ. Двѣ грамоты начала XVI в. говорятъ объ освобожденіи священника церкви св. Николая во Львовѣ отъ государственныхъ повинностей и отъ подсудности львовскому старостѣ. По ходатайству Константина Острожскаго, Сигизмундъ I освободилъ монаховъ львовскаго онуфріевскаго монастыря отъ государственной подати съ сада. Королевскія и владѣльческія грамоты XVI—XVII вв. предоставляли вносившимъ извѣстную сумму священническія мѣста въ различныхъ мѣстностяхъ Галичины въ *потомственное распоряженіе* съ угодьями и опредѣленною данью по 1 копѣ жита отъ пасомыхъ подданыхъ; коморничьяго и загродничьяго полагалось по одному дню работы, и сверхъ того вносился извѣстный податокъ. Священникъ

---

[1]) Ср. нашъ разборъ гипотезы г. Петрушевича о Болоховцахъ въ майской книжкѣ «Универс. Изв.», 1884 г. Въ ноябрьскомъ № «Вѣстника Народнаго дома», 1884 г. о. Петрушевичъ кратко отвѣчаетъ на этотъ разборъ.

долженъ былъ вносить ежегодно чиншъ и затѣмъ освобождался отъ всякихъ повинностей и панщины. Отнять поповство у потомковъ пожалованнаго имъ можно было лишь по уплатѣ суммы, которая была внесена получившимъ жалованную грамоту. Иной разъ священникъ самъ строилъ церковь и затѣмъ получалъ грамоту на поповство при ней. Значительный интересъ представляетъ грамота Сигизмунда III, которою было разрѣшено въ 1596 г. кіево-печерскому архимандриту Никифору Туру основать надъ р. Ирпенемъ на урочищѣ *Дидовомъ* замокъ и при немъ *мѣсто*. Мѣщанамъ того мѣста грамота воспрещала ходить безъ разрѣшенія гетмана на *запороги*, въ *дикія поля* и заграницу и доставлять туда провизію, олово и порохъ. Изъ позднѣйшихъ документовъ особеннаго вниманія заслуживаетъ напечатанное А. С. Петрушевичемъ пространное письмо Филиппа Орлика на латинскомъ языкѣ къ генеральному ассистенту іезуитовъ въ Римѣ, написанное 5 августа 1727 г. въ Ѳессалоникѣ и заключающее въ себѣ разсказъ объ извѣстныхъ странствованіяхъ этого авантюриста по Европѣ, съ цѣлію добиться у европейскихъ дворовъ освобожденія общими ихъ силами Малороссіи отъ московскаго подданства и возстановленія яко-бы его, Орлика, въ гетманскомъ достоинствѣ. Изъ письма открывается, что Орликъ, преслѣдовавшій свою политическую мечту около 20 лѣтъ, послѣ всѣхъ испытанныхъ имъ неудачъ, рѣшился наконецъ прибѣгнуть къ помощи римской куріи. Съ этою цѣлію онъ обратился къ іезуитскому миссіонеру въ Константинополѣ и открылся предъ нимъ, будто его одолѣваетъ ревность о распространеніи католической церкви, и что онъ могъ-бы отдаться этому дѣлу, если-бы ему оказана была помощь въ исполненіи его давнихъ мечтаній. Орликъ далъ миссіонеру записку по этому предмету, которая была сообщена послѣднимъ послу австрійскаго императора. И миссіонеръ, и посолъ обѣщали Орлику позаботиться о немъ. По плану Орлика, папа долженъ былъ похлопотать предъ римскимъ императоромъ о заступничествѣ за него, Орлика, при русскомъ дворѣ, если-же это окажется невозможнымъ, то велѣлъ-лъ своему нунцію домогаться у польскаго короля и польской республики, чтобы послѣдняя согласилась исполнить обѣщаніе, данное королемъ Портѣ, именно о предоставленіи Орлику правобережной Украйны съ гетманскимъ достоинствомъ и древними правами, соблюдавшимися до 1712 г. Орликъ ввелъ-бы тогда унію въ Украйнѣ въ теченіи года не насильственными средствами, къ которымъ прибѣгають поляки изъ неумѣренной ревности (ex zelo minus ordinato), но посредствомъ указанія на заблужденія новѣйшей греческой церкви. Тогда Польша могла-бы быть спокойна относительно козаковъ. Къ этому письму Орликъ прило-

жилъ еще письмо къ папѣ и нѣкоторые документы, относившіеся къ перепискѣ его съ различными лицами, съ которыми онъ сносился.

Въ отдѣлѣ историческихъ матеріаловъ весьма интересенъ отрывокъ изъ дневника холмскаго уніатскаго епископа Важинскаго, относящійся къ возстанію Костюшки.

Изъ обработокъ сырого историческаго матеріала отмѣтимъ нѣсколько датъ для исторіи рода Одровонжей на Руси въ XV в., генеалогическую таблицу потомства Іереміи Могилы и статью о Гозіи, извѣстномъ епископѣ вармійскомъ и кардиналѣ, ратоборцѣ за католичество въ періодъ реформаціи въ Польшѣ.

Упомянемъ въ заключеніе нашего обзора, что въ «Археологическое обозрѣніе» вошла и одна археологическо-лингвистическая замѣтка, вѣроятно—на томъ основаніи, что самымъ важнымъ и старшимъ археологическимъ памятникомъ въ научномъ отношеніи является языкъ «рода людскаго». Замѣтка эта принадлежитъ А. С. Петрушевичу и касается слова *рокошъ.* Приведши различныя мнѣнія объ этомъ словѣ, о. Петрушевичъ присоединяется къ юридическому толкованію Мацѣевскаго, по которому поляки называли рокошемъ «вооруженное выступленіе шляхты противъ короля». О. Петрушевичъ дополняетъ свѣдѣнія, приведенныя у Мацѣевскаго, указаніемъ на то, что венгерскіе *рокоши* или сеймы на полѣ Ракусъ упоминаются уже подъ 1298 г., а въ венгерское право они вошли не ранѣе 1498 г. Окончаніе *ошъ* о. Петрушевичъ считаетъ вопреки Миклошичу не малорусскимъ, а западно-славянскимъ. Въ этой западнославянской (чешско-польской формѣ) слово проникло въ русскій книжный языкъ уже въ XV в. Изъ языка чеховъ и словаковъ (у послѣднихъ это слово употребляется до сей поры) оно перешло въ языки мадьярскій и румынскій. Въ значеніи бунта слово рокошъ проникло въ московскую Русь отъ западныхъ славянъ чрезъ Литву или Малую Русь. Оно встрѣчается въ судебникахъ Ивана III и Ивана IV. Въ старорусскомъ языкѣ существовала чисто русская форма этого слова, *рагоза*, которая была извѣстна и въ юго-западной Руси. Заключена замѣтка г. Петрушевича этимологическимъ производствомъ слова *рокошъ* и указаніемъ различныхъ видоизмѣненій первоначальнаго корня.—О. Петрушевичъ помѣстилъ также описаніе молитвенника Терезы, урожденной Опалинской, второй жены Стефана Пемприча, воеводы кіевскаго, представляющее нѣсколько данныхъ для исторіи польскаго языка.

Н. Д.

Рада, украинскій альманахъ на 1884 года. Кіевъ. 1884 годъ.

Второй выпускъ кіевскаго альманаха составленъ исключительно изъ белетристики и поэзіи. Капитальною вещью въ немъ, какъ и во всей малорусской словесности послѣднихъ 10—15 лѣтъ, является романъ «Повія», изъ котораго появилась теперь вторая часть. Какъ ни неблагопріятенъ для цѣльности литературнаго произведенія подобный способъ печатанья по части черезъ годъ, но впечатлѣніе производимое романомъ г. Мирнаго такъ глубоко, что лица и событія выплываютъ изъ памяти, какъ только приступишь къ чтенію новой части, какъ знакомые, родные, и читатель входитъ сразу и всецѣло въ ихъ жизнь. Въ этой части героиня этой несложной повѣсти, сдѣлавшись жертвою обмана, отслуживаетъ въ городѣ у мѣщанина Загнибиды за деньги, яко бы оставшіеся должными этому кулаку ея покойнымъ отцемъ. Жена Загнибиды — болѣзненная женщина, и молодая, хорошенькая Христя становится цѣлью его назойливыхъ приставаній. Когда, послѣ многихъ терзаній, Христя урывается на денекъ въ село, къ матери, Загныбыда, возвратясь домой и не заставъ наймички, раздосадованный своимъ неуспѣхомъ и считая всему помѣхою постылую жену, нападаетъ на нее съ такою яростью, что несчастная женщина умираетъ отъ побоевъ. Въ испугѣ и попыхахъ онъ выпроваживаетъ домой наймичку, сунувъ ей пятидесятирублевую бумажку. Эти деньги становятся для Христи источникомъ новаго горя. На допросѣ Загныбида бросаетъ тѣнь на Христю и, какъ улику, указываетъ на деньги. Христю берутъ подъ слѣдствіе, а въ это время тамъ, въ селѣ, сраженная этою послѣднею чашей горя, умираетъ ее мать. Отпущенная за отсутствіемъ всякихъ уликъ, Христя попадаетъ въ село на похороны старухи. Она бросаетъ на вѣкъ непривѣтную родину и уходитъ на новое мѣсто.

Глубина анализа и правда изображеній—таковы отличительныя черты таланта автора «Повіи», который мы пытались уже характеризовать, при появленіи первой части романа. Картина жизни малорусскихъ селъ и городковъ, подъ перомъ г. Мирного, является во всей той широтѣ, какая свойственна крупнѣйшимъ представителямъ современнаго романа, этого послѣдняго слова поэзіи. Если дивишься мощи, съ какою изображаетъ авторъ характеры сильные и жестокіе, то особеннаго вниманія заслуживаетъ искусство, съ какимъ рисуетъ онъ натуры пассивныя, какъ жена Загныбиды, или среднія, какъ Христя. Психологія обыденнаго, средняго человѣка—самая трудная... Скорбнымъ чувствомъ отсутствія правды въ мірѣ дышетъ созданіе поэта. Людей чистыхъ сердцемъ, безкорыстныхъ, высокихъ душею—мало въ мірѣ. Имъ суждено страданіе.

Злоба и эгоизмъ торжествуютъ на свѣтѣ и люди сами устроили свои муки. На его любимое село со всѣхъ сторонъ ложатся тѣни. Ложатся онѣ и отъ этого городка, который, какъ всѣ города въ людскихъ общежитіяхъ—есть представитель хищнаго эгоизма и калѣчитъ и губитъ тѣ свѣжія силы, какія даетъ ему деревня. Украинское мѣщанство и мелкій промышленный классъ нашли въ г. Мирномъ такого-же несравненнаго изобразителя, какъ и сельская жизнь. Сцену праздничной мѣщанской пирушки у Загныбиды надо прочесть, такъ какъ о ея поразительной живости и юморѣ не дадутъ понятія никакія слова.

Очерки «Якъ ведется, такъ и живетця», того-же автора,—также романъ, изъ котораго дано пока только два отрывка. Въ лѣтній зной, подъ палящимъ солнцемъ, три крестьянскихъ мальчика пасутъ скотъ въ степи. Предъ ними, въ отдаленіи, темный силуэтъ Батіевщины, разрушенной панской усадьбы, надъ ними—голубой шатеръ неба. Ихъ дѣтскія рѣчи и составляютъ «содержаніе» очерка «День на пастовнику», а изображеніе ихъ дѣтскихъ натуръ и трехъ различныхъ характеровъ, тонкое и блистательное, составляетъ интересъ этого прелестнаго разсказа. Второй очеркъ «Батьки» ведетъ разсказъ назадъ. Мы предпочитаемъ, когда лица рисуются въ дѣйствіи, параллельно событіямъ, а не такіе ретроспективные очерки. Но когда разсказъ веденъ съ этимъ талантомъ, тогда способъ передачи отходитъ на второй планъ. Мы дѣлаемся очевидцами и участниками жизни цѣлой крестьянской семьи: крутой, но честный старикъ—отецъ, любящая мать, хозяинъ, добрый малый,—старшій братъ, его тихая, покорная жена—всѣ становятся намъ близкими, какъ дѣйствительно видѣнныя лица. Но ярче всѣхъ выступаетъ младшій братъ Ёсипъ, обреченный на солдатчину и его жена Параска, этотъ выродокъ панскихъ усадебъ. Ради любви къ ней онъ обкрадываетъ родныхъ, онъ страдаетъ и мучится. Сценѣ примиренія и ухода Ёсипа въ солдаты, при всей сдержанности и строгости разсказа, суждено имѣть успѣхъ патетизма, успѣхъ слезъ, самый завидный, о какомъ можетъ думать писатель. Надо имѣть очень сильные нервы, чтобъ прочесть ее безъ волненія. Чтобъ покончить съ г. Мирнымъ, скажемъ, что сокровища чувства и слова, внесенныя имъ въ малорусскую литературу, будутъ всегда такимъ-же голосомъ о творческихъ силахъ народа, какъ и самыя созданія народной музы.

Два маленькихъ разсказа въ книгѣ принадлежитъ Ганнѣ Барвинокъ. Это имя давно знакомое въ малорусской летературѣ принадлежитъ писательницѣ, обладающей рѣдкимъ и пріятнымъ свойствомъ: правильнымъ сознаніемъ своихъ силъ. Съ самаго начала своей дѣятельности писательница избрала форму очерка, каждая черта въ которомъ изучена

съ натуры. Выбирая темы съ умомъ и тонкимъ вкусомъ, г-жа Барвинокъ въ формѣ набросковъ, путевыхъ замѣтокъ и т. п. оставила нѣсколько вещицъ, которыя не забудутся. Любители малорусскаго слова помнятъ ея разсказы въ «Хатѣ» и «Основѣ»: «Не було зъ малку, не буде й до станку», «На Волыни», «Жизнь въ одномъ селѣ». Послѣдній разсказъ напримѣръ ничто иное, какъ простое описаніе украинской мѣстности, одного уголка нашей родины. На этомъ пейзажѣ двѣ три обыденныхъ деревенскихъ фигуры. Но все это такъ вѣрно жизни и безъискуственно, разсказано съ такой любовью къ предмету, что отъ этихъ страницъ какъ-бы вѣетъ здоровымъ воздухомъ деревни, ароматомъ цвѣтущаго сада, душистымъ запахомъ полевыхъ травъ... Въ «Основѣ» была цѣлая школа такихъ добросовѣстныхъ писателей: Номисъ, Л. Жемчужниковъ, Ревякинъ, Каховскій. Къ этому типу произведеній принадлежитъ очеркъ «Квитки зъ слезами, слезы зъ квитками», представляющій попытку обрисовки психологіи калѣкъ. Три женщины, въ ней выведенныя, настоящія украинки, съ ихъ душевнымъ изяществомъ и глубиною чувства. Разсказъ «Вирна пара» вдохновленъ Шекспировской «Ромео и Юлія», изъ которой къ нему взятъ эпиграфъ.

Кому не случалось иногда задумываться надъ великими созданіями фантазіи и рисовать въ умѣ, что было-бы, еслибъ измѣнить такъ или иначе ходъ событій въ поэтическихъ фикціяхъ? Представимъ себѣ, что Лоренцій пришелъ минутою раньше и помѣшалъ Ромео выпить ядъ. Джюльета просыпается, узнаетъ своего обожателя и безсмертные своею вѣрностью сердца наконецъ соединяются. Въ разсказѣ г-жи Барвинокъ находимъ нѣчто подобное: парубокъ Сергій возвращается домой «съ вокзала», узнаетъ о внезапной смерти своей невѣсты. Она была весела и здорова и, принарядившись, пошла въ послѣдній разъ съ подругами на досвитки. Тамъ парубки хотѣли снять у нее съ руки кольцо, обручальное кольцо Сергія. Чтобы не дать никому кольца, она взяла его въ ротъ и проглотила. Кольцо стало въ горлѣ, что произвело обморокъ, схожій съ летаргіей. Сергій возвращается, когда Онильку только что похоронили. Ночью бѣжитъ онъ на кладбище и въ отчаяніи откапываетъ гробъ, чтобъ взглянуть на свою невѣсту еще разъ. Сильнымъ движеніемъ онъ встряхиваетъ мнимую покойницу. Она просыпается и возвращается къ жизни. Маленькій этотъ разсказъ веденъ очень искусно и неожиданность развязки и интересъ поддерживаются до послѣдняго слова. Послѣдняя прозаическая вещь, сказка «Кладовище»—дебютъ новаго автора г. Алатанченка и, что особенно пріятно, дебютъ удачный. Написанная на шопенгауэровскую тэму, сказка эта обличаетъ нѣкоторую писательскую неопытность: въ ней два разсказа, вставленные одинъ въ другой, отчего двоится впечатлѣніе. Но она умна, довольно образна и написана хорошимъ языкомъ.

Г.

Извѣстія и замѣтки

(историко-литературныя, этнографическія и историческія).

ГДѢ ЖИЛИ ПЕРВЫЕ КІЕВСКІЕ МИТРОПОЛИТЫ: ВЪ ПЕРЕЯСЛАВѢ ИЛИ ВЪ КІЕВѢ?

Лѣтописи и списки церковнаго устава Владимірова говорятъ, что св. Владиміръ принялъ изъ Царьграда митрополита *Кіеву*. Между тѣмъ наши ученые историки: архіепископъ Филаретъ, митрополитъ Макарій Булгаковъ и профессоръ Е. Голубинскій, согласно съ мнѣніемъ составителя Никоновской лѣтописи, утверждаютъ, что до построенія кіево-софійскаго собора кіевскіе митрополиты жили не въ Кіевѣ, а въ приднѣпровскомъ Переяславѣ, находящемся въ 90 в. ниже Кіева по теченію Днѣпра. Митрополитъ Макарій и Голубинскій указываютъ и причину сего въ томъ, будто «въ Кіевѣ съ самаго начала не нашлось удобнаго помѣщенія для митрополита, а въ Переяславѣ, можетъ быть, существовалъ готовый и удобный для нихъ домъ [1]). Съ этимъ мнѣніемъ соглашается и профессоръ И. И. Малышевскій въ своей, только что появившейся статьѣ о кіевскихъ церковныхъ соборахъ (Труды кіевской духовной академіи— декабрь 1884 г.). Митрополитъ кіевскій Евгеній не далъ своего рѣшительнаго заключенія по сему предмету [2]). Нашъ исторіографъ Карамзинъ отвергъ подобное мнѣніе [3]). При всемъ уваженіи къ

[1]) Исторія русской церкви, м. Макарія, т. 1, стр. 37 и 38; Исторія русской церкви, Е. Голубинскаго, т. 1, ч. 1-я, стр. 286 и 287.

[2]) Описаніе кіево софійскаго собора, м. Евгенія. Прибавленіе, стр. 65.

[3]) Исторія русскаго государства, ч. 1, примѣч. 160.

ученымъ авторитетамъ названныхъ выше лицъ, позволяемъ себѣ и мы усумниться въ вѣрности ихъ мнѣнія относительно пребыванія кіевскихъ митрополитовъ въ Переяславѣ и на то имѣемъ достаточныя причины, которыя представляемъ на судъ лицъ, интересующихся этимъ вопросомъ.

Первоначальное жительство кіевскихъ митрополитовъ въ Переяславѣ обстоятельнѣе прочихъ отстаиваютъ митрополитъ Макарій и г. Голубинскій, стараясь доказать это 1) надписью надъ сохранившимся посланіемъ митрополита Леонтія къ латинянамъ, въ которомъ онъ называется митрополитомъ русскаго Переяслава, и 2) замѣткой кіевской лѣтописи подъ 1083 г., гдѣ сказано, что «бѣ преже въ Переяславли митрополья». Переселеніе митрополіи изъ Переяслава въ Кіевъ они полагаютъ не раньше освященія кіево-софійскаго собора, т. е. около 1044 года. Но а) вышеупомянутое посланіе едва-ли принадлежитъ святителю, умершему въ 1008 году, такъ какъ въ немъ въ обличеніе латинянъ говорится объ опрѣснокахъ, о безженствѣ священниковъ, о постѣ въ субботу и прочихъ такихъ предметахъ, которые только спустя сорокъ пять лѣтъ послѣ сего въ первый разъ обличены константинопольскимъ патріархомъ Михаиломъ Керулларіемъ; посланіе такого содержанія могло явиться у насъ уже послѣ освященія кіево-софійскаго собора и не раньше 1054 г., т. е. послѣ мнимаго переселенія русскихъ митрополитовъ изъ Переяслава въ Кіевъ. б) Съ титуломъ переяславскаго митрополита упоминается въ самой лѣтописи Нестора *Ефремъ*, бывшій съ 1089 по 1091 годъ, когда митрополиты кіевскіе несомнѣнно жили въ Кіевѣ, и однако ни митрополитъ Макарій, ни г. Голубинскій не считаютъ его кіевскимъ митрополитомъ, а г. Голубинскій считаетъ этого Ефрема митрополитомъ титулярнымъ и доказываетъ это между прочимъ тѣмъ, что сей Ефремъ подъ 1091 г. и подъ 1124 г. называется въ лѣтописи епископомъ переяславскимъ, а не митрополитомъ, и въ то-же время Леонтія или Леона, автора посланія къ латинянамъ, онъ признаетъ за дѣйствительнаго всероссійскаго или, что то-же, за кіевскаго митрополита, временно жившаго въ Переяславѣ, хотя этотъ Леонтій въ одномъ изъ списковъ его посланія, видѣнныхъ В. И. Григоровичемъ на востокѣ, называется *архіепископомъ* русскимъ, а въ другомъ спискѣ только *епископомъ* [1]).

[1]) Исторія рус. церкви, Е. Голубинскаго, т. I й, стр. 230 и 231.

Не скорѣе-ли нужно прійти къ мысли, что у насъ въ XI вѣкѣ было два Леонтія—одинъ митрополитъ кіевскій, управлявшій русскою церковью съ 991 г. по 1008 годъ, а другой епископъ переяславскій, носившій также, какъ и Ефремъ, только титулъ митрополита и жившій въ концѣ княженія Ярослава, когда послѣдовалъ разрывъ между церквами восточною и западною? Это было-бы согласно съ мнѣніемъ и самого Голубинскаго о томъ, что «первые переяславскіе епископы или, по крайней мѣрѣ, *нѣкоторые* изъ нихъ (а не одинъ, значитъ, Ефремъ) носили *титулъ* митрополитовъ, и не противорѣчило-бы его-же мнѣнію о томъ, что «принадлежность Кіева къ области переяславскаго митрополита только вѣроятна, *не болѣе того*» (Исторія русской церкви, стр. 298). Тогда не было-бы для него и необходимости исправленіе обязанностей кіевскаго митрополита по священнослуженію въ Кіевѣ до 1039 г. поручать бѣлгородскимъ епископамъ, которыхъ рядъ начинается только съ 1072 г., если не признавать первымъ бѣлгородскимъ епископомъ Никиту, поставленнаго въ Никоновской лѣтописи, не заслуживающей довѣрія, по мнѣнію г. Голубинскаго. в) Что касается замѣтки, находящейся въ лѣтописи по Лаврентьевскому списку подъ 1089 г., будто «митрополья бѣ преже въ Переяславли», то она принадлежитъ не преподобному Нестору, а позднѣйшему переписчику лѣтописи, такъ какъ этой приписки нѣтъ въ той-же лѣтописи по Ипатскому списку. Никоновская лѣтопись, говоря, что «живяху множае тамо (въ Переяславѣ) митрополиты кіевскіе и всея Россіи и епископы поставляху тамо», только распространяетъ домысліе переписчика кіевской лѣтописи. Пребываніе кіевскихъ митрополитовъ въ Кіевѣ со временъ св. Владиміра положительно подтверждается слѣдующими обстоятельствами:

1) По мнѣнію преосвященнаго митрополита Макарія и г. Голубинскаго, основанному на свидѣтельствѣ Степенной книги и Никоновской лѣтописи, при св. Владимірѣ было въ Россіи уже 8 епископскихъ каѳедръ. Если-же епископскія каѳедры были тогда не только въ болѣе значительныхъ мѣстахъ, какъ-то: въ Новгородѣ, Черниговѣ, Ростовѣ, Полоцкѣ, но и въ менѣе значительныхъ, каковыми тогда были Владиміръ-Волынскій, Туровъ, Юрьевъ на р. Роси и Бѣлгородъ на р. Ирпенѣ, то нельзя думать, чтобы Кіевъ—столица русскаго государства—оставался 50 лѣтъ безъ епископской каѳедры,

особенно при той любви, какую имѣлъ св. Владиміръ къ духовному чину, и при его уваженіи къ мнѣнію митрополита и епископовъ, съ которыми онъ совѣщался въ важнѣйшихъ, даже государственныхъ дѣлахъ. И почему не быть митрополиту въ Кіевѣ? Неужели потому, какъ думають наши церковные историки, будто не нашлось въ Кіевѣ удобнаго помѣщенія для него? Это болѣе чѣмъ странно предполагать, если находили тогда помѣщенія для архіереевъ даже въ Тмутаракани. Говорятъ, что въ Кіевѣ не было еще тогда митрополичьяго храма. А въ Переяславѣ былъ тогда митрополичій храмъ? Напротивъ, извѣстно, что въ Переяславѣ соборный храмъ освященъ лишь въ 1090 году, а въ Кіевѣ созданный св. Владиміромъ и освященный въ 996 году Десятинный храмъ былъ не меньшихъ размѣровъ, чѣмъ Ярославовъ-софійскій, и былъ украшенъ больше, чѣмъ всякій другой храмъ тогдашнихъ удѣльныхъ городовъ, такъ что весьма прилично въ немъ могло совершаться митрополичье служеніе даже съ соборомъ епископовъ. Хотя лѣтопись не называетъ Десятиннаго храма каѳедральнымъ или митрополичьимъ, хотя въ ней говорится, что св. Владиміръ «вдаде ту церковь Анастасу Корсунянину» и приставилъ къ ней корсунскихъ поповъ для служенія; но въ этомъ можно видѣть только указаніе на штатъ бѣлаго духовенства при Десятинной церкви, подобный которому былъ при Софіи константинопольской, составлявшей патріархію, и какой существуетъ теперь при каѳедральныхъ соборахъ, не исключая ихъ изъ непосредственнаго вѣдѣнія мѣстныхъ митрополитовъ и епископовъ. Но если-бы Десятинная церковь и не была временно митрополичьею церковью подобно тому, какъ въ Петербургѣ казанскій соборъ долгое время замѣнялъ собою каѳедральный храмъ до окончанія исаакіевскаго собора, то отсюда нисколько не слѣдовало-бы заключать, что въ Кіевѣ до Ярослава не жительствовали кіевскіе митрополиты; иначе пришлось-бы утверждать когда-нибудь, что до 1858 г. въ Петербургѣ не имѣли жительства петербургскіе митрополиты. Съ другой стороны извѣстно, что, по примѣру Константинополя, каѳедральными соборами въ Кіевѣ, Новгородѣ и Полоцкѣ были софійскіе храмы, что при св. Владимірѣ былъ уже въ Новгородѣ храмъ во имя св. Софіи,—обширный, о 12 верхѣхъ, хотя деревянный, въ которомъ служилъ первый новгородскій епископъ Іоакимъ, а въ Кіевѣ деревянный храмъ св. Софіи освященъ еще при св. Ольгѣ

11 мая въ лѣто 952-е, какъ значится въ Апостолѣ 1307 г., и что въ кіевскомъ храмѣ св. Софіи, также деревянномъ, въ 1018 г. кіевскій архіепископъ встрѣчалъ Болеслава, польскаго короля, какъ свидѣтельствуетъ о семъ современникъ Ярослава и очевидецъ сего событія Дитмаръ, присовокупляя, что храмъ того-же имени сгорѣлъ въ предыдущемъ 1017 году. Эта, безъ сомнѣнія, церковь и была митрополичьимъ храмомъ, при ней, конечно, и жили первые кіевскіе митрополиты прежде, чѣмъ построенъ Ярославомъ нынѣ существующій кіево-софійскій соборъ.

2) Первые два кіевскіе митрополиты Михаилъ и Леонтій и не могли жить въ Переяславѣ по той простой причинѣ, что митрополитъ Михаилъ умеръ, а митрополитъ Леонтій прибылъ къ намъ, когда г. Переяславъ еще не существовалъ. Хотя г. Голубинскій отвергаетъ существованіе св. Михаила, перваго кіевскаго митрополита, но, назначая прибытіе митрополита Леонтія въ Русь въ 991 году, онъ поселяетъ его въ Переяславѣ за 3 года до появленія этого города, который, по свидѣтельству Іакова Черноризца, точно опредѣлившаго годами важнѣйшія событія въ жизни св. Владиміра, заложенъ 5 лѣтъ спустя послѣ принятія св. Владиміромъ крещенія, т. е. въ 993 году. По той-же причинѣ напрасно г. Голубинскій утверждаетъ, а г. Малышевскій за нимъ повторяетъ, будто Переяславъ былъ не только резиденціей, но и собственностью первыхъ кіевскихъ митрополитовъ, чѣмъ-то въ родѣ donum Constantini папѣ Сильвестру [1]). Если Переяславъ немалое еще время послѣ своего заложенія былъ не болѣе, какъ сторожевымъ пунктомъ, острогомъ для защиты Кіева отъ нападенія печенѣговъ, то можно-ли было такую боевую станцію, военный форпостъ, назначать для мѣстопребыванія главы русской церкви? Также немыслимо, чтобы Переяславъ, еще ненаселенный и подвергавшійся ежедневнымъ нападеніямъ дикаго народа, могъ быть собственностью и состоять въ распоряженіи духовнаго лица, которое не могло принять на себя обязанностей коменданта крѣпости. Соображенія, приведшія къ противнымъ сего заключеніямъ, свидѣтельствуютъ болѣе о плодовитости воображенія, чѣмъ объ ихъ основательности.

---

[1]) Сличи примѣчаніе къ 489 страницѣ Трудовъ кіевской духовной академіи за декабрь и примѣчаніе къ страницѣ 286 т. 1-го Истор. русск. церкви, Голубинскаго.

Наконецъ 3) положительное и неопровержимое доказательство того, что Кіевъ съ самаго учрежденія кіевской митрополіи былъ сѣдалищемъ кіевскихъ митрополитовъ, находится въ соборномъ опредѣленіи патріаршаго константинопольскаго собора (1354 г.) о перенесеніи каѳедры русской митрополіи изъ Кіева въ Владиміръ. Въ этомъ опредѣленіи, извлеченномъ изъ актовъ константинопольской патріархіи, значится, что 1) «въ Кіевѣ *изначала* была соборная церковь митрополіи», и «здѣсь-же имѣли свое жительство и преосвященные русскіе архіереи»; 2) что «преосвященный митрополитъ русскій кУръ Ѳеогностъ и прежде него двое другихъ, которые посѣщали Кіевъ, оказывали ему подобающую честь, какъ городу, въ которомъ *изначала* находился престолъ митрополіи» [1]). Въ началѣ XIV вѣка, когда еще живо было преданіе и были цѣлы документы XI вѣка, въ Константинополѣ и въ Россіи вѣрно лучше, чѣмъ теперь, знали, гдѣ первоначально жили кіевскіе митрополиты.

П. Л.

НОВЫЙ ВАРІАНТЪ ДУМЫ „АЛЕКСІЙ ПОПОВИЧЪ".

Три съ половиною года тому назадъ въ г. Ахтыркѣ г. Твердохлѣбовъ встрѣтилъ слѣпца бандуриста Илью Журавля изъ с. Пархомовки и записалъ отъ него думу: *Олексій Поповичъ.* Прежде, чѣмъ привести текстъ этого новаго варіанта извѣстной давно думы, скажемъ нѣсколько словъ о нашихъ думахъ, о ихъ пѣвцахъ вообще и въ частности объ одной особенности приводимаго варіанта.

Въ XVI и XVII стол. кобза или бандура играла важную роль въ жизни малорусскаго народа. Она была вѣрной подругой слѣпаго пѣвца нищаго, безстрашнаго наѣздника козака, всего народа безъ различія старшины отъ поспольства. Мелодическіе звуки бандуры, сопровождаемые мужественными словами героической пѣсни, оживляли угнетенный духъ народа и поднимали его на новые подвиги борьбы и терпѣнія. Съ прекращеніемъ татарскихъ набѣговъ и польскихъ притѣсненій, съ перемѣной условій народной жизни, мало-по-малу устарѣла и кобза, почти совсѣмъ смолкли героическія думы бандуристовъ и выдохлись, потеряли внутреннюю силу, красоту и

[1]) Русская историческая библіотека, т. VI, ч. 2, стр. 64—66.

свѣжесть ихъ бытовыя пѣсни. Въ концѣ сороковыхъ годовъ П. А. Кулишъ на правой сторонѣ Днѣпра не нашелъ уже бандуристовъ; въ лѣвобережной Украйнѣ онъ познакомился съ весьма немногими бандуристами и, какъ на выдающихся хранителей и выразителей стариннаго народнаго поэтическаго творчества, указалъ на Андрія Шута и Остапа Вересая. Въ 1873 году Андрій Шутъ скончался, и Остапъ Вересай такимъ образомъ остался, если не единственнымъ, то самымъ главнымъ выразителемъ стариннаго народнаго поэтическаго творчества. Въ 1874 году г. Иващенко сообщилъ юго-западному отдѣлу географическаго общества, что въ нѣжинскомъ уѣздѣ, черниговской губерніи, проживаютъ два замѣчательныхъ кобзаря, Павло Братыця и Прокопъ Дубъ. Подъ звуки бандуры они спѣли г. Иващенку обыкновеннымъ эпическимъ речитативомъ думу про Зиновія Богдана Хмельницкаго и Барабаша, думу о побѣгѣ трехъ братьевъ изъ Азова, думу про козака Голоту и нѣсколько духовныхъ стиховъ и юмористическихъ пѣсенъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что въ крестьянскомъ населеніи харьковской губерніи находится значительное число кобзарей. Во второмъ томѣ записокъ юго-западнаго отдѣла географическаго общества на 110 стр. есть указаніе, что въ лебединскомъ уѣздѣ, харьковской губерніи, въ недавнее время были кобзари, ученики которыхъ расходились по черниговской губерніи. Лѣтъ тридцать назадъ Н. И. Костомаровъ и покойные Метлинскій и (позднѣе) Нѣговскій знали многихъ харьковскихъ кобзарей и записали отъ нихъ крупныя поэтическія произведенія. Замѣчательно цѣльный и художественно выдержанный варіантъ думы о побѣгѣ трехъ братьевъ изъ Азова записанъ Нѣговскимъ отъ вильшанскаго кобзаря Кулибабы (Антон., Истор. пѣс. мал. нар., I., 106—113). Одинъ изъ лучшихъ варіантовъ превосходной думы о вдовѣ и трехъ ея сыновьяхъ записанъ Н. И. Костомаровымъ въ предѣлахъ харьковской губерніи (Чубинскій, Труды этн.-ст. эксп. въ зап.-рус. кр. V. 747). Весьма хорошій варіантъ думы о Марусѣ Богуславкѣ записанъ П. А. Кулишемъ въ Красномъ Кутѣ богодух. уѣзда, харьковской губерніи (Записки о южн. Руси, I., 210).

Въ «Русск. Филологич. Вѣстникѣ» 1879 г., кн. IV, стр. 268, было высказано сомнѣніе, чтобы теперь можно было найти кого-нибудь изъ тѣхъ кобзарей, которыхъ въ концѣ сороковыхъ и въ началѣ

пятидесятыхъ годовъ знали въ Харьковѣ покойные А. Л. Метлинскій и М. В. Нѣговскій. Быть можетъ, кобзари эти живы, но затерялись въ народной массѣ и, никѣмъ не отыскиваемые, не находя болѣе сочувствія въ интеллигентномъ обществѣ, гдѣ-нибудь въ глуши кончаютъ дни свои. Послѣ умершихъ кобзарей остались ученики, и нѣкоторые ученики превосходно усвоили поэтическое достояніе своихъ наставниковъ. Въ Харьковъ довольно часто заходитъ слѣпой съ малыхъ лѣтъ кобзарь изъ Вильшаны Игнатъ Гончаренко. Кромѣ значительнаго числа духовныхъ и юмористическихъ пѣсенъ, онъ знаетъ думу о побѣгѣ трехъ братьевъ изъ Азова и думу о вдовѣ и трехъ сыновьяхъ. Первую думу онъ поетъ почти буквально сходно съ варіантомъ, записаннымъ Нѣговскимъ отъ Кулибабы,—обстоятельство, указывающее на возможность преемственной связи этихъ двухъ вальшанскихъ кобзарей. Что въ харьковскомъ уѣздѣ не совсѣмъ замерла старая козацкая поэзія, видно изъ того, что въ прошломъ году въ двухъ разныхъ мѣстахъ отъ разныхъ лицъ и различными собирателями записаны художественные, свѣжіе и цѣльные варіанты старинныхъ пѣсенъ и думъ. Весьма подробный, цѣльный и художественно выдержанный варіантъ думы (точнѣе пѣсни) о Саввѣ Чаломъ записанъ Д. И. Эварницкимъ въ волчанскомъ уѣздѣ отъ старика крестьянина. Дума «Олексій Поповичъ» въ новѣйшей редакціи слѣпца Ильи Журавля по полнотѣ и цѣльности могла-бы занять почетное мѣсто въ числѣ 9 варіантовъ, приводимыхъ г. Антоновичемъ въ 1 т. «Историч. пѣсенъ». Дума въ устахъ Ильи Журавля пріобрѣла несвойственную эпическому произведенію мягкость, короткость стиха, наклонность къ риѳмѣ, что однако не повредило ея поэтическому достоинству. Что тлетворное начало упадка и разложенія, искаженія и забвенія носится надъ думой, видно изъ первыхъ ея строкъ, именно изъ новѣйшаго осложненія исконнаго содержанія думы вставкой словъ «на царській громади, громади козацькій». Эта вставка не имѣетъ смысла. Соколъ сидитъ или, по крайней мѣрѣ, согласно лучшимъ варіантамъ думы, долженъ сидѣть на камнѣ. Онъ смотритъ на Черное море, гдѣ начинается буря. Таково начало думы, и ни царской, ни козацкой громадѣ здѣсь нѣтъ мѣста. Пѣвецъ, очевидно, сплошалъ, но сплошалъ лишь на одну минуту, одной чертой, такъ сказать, обмолвился. Начало всегда трудно, и начало сдѣлано съ грѣхомъ пополамъ. Далѣе живая и увлекающая

сила свободнаго отъ неидущихъ къ дѣлу наслоеній пѣснотворчества льется на полномъ просторѣ, и пѣсня дѣлается логически послѣдовательной, цѣльной, вполнѣ художественной. Одна часть думы непосредственно, въ силу поэтической и логической необходимости, вытекаетъ изъ другой части, предыдущей, и обусловливаетъ собой часть послѣдующую. Варіантъ г. Твердохлѣбова не представляетъ, за исключеніемъ обозначенныхъ уже словъ о козацкой и царской громадѣ, ничего новаго, сравнительно съ извѣстными уже въ печати варіантами, но въ немъ есть одно рѣдкое выраженіе, и выраженіе тѣмъ болѣе замѣчательное, что въ варіантѣ г. Твердохлѣбова оно занимаетъ какъ разъ подходящее для себя мѣсто. Въ одномъ или въ двухъ варіантахъ упоминается, что Олексій Поповичъ неумѣренно пилъ вино, и упоминается мимоходомъ, какъ-то случайно. Въ варіантѣ г. Твердохлѣбова въ началѣ перечисленія преступленій Олексія Поповича стоитъ стихъ:

> У недаленьку рано порапею (пораненьку?)
> Солодкій медъ, винову горилку
> До сходъ-сонця пивъ-пидпивавъ.

Черта достойная замѣчанія. Нравственное чувство народа возмущается безобразнымъ обращеніемъ Олексія Поповича съ матерью, отцомъ, братомъ и сестрою. Нѣтъ, говоритъ нравственное чувство народа, Олексій былъ не въ своемъ умѣ, Олексій только въ пьяномъ видѣ могъ такъ обойтись съ матерью, и дума про Олексія Поповича удовлетворяла нравственнымъ понятіямъ народа.

Въ виду того обстоятельства, что скудные остатки кобзарства исчезаютъ съ каждымъ годомъ, желательно приведеніе ихъ въ извѣстность и изслѣдованіе въ подробностяхъ. Для генеалогіи южнорусской кобзы и ознакомленія съ историческимъ типомъ южно-русскаго бандуриста необходимо опредѣлить число кобзарей по мѣстностямъ, села, въ которыхъ они имѣютъ осѣдлость, и села, посѣщаемыя ими временно, главнѣйшія біографическія черты, какъ-то: когда и отчего ослѣпъ, бывалъ-ли въ городѣ, у кого выучился кобзарскому искусству и на какихъ условіяхъ. Существенный интересъ представляетъ обстоятельное разъясненіе современнаго отношенія крестьянъ къ кобзарю, его матеріальнаго житья-бытья и свойства и степени его вліянія на окружающихъ. Само собою разумѣется, что на пер-

вомъ планѣ должно стоять приведеніе въ извѣстность поэтическаго достоянія кобзаря: думъ, духовныхъ стиховъ, юмористическихъ пѣсенъ, преданій, легендъ и проч.,—съ соблюденіемъ всѣхъ особенностей выговора, всѣхъ темныхъ словъ и всѣхъ поясненій и указаній пѣвца.

Н. Ѳ. Сумцовъ.

Олексій Поповичъ[1]).

Якъ то на Чорному морю,
На билому камени,
На царськiй громади,
Громади козацькiй
Ясній сокилъ хвилить-прохвиляе,
Що на Чорному мори
Не добре, не гараздъ починае:
Судно козацькее
Молодецькее
На три части ёго разбивае:
Перву часть ухопило,
На Дунай кинуло—одбило;
Другу часть у турецькую землю
Кинуло—отбило,
Третю часть—въ область
Виры хрестіяньскои
По Чорному морю носило.
Тилько между ними
Старшины козацькои
Молодецькои,
Що бувъ старшиною
Грицько Коломійченко.
Тьманъ запорозьскій
До козакивъ словами
Та й промомляе:

[1]) Записалъ А. Твердохлѣбовъ со словъ пархомовскаго слѣпца Ильи Журавля, въ г. Ахтыркѣ, 1881 г. іюля 18.

«Вы-жъ, козаки,
Панове-молодци,
Добре вы дбайте:
На Чорному морю
Грихивъ вы не тайте!»
Тилько промижъ ними
Обизветьця
Олексій Поповичъ,
Тьманъ запорозьскій:
«Вы-жъ, козаки,
Панове-молодци,
Добре вы вчините:
Самого мене возьмите,
И червоною китайкою
Очи мои козацькіи,
Молодецькіи
Затмійте,
Самого-жъ мене
У Чорне море пустите.
Нехай буду я
Чорне море дарувати,
Нежели я маю за собою
Козакивъ много
Погубляти!»
Козаки тее зачували,—
Вси до Олексія Поповича
Словами промовляли:
«Ты-жъ, Олексію Поповичу,
Ты святе письмо
На день тричи читаешъ,
И насъ, простихъ козакивъ,
Хорошенько научаешъ».
А Олексій тое зачувае,
До козакивъ словами
Промовляе:
«Я святое письмо
На день тричи читаю

И васъ, простихъ козакивъ
Хорошенько поучаю,
Та все-жъ бильше грихивъ
Соби маю,
Що я самъ не добре,
Не гараздъ починаю...
У недиленьку рано пораненю
Солодкій медъ, винову горилку
До схидъ сонця
Пивъ—пидпивавъ,
У охотне висько
Волею пидъизжавъ.
За мною отець-мати
За ворота выбигали,
Мене, Олексія Поповича
Прошеніемъ прохали
И благали.
А самъ не добре,
Не гараздъ починавъ—
Отця, матиръ у груди
Стременомъ пробивавъ.
Старшого брата
За брата не мавъ,
Старшу сестру
Зборзе зневажавъ.
Менша сестра
За ворота выбигала,
Коня за стремена хватала
Мене, Олексія Поповича
Прошеніемъ прохала
И благала.
Я самъ не добре,
Не гараздъ починавъ—
И меншу сестру у груди
Стременомъ пробивавъ.
Мимо сорока
Церковъ пробигавъ,

Изъ себе шапки не здіймавъ
И отцовськои-матусиной
Молитвы николи
Не споминавъ.
Ото-жъ вы, козаки,
Найбильше той грихъ
На Чорному морю
Мене искаравъ,
Ще мимо громады
Я пробигавъ,
Старшимъ козакамъ,
Мужикамъ и жинкамъ
Шапки не здіймавъ,
Ще за городъ выбигавъ,
Своимъ конемъ добрымъ
Гравъ-выгрававъ,
Триста душъ маленькихъ
Дитокъ розбивавъ.
Ото-жъ вы, козаки,
Панове-молодци,
И той грихъ на Чорному
Морю мене испиткавъ.
Коли-бъ же мене
Отцевська-матусина молитва
На Чорному морю
Не втопила.
Якъ буде мене Господь
До матушки приношати,
Буду я и знати,
Якъ отця-неньку
У домивци чтити,
Шанувати и поважати».
Якъ ставъ Олексій Поповичъ
По чистій правди
Грихи сповидати,
Ставъ его Господь
На Чорному морю

Прощати:
Стала зла-велешня
Хвиля утихати,
Утихала, упадала,
Будьто вона неначе
Тутъ не бувала,
Усихъ козакивъ
До острова прибивала.
И уси козаки
На остривъ выхожали,
Великимъ дивомъ дивували,
Що черезъ Олексія Поповича
Ни одного козака
Не втеряли.
Ставъ Олексій выхожати,
Ставъ святое читати:
«Вы козаки, панове-молодци,
Послухайте, якъ оце
Святое письмо высвичуе:
Который чоловикъ буде
Отцевську-матусину молитву
У домивци читати,
И шанувати, и поважати,
Господь ему буде
На поли и на мори,
У купецьтви, у ремесьтви
На мишкавію помагати.
Который чоловикъ буде
Отцевську-матусину молитву
У домивци збарзе зневажати,
Самъ винъ не буде
Щастя и доли
Ни до вику не мати».
А мы довжни есмо
Тое спамъятати,
За которыми молитвами

И хлиба и соли уживати.
Вамъ, Боже, пошли
Всимъ на здоровья
На многи лита спувати (?).

НѢМЕЦКІЙ ТРИНГЕЛЬДЪ НА ЮЖНО-РУССКОЙ ПОЧВѢ.

Ничто не перенимается однимъ народомъ у другаго такъ охотно и легко, какъ хорошіе обычаи. Вездѣ есть бѣдный, трудящійся людъ и всюду онъ составляетъ огромное большинство; а для простаго, бѣднаго рабочаго что можетъ быть пріятнѣе обычая—сверхъ условленной платы за трудъ получить еще приплату, безъ особаго выпрашиванія, просто въ силу обычая, иногда даже безъ всякаго напоминанія? Въ этой формѣ богатый дѣлился своимъ избыткомъ съ бѣднымъ, щадя самолюбіе послѣдняго. Обычай *трингельда* шелъ также, какъ просвѣщеніе и цивилизація, съ запада на югъ, оттуда на сѣверъ. Въ Малороссіи онъ издавна извѣстенъ былъ подъ названіемъ *тринкала*[1]), позже измѣнился въ общерусское *на водку* или *на чай*, а въ Польшѣ удержался и доселѣ подъ характернымъ терминомъ: *na piwo*. Методичный нѣмецъ придумалъ для него норму, которую предъявляетъ при договорѣ, независимо отъ платы за проѣздъ или иную работу, а широкая славянская натура не любитъ стѣснять себя никакою нормою и платою. Въ Варшавѣ два богатые офицера держали пари, что если вмѣсто 25 коп. за курсъ дать извощику 25 руб., онъ все-таки попроситъ на пиво. Взяли *дружку* и проѣхали самый краткій курсъ. Предложившій пари офицеръ вынулъ 25 руб. и далъ *дружкаржу;* тотъ нѣжно поблагодарилъ и, осклабившись, прибавилъ: *spodziewałem się od pana ienerała ieszcze coś na piwo.* Офицеръ далъ двугривенный; дружкаржъ принялъ и снова поблагодарилъ.

Нѣчто подобное продѣлалъ простодушный малороссіянинъ-кучеръ и не съ кѣмъ либо изъ простыхъ смертныхъ, а съ строгимъ государемъ Николаемъ Павловичемъ. Вотъ что разсказывалъ мнѣ объ этомъ покойный мой отецъ.

[1]) См. «Кіевскую Старину» 1884 г., декабрь стр.

Въ началѣ сороковыхъ годовъ, въ одномъ изъ уѣздныхъ малороссійскихъ городовъ, получается заблаговременно официальное извѣщеніе о предстоящемъ проѣздѣ государя чрезъ уѣздъ по пути въ какой-то городъ для осмотра войскъ или военныхъ поселеній. Извѣстно, что тогда существовалъ единственный способъ скораго передвиженія—ѣзда на почтовыхъ, почтовыя-же станціи содержались по большей части помѣщиками и содержались хорошо. Но для высочайшихъ проѣздовъ собирались всегда и распредѣлялись по почтовымъ станціямъ собственныя лошади помѣщиковъ и другихъ обывателей, имѣвшихъ хорошихъ лошадей. Понятно, каждый поставившій лошадей почиталъ за особую честь и даже старался, чтобы его лошади, попали непремѣнно подъ экипажъ государя, а не свиты, курьеровъ или кухни. Собранныхъ лошадей долго объѣзжали, гоняли мимо костровъ и даже черезъ костры, пріучали къ ровной и полной рыси, которую такъ любилъ покойный государь, пускали ровнымъ шагомъ и во весь карьеръ. Предводитель дворянства того уѣзда, о которомъ рѣчь, богатый помѣщикъ, хлопоталъ, какъ и всякій, чтобы сдѣлать проѣздъ государя безопаснымъ и удобнымъ. Въ его-же домѣ предназначено было, по предварительно составленному росписанію, приготовить для государя вечерній чай. Еще за недѣлю до проѣзда государя, предводитель отправилъ на почтовую станцію четверку своихъ бурыхъ, извѣстныхъ какъ въ этомъ, такъ и въ сосѣднихъ уѣздахъ, со своимъ не менѣе-же извѣстнымъ кучеромъ Самойломъ, строго приказавъ ему: овса не жалѣть, лошадей ежедневно проѣзжать по той именно дорогѣ, по которой предстояло ѣхать государю, мѣстность изучать, чтобы и ночью, не качнувъ экипажа, всюду проѣхать и лошадей пріучить къ дружной ровной ѣздѣ, какъ-бы шибка она ни была. «Государь любитъ шибко ѣздить, говорилъ предводитель, но помни, вези осторожно, знай, кого везешь! Да еще: начальства слушай, что прикажутъ, исполняй».

— Добре пане, коротко на все отвѣчалъ Самойло.

Въ ожиданіи высочайшаго проѣзда предводитель не разъ самъ проѣзжалъ по станціямъ своего уѣзда, летали исправникъ и становые, осматривали, все-ли въ порядкѣ, и тутъ-же на мѣстѣ немедленно исправляли, если что находили нужнымъ. За день до пріѣзда государя прискакалъ фельдъегерь и передалъ, между прочимъ, распоряженіе, чтобы, при проѣздѣ государя ночью, была

соблюдаема всевозможная осторожность и чтобы ямщики не гнали лошадей вскачь. Исправникъ тотчасъ-же поскакалъ по всѣмъ станціямъ своего уѣзда; на каждой изъ нихъ созываетъ кучеровъ и приказываетъ везти государя какъ можно бережно и ночью лошадей отнюдь не гнать. «А если, заключалъ онъ вездѣ, ночью хотя одна лошадь будетъ пущена вскачь, кожу сниму».

Въ назначенный день, на станцію, гдѣ ожидалъ Самойло, пріѣзжаетъ государь, въ сумерки; живо перемѣнили лошадей. Самойло радостно, увѣренно вскочилъ на козлы, лихо, умѣло подобралъ возжи и весь обратился въ слухъ въ ожиданіи традиціоннаго «пошелъ». Съ мѣста тронули ровно. Сейчасъ со станціи дорога пошла въ гору, невысокую—но версты на полторы; лошади энергически, ровно, дружно берутъ; выѣхали на гору, осталось 22 версты по отличной, ровной, обсаженной по обѣ стороны деревьями, дорогѣ, по благодатной степи малороссійской. Взошла луна, ночь чудная, свѣтлая, хоть иголки собирай, какъ говорятъ въ Малороссіи. Самойло тщательно избѣгаетъ всякихъ неровностей, предупреждаетъ малѣйшіе толчки экипажа; лошади идутъ полной, шибкой рысью; впереди скачутъ баринъ его—предводитель дворянства, а за нимъ тутъ-же исправникъ. Проѣхали версты три, государь крикнулъ: «пошелъ». Самойло перевелъ возжи, цмокнулъ, но умѣло держитъ на возжахъ лошадей, чтобы ни одна не пустилась вскачь: впереди летитъ исправникъ, обѣщавшій за это кожу снять.. Немного погодя, государь опять крикнулъ: «пошелъ». Самойло снова повторилъ тоже понужденіе лошадей, но вскачь ни одной не пустилъ. Сидѣвшій съ государемъ въ экипажѣ генералъ, предполагая, что кучеръ не разслыхалъ царскаго приказанія, повторилъ отъ себя: «пошелъ»; повторилъ за нимъ тоже слово и сидѣвшій на козлахъ рядомъ съ Самойломъ камеръ-козакъ. Самойло за каждымъ повтореніемъ только переводилъ возжами, цмокалъ, но за всю станцію ни одной лошади вскачь не пустилъ.

Подъѣхали къ дому предводителя; государь вошелъ въ домъ, привѣтствовалъ хозяйку дома и гостей-дворянъ, собравшихся здѣсь для встрѣчи его. Послѣ нѣсколькихъ словъ, увидѣвъ съ балкона садъ, онъ пожелалъ пройтись по саду, но вспомнивъ, что кучеръ, не смотря на двукратное его: «пошелъ», все ѣхалъ также рысью, поручилъ флигель-адъютанту узнать причину. Флигель-адъютантъ, выйдя на

крыльцо, потребовалъ къ себѣ Самойла, и когда тотъ явился, произошло слѣдующее объясненіе.

— Ты везъ государя? спросилъ флигель-адъютантъ Самойла.

— А хтожъ-бы мигъ везти царя, якъ не я?—съ гордостію отвѣтилъ Самойло.

— Да, положимъ; но отчего ты тихо ѣхалъ?

— Якъ тыхо? вже кони швидче рысью не побижать.

— Отчего-же рысью? Ты вѣдь слышалъ, какъ государь говорилъ: пошелъ?

— А вжежъ чувъ, обы два разы чувъ: якъ царь казавъ, и якъ казавъ той генералъ, що зъ царемъ сыдивъ, и той ще, що зо мною сыдивъ.

— Отчего ты не гналъ шибко лошадей?

— Бо справныкъ не звеливъ.

— А кто старше: государь или исправникъ?

— А вжежъ царь, сказалъ удивленно Самойло.

— Отчего-же ты не послушалъ царя, а послушалъ исправника?

— Бо царь бувъ тай поихавъ, а справныкъ сказавъ, що шкуру здійме, якъ побачыть, що кони скачуть.

Флигель-адъютантъ, возвратившись и найдя государя гуляющимъ въ саду веселымъ и милостиво бесѣдующимъ съ дворянствомъ, докладываетъ ему подробно объясненіе Самойла. Бывшій при этомъ лейбъ-медикъ объясняетъ государю, что распоряженіе исправника о томъ, чтобы кучера не гнали лошадей ночью, сдѣлано по его предупрежденію, во избѣжаніе несчастныхъ случаевъ. Государь поинтересовался выслушать самого кучера. Является Самойло.

— Разскажи-ка, [illegible]тъ [illegible]у государь, какъ это ты не послушалъ меня, а послушалъ исправника.

— А що-жъ, ваше царськее величество, отвѣчалъ Самойло, низко поклонясь. Истинно такъ було: наказували мени мій панъ и справникъ скильки разъ, щобъ визъ ваше величество бережно, доброю рысью въ ночи и щобъ кони не скакали; мы-жъ съ дытынства пріучени слухать своихъ панивъ и начальства. Воны то вже знають, що приказують, а я якъ-бы смивъ не послухаться ихъ? А борони Боже въ ночи якои оказіи!

Оставшись видимо довольнымъ такимъ отвѣтомъ, государь, подзывая ближе къ себѣ Самойла и подавая ему полуимперіалъ, говоритъ:

— Спасибо тебѣ, что ты такъ заботился обо мнѣ; молодецъ, что слушаешь и точно исполняешь приказаніе своего барина и начальства; я люблю такихъ.

Самойло, приблизился къ государю со сложенными ладонь на ладонь руками, какъ складываютъ ихъ крестьяне въ церкви, при полученіи отъ священника просфоры, принялъ поданный ему полуимперіалъ, поклонился низко до землй и говоритъ:

— Оце-жъ я сёго золотого буду держать, якъ святую дару, поки мого й вику, и дитямъ и внукамъ закажу. Покорнише благодарю ваше величество.

Слова эти сказаны были Самойломъ съ такимъ искреннимъ чувствомъ и такимъ трогательнымъ голосомъ, что невольно привлекли къ нему сочувственный и одобрительный взглядъ какъ самаго государя, такъ и всѣхъ присутствующихъ; но, отступивъ нѣсколько шаговъ назадъ и глядя на государя съ безпредѣльною радостью, Самойло вдругъ сказалъ:

— Ваше величество! пожалуйте кучеру на водку, бо якъ-же не выпить зъ такои радости?

Государь пристально взглянулъ на Самойла и громко сказавъ: «молодецъ!», отъ души расхохотался; потомъ обращаясь къ хозяину дома, сказалъ: «это кажется твой кучеръ? позволь мнѣ съ нимъ проѣхать еще станцію». Хозяинъ отвѣчаетъ, что онъ очень счастливъ тѣмъ, что государю понравился его кучеръ. Тогда государь, подавая Самойлу ассигнацію, говоритъ:

— Вотъ-же тебѣ на водку, но я хочу еще съ тобой проѣхать, если ты не усталъ.

— Ге! отвѣчаетъ забывшійся отъ радости Самойло; съ царемъ та щей съ такимъ, та я й до Кременчуга не замучусь.

— А сколько верстъ до Кременчуга?

— Сто двадцать, отвѣчаетъ Самойло.

— А дорогу ты знаешь?

— А-же въ церкви читаютъ: Господь умудряе слипцивъ; то й мене умудрить довезти свого царя бережно и благополучно ажъ до самаго Кременчуга.

— Хорошо; ступай, поѣдешь! заключилъ государь и, обращаясь къ хозяину дома и присутствующимъ, произнесъ:

— Я весьма радъ былъ выслушать все это; благодарю тебя, что

ты съумѣлъ внушить такія убѣжденія, достойныя похвалы и подражанія дворянамъ, которыхъ ты достойный подражатель. Если-бы такія убѣжденія всѣ проводили, то никакія враги небыли-бы намъ страшны.

Предводитель дворянства и присутствующіе глубоко поклонились. Государь напился чаю, поблагодарилъ хозяевъ и уѣхалъ съ Самойломъ до Кременчуга.

С. Бѣлинскій.

ДВА ПИСЬМА Б. ХМЕЛЬНИЦКАГО КЪ П. САПѢГѢ, ВОЕВОДѢ ВИЛЕНСКОМУ, ГЕТМАНУ ЛИТОВСКОМУ [1]).

1.

Ясневельможный, милостивый панъ воевода виленскій, нашъ весьма милостивый панъ и пріятель!

Хотя мы поддерживали междоусобіе, но и у насъ не было иного твердаго намѣренія, какъ чтобы водворить послѣ продолжительной распри въ Рѣчи Посполитой желанный порядокъ и возвратить и себѣ утраченный во время военныхъ дѣйствій покой и здоровье. Но злорадные и непріязненные люди не могли видѣть такого сильнаго желанія нашего—распря разрослась и причиняла бѣдствія обѣимъ сторонамъ, а враги глумились и радовались. Не дай Богъ, чтобы мы находили удовольствіе въ такомъ тяжеломъ положеніи дѣлъ, потерявши столько рыцарей и состояній; но мы преслѣдуемъ неразумныхъ, тайно слѣдящихъ за нами, и искореняемъ такія вещи петлей. Теперь, когда Всемогущій Богъ направилъ сердца вельможнаго панства къ тому, чтобы объявить намъ свои желанія и узнать обратно наши, мы благодарны

---

[1]) Подлинники сообщаемыхъ писемъ, писанныхъ по польски, хранятся въ Познани, въ публичной библіотекѣ, основанной гр. Эдуардомъ Рачинскимъ. Оба письма отвѣтныя и писаны, какъ видно, по поводу нареканій на Хмельницкаго, вызванныхъ подданствомъ его царю московскому и послѣдовавшею за тѣмъ войною, въ частности разореніемъ Быхова. Хмельницій оправдывается, держится на высотѣ своего положенія, не предвидя, чѣмъ кончатся засѣданія виленской коммиссіи, открытой въ томъ-же 1656 г. Извѣстно, что въ сентябрѣ этого года московскіе послы заключили въ Вильнѣ съ полномочными Рѣчи Посполитой трактатъ, по которому, между прочимъ Рѣчь Посполитая обязывалась, по смерти Яна Казиміра,

за таковыя къ намъ отношенія; но, будучи весьма за это благодарны, объявляемъ однако, что не согласимся и не примемъ ничего, чтобы было сколько нибудь связано съ униженіемъ и пренебреженіемъ вольности нашей. Чтобы соблюсти уваженіе къ его милости царю московскому, мы извѣщаемъ его о всѣхъ нашихъ предпріятіяхъ для взаимнаго совѣта, такъ и теперь мы не преминемъ дать знать ему съ запросомъ, какого мнѣнія угодно будетъ ему держаться въ настоящемъ дѣлѣ. Мы будемъ ожидать извѣщенія, какого взгляда держится онъ относительно пунктовъ виленской коммиссіи, и съ своей стороны будемъ держаться упомянутаго соглашенія и сдадимся на его милость царя, дабы только не впасть въ рабство, котораго не желаетъ себѣ послѣдній изъ народовъ. О насъ же, вельможный панъ, будьте того убѣжденія, что мы какъ прежде не были причиной бѣдствій государства, такъ и теперь тяжко печалимся о его распаденіи и желаемъ, чтобы Богъ соизволилъ помочь и полѣчить его разумъ. Отецъ Тукальскій хотя не упоминаетъ въ своихъ молитвахъ благодѣяній милостиваго пана, но мы особенно благодаримъ за нихъ и готовы воздать тѣмъ-же при удобномъ случаѣ; что видно милостивому моему пану изъ того, что мы приказываемъ нашимъ воздерживаться. Доброе расположеніе къ войску запорожскому антецессоровъ и самого милостиваго моего пана мы можемъ сами засвидѣтельствовать; однако на мнѣ невинномъ тяготѣетъ жалоба вашей милости, вельможнаго, милостиваго моего пана относительно Быхова, яко-бы онъ былъ нами утѣсненъ и присилованъ поддаться намъ: этимъ самымъ, открывающимъ самое сокровенное въ сердцѣ, свидѣтельствуемъ, что, ей Богу, какъ насъ добровольно просили о покровительствѣ, такъ и были благосклонно приняты, не испытавши, вслѣдствіе той своей добровольности, никакой обиды. А какъ скоро Богъ Всемогущій умиротворитъ распрю и приведетъ къ справедливому окончанію, то меньше будетъ неудовольствія

избрать на польскій престолъ Алексѣя Михайловича, а Алексѣй Михайловичъ, считая уже Польшу какъ бы своимъ достояніемъ, обѣщался защищать ее и обратить оружіе противъ шведовъ, бывшихъ своихъ союзниковъ. Хмельницкій послалъ было на виленскій съѣздъ своихъ пословъ, которые должны были говорить въ пользу южной Руси, но коммиссары царя Алексѣя Михайловича напомнили имъ, что Хмельницкій и козаки—подданные, а потому не должны осмѣливаться подавать голосъ тамъ, гдѣ рѣшаютъ ихъ судьбу посланники государей. Они принуждены были уѣхать, еще до окончанія переговоровъ.—Н. С.

и по поводу Быхова. Повторяя, что мы не можемъ быть клятвопреступниками его царской милости, будетъ ожидать его воли. Остальное поручили мы пану Речковскому передать устно, чрезъ котораго поручаемъ себя ласкѣ вашей вельможности, милостиваго моего пана. Данъ въ Чигиринѣ 24 апрѣля 1657 г.

Богданъ Хмельницкій, гетманъ войска запорожскаго.

2.

Ясневельможный, милостивый панъ воевода виленскій, панъ весьма милостивый панъ и пріятель!

Всегда мы желали того-же, чего и теперь желаемъ, чтобы кровь христіанская не проливалась въ междоусобіяхъ и чтобы процвѣталъ желанный покой послѣ таковыхъ бурныхъ замѣшательствъ и непотребныхъ среди христіанъ распрей, какъ то скромно свидѣтельствуютъ намъ давнія времена. Мы приказали своимъ войскамъ расположиться на той сторонѣ Днѣпра, однако собираніе необходимаго продовольствія не можетъ не быть соединено съ отягощеніемъ обывателей, и мы не можемъ этого устранить до тѣхъ поръ, пока не кончитъ своихъ занятій коммиссія, для участія въ которой и отъ насъ отправлены послы. Мы надѣемся на милосердіе Божіе, что коммиссія устранитъ всѣ причины распри и научитъ и насъ управлять краемъ. Поручаемъ себя вашей памяти и пріязни. Данъ въ Чигиринѣ 7 октября 1656 г.

Богданъ Хмельницкій, гетманъ войска запорожскаго.

Сообщ. **Н. В. С—ко.**

ИЗЪ НАРОДНЫХЪ РАЗСКАЗОВЪ О СЛОБОДСКО-УКРАИНСКИХЪ ПОМѢЩИКАХЪ.

Все мое дѣтство, до поступленія въ гимназію, провелъ я въ деревнѣ, но и потомъ, пріѣзжая домой на каникулы и помогая отцу въ хозяйничаньи по имѣнію, я имѣлъ постоянное общеніе съ народомъ, отъ котораго приходилось слышать много преданій и разсказовъ о прежней жизни и порядкахъ въ б. Слободской Украинѣ. Воспроизвожу, какъ сохранила моя память, разсказъ о моихъ собственныхъ предкахъ, слышанный мною отъ одного глубокаго старика изъ крестьянъ.

«Дидъ стараго пана, а вашъ бы то прадидъ бувъ чоловикъ соби не абы якій. Винъ, та оце дидъ Квитковскаго [1]), та ще хтось третій, а хто, я й знавъ, та забувъ, держали тутъ по ричци Красний [2]) оборону видъ татарвы. Оце по цей бикъ була земля наша, а ото по той бикъ татарська. Татарва що часу набигала до насъ, тутъ людей було омаль, а хуторивъ и зовсимъ не було,—все степъ, то во вона и чимчикувала до насъ за-для грабування; а що було награблять, то мерщій переправляють на свій бикъ; а дуванять межъ собою отъ тамъ саме, де теперь Нижня Дуванка и Верхня Дуванка [3]); черезъ то и села ти такъ звутся. Такъ оце вашъ прадидъ Грицько Катруха, та Квитковскій, та ще й той панъ, що я ёго забувъ, берегли людей видъ тіеи татарвы, и були вони найстаршими, бо пидъ ними були козаки. За те имъ и надано одъ царя земли, скильки за день конемъ объидешь. У вашого дида було, кажуть, висимнадцять тысячь десятинъ земли. Вашого дида и мій батько не памьятавъ, а зазнавъ тилько его жинку. Дидизна була, каже, людина добра и прôста. Земли у еи було, якъ казавъ, багато, а людей, цебъ то крестьянъ, не совсимъ, та їй и байдуже, бо вона жила смирно, ходила и одягалась, якъ отъ и теперъ наши молодици, у очипку та намитци. Жила вона оттамъ пидъ горою, де велики горныци и теперъ стоять. Кожна симья, або двиръ повинни були що день приносити ій чого попоисти; оттимъ тилько вона и годувалась. Було у еи коней багато, такъ табунами и ходили безъ лику по степу. Купували цихъ коней до виська. Якъ прыиде було ахфицеръ, та сторгуеця зъ панію, то вона й дасть тамъ яку хустку або що, шобъ винъ показавъ табунщикамъ, тай бравъ, скилько ёму треба. Було у неи три сыны, цебъ то вашъ дидъ Олександеръ Григоровичъ, та Евтихій Григоровичъ и Андрей Григоровичъ. Були вони вси въ царськи службі ахвицерами. Якось отписала стара паня до ихъ, щобъ вони кидали службы, та їхали до дому хазяинувати, бо вона вже стара стала, не здужала. Отъ попрыиздили вони; всего имъ хочеться: и чаю, и тютюньцю, и вина, а въ неи ничого сёго не було та й грошей не дае. Змагались, коились вони

---

[1]) Квитковскій землевладѣлецъ харьк. губ. купянскаго уѣзда.

[2]) Рѣка Красная—притокъ Оскола, впадающаго въ Донецъ.

[3]) Нижняя Дуванка и верхняя Дуванка большія села купянскаго уѣзда харьковск. губ. лежатъ на правомъ берегу рѣки Красной.

зъ нею, ажъ поки не вмерла, а потимъ якъ зачали хазяинувати, такъ зъ висимнадцати тысячъ десятинъ зосталось тильки шисть тысячъ, а то все попроживали у Харькови.

Олександеръ та Андрій були соби паны ничого, поводились, якъ слидъ, зъ людьми, тай по соби почесно жили. А що вже Евтихій, такъ це бувъ правдивый гайдамака, Позаводивъ злодіивъ зъ своихъ хрестьянъ и нихто було не проиде, не пройде, щобъ вони не ограбували. Оце було, якъ ничь, то винъ уже на великимъ шляху и стереже. Людности не було ни якои, сама степъ, то имъ було и вильно. Не одинъ тилько винъ и розбийникувавъ, було ихъ чимало.

Грабувавъ Евтихій и суду надъ имъ ниякого не було, а що зъ хрестьянами робивъ, такъ якъ разсказують, то ажъ волосья до горы лизе. До смерти забивавъ. Було бьють, бьють, та ще розсоломъ, або горилкою зачнуть поливати, поки чоловикъ обомліе, а потимъ одкачають, або пидождуть день—два, поки очуняе, та упъять, та оттакъ ажъ до смерти забивали. А що вже було дивчата, такъ не одна замижъ чесною не вийшла, такій, простить, бувъ катюга. Ну, тай смерть-же соби заробивъ катівську. Терпили, терпили люде, а дали зибрались бабы та дивки, та й задавили его подушками.

Отъ ще, нехай царствуе, ваша ридна таки бабуся Марьяна Ахванасьевна—Боже, яка люта, та немилосердна була до людей. Було роздягнуть дивчину, чи молодыцю, такъ якъ мати породила, обмажуть медомъ, та й привъяжуть у литку на сонце до стовба, щобъ іи бжолы кусали, або якъ що горнычна зробить не такъ, то возьме голку, або вилку, тай почне колоти видъ ногти.

Отъ таке то було, та все, хвалити Бога, минуло. Довелось всёго покуштовати».

А. Катрухинъ.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ О МАНЕВРАХЪ ПОДЪ ЕЛИСАВЕТГРАДОМЪ.

На мѣстахъ, гдѣ ютились нѣкогда запорожскіе курени и хутора, гдѣ простота граничила съ дикостію, гдѣ бѣдность лишь по временамъ наряжалась въ золото и серебро, добытыя кровью, гдѣ

не было да и не могло быть, по причинѣ вѣковой, племенной борьбы, никакой гражданственности, гдѣ черныя тучи саранчи смѣнялись такими-же тучами ордъ татарскихъ и люди, какъ насѣкомыя, пожирали другъ друга,—мнѣ, ближайшему и прямому потомку запорожцевъ, пришлось видѣть иные порядки, иныя формы и условія жизни ихъ внуковъ и правнуковъ, глядѣть на вспаханныя дикія поля, наблюдать бытъ военныхъ поселеній, любоваться стройнымъ движеніемъ кавалерійскихъ и пѣхотныхъ полковъ и самому въ немъ участвовать.

Елисаветградъ, Вознесенскъ, Чугуевъ памятны всѣмъ военнымъ служакамъ временъ императора Николая Павловича. Не проходило года, чтобы тамъ или здѣсь не собирались громадныя массы военныхъ силъ, не производилось маневровъ, смотровъ и ученій. И всюду на нихъ носилась величавая фигура императора Николая Павловича. Часто объ немъ говорятъ и пишутъ теперь, нерѣдко обращая его въ жертву искупленія, но предъ благородною тѣнью его видится мнѣ исторія со своими скрижалами, а не всхлипывающіе патріоты, желающіе дѣлать исторію... Чѣмъ болѣе собрано будетъ о немъ всякаго рода, подъ часъ мелкихъ, незначительныхъ разсказовъ, тѣмъ болѣе уяснится намъ его грандіозная и во всякомъ случаѣ благородная личность. Вотъ нѣсколько моихъ о немъ воспоминаній изъ времени маневровъ подъ Елисаветградомъ.

Первыя однако впечатлѣнія мои о покойномъ императорѣ Николаѣ Павловичѣ относятся ко времени воспитанія моего въ 1 кадетскомъ корпусѣ въ Петербургѣ, въ 30-хъ годахъ. Изъ лагеря подъ Краснымъ Селомъ мы, кадеты, часто ходили гулять въ садъ дворца Александріи, привлекаемые угощеніями, которыя высылались зачастую изъ дворца... Случалось, что государь самъ угощалъ насъ и милостиво съ нами разговаривалъ...

Не далеко портала дворца была утверждена мачта со всѣми морскими принадлежностями; говорили, что тамъ станетъ обучаться будущій генералъ-адмиралъ, котораго тогда еще носили няньки, а пока мы не возбранно лазили по снастямъ.

Однажды императоръ, проходя мимо этихъ гимнастическихъ снарядовъ, вылѣзъ на сѣтку окружающую мачту и кликнувъ насъ, сказалъ: «гг., я лягу, а вы подымите меня»... Цѣлою массою взлетѣли мы на сѣтку и начали тормошить императора... Кончилось

тѣмъ, что онъ пошолъ во дворецъ въ порядочно изорванномъ сюртукѣ...

Въ другой разъ, послѣ изряднаго угощенія въ Александріи, государь поставилъ насъ въ положеніе болѣе трудное, изъ котораго мы вышли, благодаря его крайней снисходительности и любви къ намъ дѣтямъ. Когда онъ вышелъ изъ дворца и поздоровался съ нами, ему подали шляпу и подвели извѣстнаго намъ монументальнаго гнѣдого коня... Государь сѣлъ и прощаясь съ нами, сказалъ:

— Гг.! вы тутъ попиваете чаёкъ, а въ лагеряхъ тревога.

— Ваше величество! мы не поспѣемъ; насъ распустили; ничего не сказали, зажужжала толпа кадетъ...

— Какъ вы можете говорить, что не поспѣете? я васъ предупредилъ... У васъ ноги молодыя, живо добѣгите въ лагерь!...

— Ваше величество! вы изволите ѣхать верхомъ, а мы пѣшіе, у насъ нѣтъ физической возможности поспѣть во время, доказывали мы государю на ходу...

— А я чѣмъ виноватъ?... У меня есть конь,—ѣду верхомъ; у васъ лошадей нѣтъ—бѣгите, говорилъ императоръ серьезнѣйшимъ образомъ...

Между тѣмъ вокругъ государя стояла туча кадетъ, словно высыпавшій рой... Объясняясь съ императомъ, кадеты приблизились къ лошади до того, что стѣснили ее совсѣмъ и она едва могла двигаться. Кто держалъ за поводья мундштука, кто за трензеля, кто за путлища и стремена, даже ноги государя, кто но больше, за хвостъ лошади, и величественная, серьёзная фигура императора двигалась въ этой оригинальной процессіи шагомъ во всю дорогу, чуть-чуть не до линеекъ лагерей... Тамъ кадеты во всю прыть пустились въ разсыпную. Государь подскакалъ къ первому барабанщику, велѣлъ ударить тревогу; подхватили другіе барабанщики, трубачи, хоры, поднялась въ лагерѣ невообразимая сумятица, и благодаря всему этому, мы во время попали въ строй...

Однажды государь пріѣхалъ въ корпусъ съ какимъ-то посланникомъ. Это случилось во время обѣда. Въ столовой находился и нашъ экономъ, извѣстный нѣсколькимъ поколѣніямъ кадетъ, статскій совѣтникъ Андрей Петровичъ Бобровъ. Это былъ старикъ одинокій, непостижимой доброты и терпѣнія человѣкъ, умершій послѣ моего выпуска изъ корпуса. Онъ, по словамъ моихъ послѣ-

дующихъ однокашниковъ, не оставилъ послѣ себя буквально ни гроша и былъ похороненъ на счетъ казны... Государь, увидѣвъ Боброва, сказалъ посланнику по французски: «рекомендую необыкновенную рѣдкость, честнаго эконома»...

Читатель проститъ мнѣ, что, увлекшись воспоминаніями, я отклонился отъ предмета моего разсказа. Выпущенный изъ корпуса офицеромъ, я скоро перешелъ въ кирасиры, чтобы служить ближе къ имѣнью отца. Въ 1842 г. состоялся возлѣ Елисаветграда высочайшій смотръ, на которомъ пришлось мнѣ быть въ качествѣ полковаго адъютанта. То было время такъ называемыхъ «боевыхъ порядковъ кавалеріи»; мы стояли въ «четвертомъ» боевомъ порядкѣ. Государь объѣхалъ корпусъ (2-й резервный кавалер.), и раздалась команда: «стройся въ первый боевой порядокъ третій полкъ (нашъ, малороссійскій, кирасирскій) въ первую линію». Я тотчасъ ускакалъ на линію занимать мѣста. Полки всколыхались и третій дивизіонъ нашего полка (5 и 6 эскадронъ) удвоенною рысью потянулся къ лѣвому флангу линіи. Дивизіею командовалъ генералъ Гринвальдъ, бригадою генералъ Александръ Григорьевичъ Сомовъ. Послѣдній ужасно боялся императора, хотя былъ извѣстенъ ему лично и хорошо: въ 1826 году, вмѣстѣ съ Орловымъ, онъ первый прискакалъ со своимъ эскадрономъ на адмиралтейскую площадь... Генералу Сомову вообразилось, что дивизіонъ движется неправильно и онъ, подскакавъ къ командиру 6-го, фланговаго эскадрона, моему брату, сказалъ, что онъ не туда ведетъ эскадронъ. Братъ сказавъ на скаку: «прошу васъ генералъ оставить все на мою отвѣтственность» и не ожидая отвѣта, полетѣлъ съ своимъ эскадрономъ во весь карьеръ. Когда войска установились и вѣтеръ пронесъ ужасающую пыль, оказалось, что командиръ 6 эскадрона былъ правъ, а 5 эскадронъ, сбитый съ толку генераломъ Сомовымъ, оказался изломаннымъ и стоялъ не на мѣстѣ. Этимъ эскадрономъ командовалъ вѣчно раздушенный, съ манжетами, ротмистръ Б. Ѳ. Скляревичъ, умѣвшій лучше танцовать и любезничать... Увидѣвъ это, императоръ помчался во всю силу великолѣпнаго скакуна и подскакавъ къ командиру, закричалъ: «Куда завелъ эскадронъ? И ты ротмистръ? Ты рохля, а не ротмистръ!»

Другой случай тоже съ нашего полка ротмистромъ Харпскимъ. Не знаю, какую-то чепуху сочинилъ предъ государемъ нашъ ходя-

чій иконостасъ, какъ мы въ шутку называли ротмистра, грудь котораго была увѣшана множествомъ русскихъ и иностранныхъ орденовъ и медалей... Подскакавшій къ нему государь сказалъ:

— Скажи, ради Бога, гдѣ и за что ты нахваталъ столько наградъ, когда и эскадрона поворотить не умѣешь?

— Я былъ адъютантомъ у генерала Муравьева (впослѣдствіи Амурскаго), отвѣчалъ растерявшійся ротмистръ.

— Это и видно, произнесъ государь и поскакалъ далѣе...

Не далеко отъ злосчастнаго Харпскаго стояла батарея. Какъ на бѣду, при приближеніи императора, подручная дышловая орудійная лошадь стала бить ногами. Напрасно усмиралъ её ѣздовой, лошадь сумашествовала. Довольно сѣдая, высокая фигура командира батареи стояла верхомъ неподвижно передъ батареею. Вся грудь стараго капитана, тоже какъ у Харпскаго, была покрыта крестами, между которыми ясно выдѣлялись два георгіевскіе. Подъѣзжая къ нему, государь строго произнесъ:

— И ты вѣрно былъ адъютантомъ?!...

— У этого единорога (орудія) 25 лѣтъ, ваше величество,—отвѣтилъ суровый артиллеристъ.

Государь посмотрѣлъ на капитана во всѣ, что называется, глаза, и, не сказавъ ни единаго слова, поѣхалъ шагомъ по линіи.

Наконецъ въ послѣдній день назначены маневры около крѣпости. Посланы диспозиціи и—маневры начались. Нашимъ отрядомъ командовалъ извѣстный Ерофеичъ, т. е. гр. Д. Е. Сакенъ. Я служилъ долго, и всегда во фронтѣ, подъ командою этого крайне требовательнаго командира и, не смотря на то, что я не пользовался его расположеніемъ, кажется, за рѣзкіе и своеобразные отвѣты, утверждаю, что графъ былъ и свѣдущій и талантливый генералъ, и рѣшаюсь перечить геніальному писателю и храброму волонтеру, графу Толстому, подшучивавшему надъ безстрашнымъ комендантомъ Севастополя. Въ день маневровъ, начальникъ нашего отряда быстрыми и никѣмъ не предвидѣнными движеніями разстроилъ всѣ предположенія военнаго ареопага, и затѣйливый маневръ долженъ былъ провалиться крайне быстро, за уничтоженіемъ и малѣйшей возможности возстановить ученыя комбинаціи. Осталось одно: трубить отбой! Императоръ потребовалъ къ себѣ графа... Маленькій, худощавый, съ тусклыми, прикрытыми глазами, вертлявый человѣ-

чекъ, съ Георгіемъ на шеѣ, подскакалъ къ нему на своей бѣлой лошадкѣ.

— Сакенъ! сказалъ ему государь; я не могу не отдать справедливости твоему отличному знанію своего дѣла.

При этомъ императоръ сдѣлалъ изъ своихъ рукъ носъ и, обращаясь къ князю Орлову, сказалъ: «Орловъ, приставь свою ногу».

Говорили, что изъ Вознесенска императоръ прислалъ корпусному командиру награду,—табакерку; но графъ Сакенъ что-то не хвалился наградою, хотя я былъ принимаемъ хорошо въ его домѣ во всю службу мою подъ его командою и послѣ—въ помѣстьѣ...

Ф. П—нъ.

ИЗЪ ПИСЬМА ВЪ РЕДАКЦІЮ.

Въ дополненіе къ помѣщеннымъ въ майской книжкѣ «Кіевской старины» за 1884 г. разсказамъ о набѣгахъ татаръ, предлагаю сходный разсказъ о томъ-же явленіи въ исторической жизни южной Руси, записанный мною въ этомъ году отъ одной женщины близъ села Лебедина (кіевской губерніи, чигиринскаго уѣзда) и рисующій переполохъ, какой производило въ населеніи извѣстіе о появленіи татаръ.

«Прийде було горда, передавала разсказчица, попалють геть усе, поризуть, побьють тай пидуть; тильки земля чорна останеться. Десь туди до Шполы (мѣст. звенигородскаго уѣзда) и доси есть мисто, а може вже ёго розорали, де стояла высока, высока виха; якъ тильки покажеться горда, заразъ виха и повернеться у той бикъ, куды вона йде—заразъ уси утикають у лисъ, кидають и печене и варене. Цилый день бувало дивляться на виху; позакопують у землю де-що лучче: кожухи, свитки, щобъ потимъ прийти, то хочъ було у що одиться. Звистно, дума соби чоловикъ: прийду, то хочъ усе буде попалено, а всежъ таки по дереву якому небудь знайду мисце. Хлиба вчинить бувало боятьця; дидъ мій напикъ три мишки корживъ, та давай зъ бабою складати на визъ де-що саме главне; наклали вони три возы; коли дивляться, а виха у цей бикъ повернулась; дидъ за коржи; баба зъ переляку забула де вона ихъ поклала; дидъ на визъ, давай скидать зъ возу клунки, свитки... геть чисто визъ роскидавъ, ажъ на самимъ споди найшовъ коржи; мерщій бабу

за руку, коржи на плечи, та втикать...; геть усе покидали: и хату, й волы, й коровы—вони були сильно багати. Усе село порозбигалось, а одна жинка тилько що родила, не здужала утикати тай осталась. Вонажъ то и росказувала: якъ прийшли, давай усе палить; повырывали, де що було въ земли позакопувано; щось таке вивьмуть тай запустять, а воно гуде та рые землю; все, що тамъ е, найде; тильки одны ямы поостаються. Пришли до тои жинки у хату, та іи не тронули, бо вони такихъ (що тилько що родили) не трогають, а дитей взяли, поставили коло стинки тай придавили лавою; кровъ ротомъ и носомъ пишла—подавили. Вона бидна сидить ни жива, ни мертва, звистно якъ уже тамъ матери дивиться на дитей; а дали, якъ пройшли, вже вбига одинъ: «Марушка», каже, тай показуе, щобъ та дала напиться; вона, вже якъ тамъ здужала, пидвелась и повела его у погрибъ; а тамъ стояла велика дижка, зъ буряками чипцо; «нахились», каже, тай показуе—щобъ винъ нахилився; винъ тильки що нахилився у дижку, а вона его за ноги та туды, тай утопила. Отто черезъ яке тамъ время дидъ зъ бабою вернулись голодни, голисеньки, якъ бубонъ; у дида ни сорочки, ни штанивъ, ничого, пишли у свій погрибъ, знайшли тамъ платы, котрыми вкривають дижки, та баба сшила дидови сорочку, а соби спидницю. Довго, довго довелось имъ бидувати, поки розбагатили. Писля того выбрали люди «членивъ», найрозумнишихъ-чи що; списали бумагу, щобъ помилували, взяли хлибъ, силь и пишли до Шполы, де стоявъ той главный, що гордою заправлявъ; упали на вколишки; заклялись, що нихто не буде трогать. И доси, мабуть, кипець не выбили, що такого и такого году просили замиреніе».

Сообщ. **М. Васильевъ.**

ЖУРНАЛЬНО-ГАЗЕТНЫЯ СТАТЬИ И МАТЕРІАЛЫ ПО ЮЖНО-РУССКОЙ ИСТОРІИ.

При существованіи нашего журнала, спеціально посвященнаго мѣстному, южно-русскому отдѣлу отечественной исторіи и этнографіи, статьи и матеріалы по этому предмету встрѣчаются нерѣдко и въ другихъ журналахъ, особенно историческихъ, и отчасти въ газетахъ. Чтобы дать возможность тѣмъ изъ нашихъ читателей, которые, интересуясь всѣмъ новымъ по части мѣстной исторіи, не могутъ слѣдить за тѣмъ, что появляется въ другихъ изданіяхъ, мы,

независимо отъ обзора отдѣльно выходящихъ книгъ, признаемъ полезнымъ время отъ времени сообщать краткія свѣдѣнія о тѣхъ статьяхъ и матеріалахъ по южно-русской исторіи, которыя появляются въ другихъ періодическихъ изданіяхъ, не только русскихъ, но, по возможности, и польскихъ. Такія сообщенія могутъ достигать и другой цѣли— сосредоточивать свѣдѣнія по южно-русской исторіи въ одномъ изданіи, что облегчитъ труды занимающихся этимъ отдѣломъ отечественной исторіи. На этотъ разъ мы остановимся на спеціально-историческихъ журналахъ: «Русской старинѣ», «Историческомъ вѣстникѣ» и «Русскомъ архивѣ». Въ истекшемъ году они дали лишь незначительный матеріалъ по занимающему насъ предмету.

Въ «Русской старинѣ», при ея богатомъ содержаніи вообще, южно-русской исторіи было посвящено нѣсколько случайныхъ замѣтокъ. Таковы статьи: «Иванъ Ѳедоровъ, московскій первопечатникъ. Пребываніе его во Львовѣ, 1573—1583 гг.» (мартовская книжка) и «Взаимныя отношенія Руси и Польши до половины XIV стол.» (іюльская). Первая написана по поводу 300-лѣтняго юбилея Ѳедорова, исполнившагося въ 1883 году. Авторъ, г. С. Л. Птащицкій, имѣлъ возможность работать во львовскихъ архивахъ и извлекъ изъ нихъ документы, относящіеся ко времени пребыванія Ѳедорова во Львовѣ въ десятилѣтній періодъ отъ 1573—1583 г. Извлеченные и обработанные г. Птащицкимъ документы знакомятъ насъ съ обыденною жизнью и обстановкой русскаго первопечатника: съ кѣмъ и какъ заключалъ онъ сдѣлки по продажѣ книгъ и покупкѣ типографскихъ матеріаловъ, какія препятствія встрѣчалъ въ чужомъ городѣ, на какія суммы велъ свои дѣла и проч. Въ документахъ Ѳедоровъ носитъ названія: *Iwan Fedorowicz Impressor Rutenus, Iwanus Impressor litterarum rutenicalium.* Много затрудненій пришлось перенести Ѳедорову во Львовѣ, прежде чѣмъ дѣло его стало на ноги. Цеховое устройство тамошняго общества дало себя чувствовать печатнику, и именно по случаю найма рабочаго столяра. Пришлось обращаться за разрѣшеніемъ дѣла въ городской совѣтъ, дать разныя обязательства, и все-таки вооружить противъ себя требовательный цехъ. Значительная часть разсматриваемой статьи посвящена описанію мелкихъ денежныхъ сдѣлокъ, которыя приходилось дѣлать Ѳедорову при скудости средствъ. Не смотря на разныя неудачи, Ѳедоровъ оставилъ сыновьямъ значительное по тому времени

состояніе. Можемъ подвести итогъ имущества Өедорова, говоритъ авторъ (стр. 475), въ моментъ его смерти. Сумма протестованныхъ и обезпеченныхъ на имуществѣ долговъ равнялась 1,561 зл., сынъ продалъ книгъ на 380 зл., права свои на наслѣдственное имущество уступилъ за 500 зл., отъ бумажнаго фабриканта имѣлъ ко взысканію 100 зл., отъ протопопа Нестора въ Заблудовѣ 15 литовскихъ копъ, т. е. 37½ зл. Такимъ образомъ все имущество Өедорова ко дню его смерти можно было оцѣнить въ двѣ съ половиною тысячи злотыхъ. Въ тѣ времена въ окрестностяхъ Львова продавался быкъ за 4 зл., корова стоила 2 зл., свинья 1 зл. и 6 грошей, баранъ 15 гр., курица ½ гр., 10 яицъ ½ гр., возъ сѣна 4 гроша. По этому расчету можемъ составить себѣ понятіе, какую цѣнность въ то время представляли двѣ съ половиною тысячи. За нихъ можно было купить болѣе, чѣмъ 600 быковъ». Статья г. Птašицкаго служитъ дополненіемъ къ труду львовскаго ученаго о. Петрушевича, о которомъ упоминалось въ свое время въ «Кіевской Старинѣ».

Въ іюльской книжкѣ того-же журнала помѣщена вступительная рѣчь кіевскаго магистранта г. Линниченка предъ защитой имъ магистерской диссертаціи въ петербургскомъ университетѣ. Тема диссертаціи: «Взаимныя отношенія Руси и Польши до половины XIV ст.». По отзыву почтенной редакціи, магистрантъ «блистательно» защитилъ свое сочиненіе. Но самъ г. Линниченко въ своей рѣчи говоритъ между прочимъ: «Я положилъ себѣ слѣдующую задачу: опредѣливъ основныя черты сходства и отличія культуръ Руси и Польши, прослѣдить постепенную замѣну русскихъ началъ польскими въ присоединенныхъ Польшей русскихъ областяхъ. Такимъ образомъ центромъ моей работы должна была стать 2-я половина XIV в. и вѣкъ XV. Естественно, однако, у меня должно было явиться желаніе разсмотрѣть отношенія Руси и Польши и до XIV в., т. е. за время самостоятельнаго существованія обоихъ государствъ, особенно въ виду существующаго въ нѣкоторой части польской литературы мнѣнія, что южная Русь въ теченіе XIII и первой половины XIV в. успѣла уже значительно ополячиться, такъ что переходъ ея подъ польское владычество былъ совершенно естественъ. Разборъ отношеній Руси къ Польшѣ за время до половины XIV в.

я предполагалъ предпослать моему основному труду въ качествѣ введенія.

«Однако, съ моей работой произошло то, что обыкновенно бываетъ съ работой каждаго ученаго, вступающаго въ мало разработанную область; пришлось сдѣлать много предварительной работы, массу мелкихъ изслѣдованій, результатомъ чего и было превращеніе моего введенія, которое предполагалось весьма краткимъ, въ цѣлую книгу. Мнѣ не удалось даже издать всего введенія, т. е. разбора русско-польскихъ отношеній до половины XIV в., а пришлось прервать мой трудъ на срединѣ, ибо остальныя части моей работы я еще не считаю достаточно законченными для печати»... (стр. 219).

Выходитъ, что похвала г. магистранту относится къ будущимъ его трудамъ. Но если *часть 1-я введенія* разрослась въ «цѣлую книжку», то можно себѣ представить, каково (при соотвѣтствіи частей) должно выйдти самое сочиненіе. Самъ собою является вопросъ: обдумалъ-ли авторъ свою задачу? Отвѣтъ можетъ быть такой, или иной, но, во всякомъ случаѣ, *взаимныя отношенія* до конца XII в.— дѣло особое, а будущій разборъ этихъ отношеній въ концѣ XIV и въ XV вѣкѣ—тоже дѣло особое.

Изъ остальныхъ статей «Русской Старины», имѣющихъ нѣкоторую связь съ исторіей южной Россіи, можно назвать: «Николай Васильевичъ Гоголь въ письмахъ къ Арк. Ос. Россети, 1843—1847 гг.» (январь), «Письмо Т. Г. Шевченка къ Е. П. Ковалевскому» (май) и «Виленскіе очерки» (январь). Послѣдняя статья интересна не сама по себѣ, а по приложенію къ ней: «Рукопись Сигизмунда Сѣраковскаго, казненнаго въ Вильнѣ въ маѣ 1863 года». Это характеристика взгляда передовыхъ поляковъ начала 60-хъ гг. на польскій вопросъ и на отношеніе къ нему юго-западнаго края.

Въ разнообразное содержаніе «Историческаго Вѣстника» попало въ истекшемъ году нѣсколько библіографическихъ замѣтокъ на книги, разсмотрѣнныя и въ «Кіевской Старинѣ», и кромѣ того двѣ-три отдѣльныя статейки. Въ іюльской книжкѣ помѣщена картинка развалинъ дома Хмельницкаго въ Суботовѣ, которыя существовали еще лѣтъ 20 назадъ; картинка есть снимокъ съ наброска, сдѣланнаго Шевченкомъ во время посѣщенія Суботова, почему собственно и заслуживаетъ вниманія. Въ ноябрьской книжкѣ при двухъ картинкахъ, изображающихъ, одна видъ на Херсонесъ Таврическій

въ настоящее время, другая храмъ св. Владиміра въ Херсонесѣ, приложена замѣтка подъ заглавіемъ: «Храмъ св. Владиміра въ Херсонесѣ Таврическомъ». Въ ней нѣсколькими словами разсказана исторія Херсонеса и изображеннаго храма. Храмъ этотъ, возникшій по мысли Александра I, былъ заложенъ только въ 1861 году, причемъ нѣсколько разъ урѣзывался проектъ и планъ; въ семидесятыхъ годахъ храмъ оконченъ вчернѣ и такъ стоитъ до сихъ поръ. Авторъ замѣтки говоритъ въ заключеніе: «Въ 1888 году Россія вспомнитъ о Херсонесѣ Таврическомъ и о великомъ событіи, совершившемся тамъ за 900 лѣтъ. Неужели и къ тому времени храмъ не будетъ оконченъ?»

Въ «Русскомъ Архивѣ» за истекшій годъ помѣщены двѣ статьи, относящіяся къ юго-западному краю (въ выпускѣ 5-мъ): «Обозрѣніе кіевской, волынской и подольской губерній за двѣнадцать лѣтъ Бибиковскаго управленія (1838—1850), съ послѣсловіемъ издателя» и «Императоръ Александръ Павловичъ въ Кіевѣ 1816». Первая изъ статей имѣетъ высокій интересъ для занимающихся мѣстной исторіей, какъ систематическій обзоръ мѣропріятій правительства въ одну изъ важнѣйшихъ эпохъ въ жизни края. Записка написана неизвѣстнымъ лицомъ около 1850 года, какъ можно судить по одному мѣсту въ ней [1]) и—надо отдать честь автору—весьма логично. Въ этой статьѣ сначала излагается краткая исторія юго-западнаго края до 30-хъ годовъ. Констатировавъ печальное положеніе края ко времени генералъ-губернаторства Бибикова, авторъ переходитъ затѣмъ къ мѣрамъ, предпринятымъ правительствомъ для устраненія зла. «Мѣры, предложенныя и принятыя въ теченіе 13 лѣтъ (съ 1838 по 1850), по существу самой цѣли, долженствовали быть двухъ родовъ. Первыя, *отрицательныя*, клонились 1) къ пресѣченію сношеній края съ заграничными врагами Россіи и обезпеченію политической безопасности; 2) къ обезсиленію сословій, которыя были представителями началъ враждебныхъ: мѣстнаго дворянства, латинскаго духовенства и евреевъ; 3) къ уничтоженію преградъ, мѣшавшихъ соединенію края съ Россіею посредствомъ упраздненія слѣдовъ польскаго владычества въ законахъ и судоустройствѣ, и польскаго вліянія въ публичномъ воспитаніи. Мѣры *положительныя*, имѣвшія цѣлью

---

[1]) «Нынѣ коммисія окончила порученное ей дѣло. *Съ 1-го января 1845 г. въ теченіи пяти лѣтъ*, она обревизовала 20,576 дѣлъ».

возбужденіе началъ православныхъ и русскихъ, клонились 1) къ обезпеченію нашего духовенства и возстановленію достоинства господствующей церкви въ ея внѣшности, 2) къ обезпеченію сельскаго сословія и дарованію ему возможности самостоятельнаго развитія; 3) къ распространенію вѣрныхъ понятій объ отношеніи края къ Россіи» (стр. 8). Далѣе авторъ разсматриваетъ каждый изъ отмѣченныхъ пунктовъ отдѣльно.

Чтобы пресѣчь сношенія польскаго населенія съ заграничными врагами Россіи, была закрыта такъ называемая *бердичевская станція польскаго банка*, сосредоточившая въ своихъ рукахъ всѣ мѣстные капиталы и безпрепятственно пересылавшая деньги эмигрантамъ для революціонныхъ цѣлей; она замѣнена была *конторой коммерческаго банка* въ Кіевѣ. Далѣе, была усилена полиція и затруднено сообщеніе съ заграницей строгой выдачей паспортовъ съ прописскою примѣтъ и полнымъ запрещеніемъ выѣзда для лицъ подозрительныхъ.

Мѣры правительства относительно враждебныхъ сословій состояли въ слѣдующемъ. Относительно дворянъ въ 1836 году были учреждены въ губерніяхъ ревизіонныя коммисіи, которыя должны были провѣрить наличныя права шляхты, особенно мелкой, на дворянское званіе, съ цѣлью сократить число этого мятежнаго сословія, такъ какъ извѣстно было всѣмъ, что многіе попали въ него по поддѣльнымъ документамъ. По провѣркѣ оказалось, что внесено въ дворянскіе роды: правильно 581 лицо, по сомнительнымъ доказательствамъ 22,000 лицъ, *совершенно неправильно* 81,121 л. (стр. 15). Послѣдняя категорія была введена въ подушный окладъ. Католическое духовенство было весьма сильно своими имѣніями. «Всѣхъ имѣній, принадлежавшихъ римской церкви (монастырямъ и ксендзамъ, не считая личной собственности сихъ послѣднихъ) было до 40,000 душъ въ трехъ губерніяхъ, въ томъ числѣ одно столовое имѣніе луцкаго епископа состояло изъ 6,200 душъ и болѣе 42,000 десятинъ». Имѣнія были отобраны, даже запрещено католическому духовенству держать въ услуженіи лицъ православнаго исповѣданія; изъ Луцка, «какъ-бы Рима той мѣстности», было переведено духовное управленіе, консисторія, семинарія въ Житомиръ, назначенный губернскимъ городомъ. Вслѣдствіе этихъ мѣръ связь латино-польскаго духовенства съ помѣщиками, въ силу единства

интересовъ, прекратилась; оно увидѣло свое благосостояніе въ рукахъ правительства и потому принуждено было измѣнить соотвѣтственно этому и свое политическое поведеніе. Что касается евреевъ, этихъ паразитовъ, всегда игравшихъ въ руку пановъ и ксендзовъ изъ жажды къ наживѣ, то правительство старалось съ одной стороны сократить ихъ подвиги упраздненіемъ кагаловъ, подчиненіемъ земской полиціи и проч., съ другой—распространить въ ихъ массѣ образованіе учрежденіемъ въ Житомирѣ раввинскаго училища. Кромѣ того были употреблены всѣ силы удалить евреевъ отъ шинкарства.

Въ законодательствѣ и воспитаніи реформы состояли въ томъ, что въ первомъ Литовскій Статутъ замѣненъ общероссійскимъ Сводомъ законовъ и такимъ образомъ уничтожена рознь и запутанность въ дѣлахъ, въ послѣднемъ былъ очищенъ отъ польскихъ элементовъ кіевскій университетъ и въ среднихъ заведеніяхъ введена закрытая система.

Переходя затѣмъ къ мѣрамъ положительнымъ, авторъ останавливается прежде всего на русскомъ духовенствѣ. Положеніе его во времена уніи было весьма печально. «Удрученные нуждою, они (священники) были въ необходимости вымаливать у католиковъ-помѣщиковъ и поссесоровъ скудную помощь, цѣловать у нихъ руки по польскому обычаю и переносить безмолвно разныя оскорбленія. Православныя церкви, большею частію ветхія, находились также въ самомъ жалкомъ положеніи; нѣкоторыя изъ нихъ были крыты соломою, въ иныхъ одежда на престолѣ была изъ холста, въ лампадахъ горѣло коровье масло, въ кадилахъ теплился, вмѣсто ладона, можжевельникъ» (стр. 24). Послѣ возстанія 1830 года вѣрность русскаго духовенства престолу ничѣмъ не была вознаграждена, напротивъ вызвала месть со стороны поляковъ. Положеніе дѣлъ не могло такъ продолжаться, и вотъ въ 1839 году уніаты возсоединены съ православною церковью, храмы приведены въ должное благолѣпіе (въ 1850 году исправлено 2,628 церквей и построено 184 новыхъ), а матеріальное положеніе духовенства обезпечено домами, землями и единовременными пособіями.

Было обращено особое вниманіе на бытъ крестьянъ, которые всегда были опорой русскому правительству и вѣрность свою престолу блистательно доказали въ 1830 году. «Но эта неоцѣненная служба не только не была вознаграждена по достоинству, даже не

было исполнено обѣщаніе, торжественно данное генералъ-фельдмаршаломъ Сакеномъ, по которому поселяне, призванные къ содѣйствію противъ бунтовавшихъ господъ своихъ, не должны впредь оставаться въ ихъ власти» (стр. 26). Между тѣмъ помѣщики послѣ такого случая стали угнетать крестьянъ еще болѣе. «Систематическое раззореніе крестьянъ сопровождалось варварскимъ произволомъ въ наказаніяхъ: за неумышленный проступокъ или неосторожность сѣкли и терзали до полусмерти, забивали въ неподвижныя колодки, томили въ заперти, накладывали на голое тѣло тряпки съ солянымъ растворомъ и сѣкли по нимъ, насиловали женъ и дѣвокъ, подрѣзали у нихъ косы и т. п.» (стр. 29). Положеніе казенныхъ крестьянъ было не лучше: «арендаторы и администраторы употребляли крестьянъ на постороннія работы въ собственныхъ своихъ имѣніяхъ, отбирали у нихъ пахатныя и сѣнокосныя земли, даже самихъ казенныхъ крестьянъ переводили въ свои имѣнія и записывали по ревизіи за собою, насиловали ихъ женъ и дочерей, а за малѣйшее сопротивленіе, за каждую поданную жалобу, безчеловѣчно наказывали, забивали въ неподвижныя колодки, головы брили, обливали водою, засѣкали до смерти» (стр. 27). Правительство дѣятельно изыскивало мѣры къ улучшенію быта какъ тѣхъ, такъ и другихъ. Относительно казенныхъ крестьянъ, послѣ долгой переписки, 5 апрѣля 1844 года наконецъ послѣдовало высочайшее повелѣніе перевести ихъ на поземельное оброчное положеніе. Для ограниченія-же произвола помѣщиковъ надъ своими подданными были введены извѣстные инвентари. Такъ какъ они весьма памятны еще и въ настоящее время, то излишне распространяться объ нихъ.

Къ управленію Бибикова наконецъ относится учрежденіе временной археографической коммиссіи и кіевскаго центральнаго архива. Какъ велико значеніе этихъ учрежденій для науки, показало время. Въ высшей степени благородную надежду на эти учрежденія высказываетъ авторъ,—надежду, которая еще пока, къ сожалѣнію, далека отъ осуществленія. «Со временемъ, изданные и предназначенные къ изданію документы, изъ тѣснаго круга ученыхъ, перейдутъ въ учебныя книги, пріобрѣтутъ всеобщую извѣстность, и будущія поколѣнія предохранены будутъ основательнымъ изученіемъ нашей исторіи отъ безсознательныхъ вліяній и увлеченій, почти всегда сопровождающихъ невѣжество» (стр. 36).

Статья, какъ видно, составлена по оффиціальнымъ даннымъ, лицомъ близкимъ къ Бибикову, слѣдовательно видѣвшимъ, или хотѣвшимъ видѣть положеніе дѣлъ нѣсколько въ розовомъ свѣтѣ. Тѣмъ не менѣе нельзя не удивляться энергіи и систематичности дѣйствій правительства въ данное время. Если-же при введеніи разныхъ мѣръ дѣло нѣсколько и не шло такъ гладко, какъ пишетъ авторъ *Записки*, то, по замѣчанію почтеннаго редактора «Русскаго Архива», когда возводится зданіе, то не обходится безъ стружекъ и мусору.

Вторая статья «Русскаго Архива» есть извлеченіе изъ письма іеромонаха Антонія Смирнитскаго, впослѣдствіи воронежскаго архіепископа, о посѣщеніи императоромъ Александромъ I въ 1816 году Кіева. Государь пробылъ въ Кіевѣ 5 дней (съ 7—12 сентября), посѣтилъ софійскій соборъ, лавру, академію; вездѣ все внимательно осматривалъ и очаровалъ всѣхъ своею набожностью и добродушіемъ. Вотъ какъ государь посѣтилъ въ лаврѣ слѣпаго схимника Вассіана. Вассіану дано было знать, что у него будетъ кн. Волконскій; вмѣсто него въ назначенное время является государь. Происходитъ разговоръ.

— Здравствуйте батюшка!—Отвѣтъ обыкновенный.—Прошу сѣсть, ваше сіятельство!—И хозяинъ садитъ на первѣйшее мѣсто гостя, а гость отдаетъ первенство хозяину.

— Женаты-ли, ваше сіятельство?—Женатъ.—Давно-ли женаты?—Двадцать лѣтъ.—Имѣете дѣтей?—Имѣю».—Давно-ли служите государю?—Давно.

Вассіанъ, воображая предъ собою кн. Волконскаго, спрашиваетъ о государѣ.—Да онъ здѣсь,—отвѣчаетъ ему гость.—Въ Кіевѣ?—Онъ у васъ.—Гдѣ-же, въ лаврѣ, или еще будетъ?—Я Александръ: сказалъ наконецъ мнимый Волконскій схимнику на ухо; благословите меня! Еще въ Петербургѣ наслышался я о васъ, и пришелъ поговорить съ вами; благословите меня!

— Я (разсказываетъ Вассіанъ) хотѣлъ поклониться, но государь, не допуская, цѣлуетъ только руку, говоря: «Поклоненіе принадлежитъ одному Богу. Я человѣкъ, какъ и прочіе, и христіанинъ; исповѣдуйте меня, какъ всѣхъ вообще духовныхъ сыновъ вашихъ».

«Съ симъ словомъ началось совершеніе исповѣди» (стр. 116).

Ѳ. Н.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА **1885 г.** НА СЛѢДУЮЩІЕ ЖУРНАЛЫ И ГАЗЕТЫ.

ДѢТСКІЙ „РОДНИКЪ." ЖУРНАЛЪ

Въ 1885 году *(4-й годъ изданія)* «Родникъ» будетъ выходить, при прежнемъ составѣ сотрудниковъ, 1-го числа каждаго мѣсяца, книжками **въ 100 и болѣе** страницъ большаго формата, со многими рисунками, съ музыкальными приложеніями и съ отдѣломъ смѣси, въ которомъ помѣщаются мелкія статьи, загадки, задачи, игры и проч. и проч.

Выборъ статей въ «Родникѣ» принаровленъ къ возрасту отъ 9 до 14 лѣтъ. Редакція даетъ главнымъ образомъ **оригинальныя** статьи изъ русской жизни и природы. Всѣ, даже мелкія статьи научнаго содержанія редактируются спеціалистами.

Приложеніе къ «Роднику», педагогическій сборникъ «*Воспитаніе и Обученіе*» выходитъ книжками 3 раза въ годъ.

Въ нихъ помѣщаются статьи по вопросамъ воспитанія и обученія и библіографія по дѣтской, учебной и педагогической литературѣ.

Премія къ „РОДНИКУ" 1885 года

будетъ заключаться въ альбомѣ 12 оригинальныхъ картинъ по русской исторіи художника А. Земцова, исполненныхъ геліотипіей въ Вѣнѣ, у Ангерера и Гешля. *Картины эти будутъ разосланы г. подписчикамъ* отдѣльно отъ журнала, всѣ сразу, въ красивомъ конвертѣ, съ первымъ № «Родника» 1885 г.

Кромѣ того, въ видѣ дароваго приложенія къ «Роднику» 1885 г., будетъ данъ *«Литературный альбомъ»* изъ 12 оригинальныхъ картинъ художника *Н. Н. Каразина* къ стихотвореніямъ русскихъ классиковъ. Къ каждому № будетъ прилагаться по одной такой картинкѣ.

Журналъ «Родникъ» Учебнымъ Комитетомъ Собственной Е. И. В. Канцеляріи по учрежденіямъ **Императрицы Маріи** рекомендованъ, какъ весьма полезный для женскихъ институтовъ и гимназій.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія и Особымъ Отдѣломъ сего Комитета допущенъ для ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, а также городскихъ и народныхъ училищъ.

I съ гр. Дибичемъ;—Холера въ Спб. въ 1831 г., очерки и разсказы;—Имп. Николай I на Кавказѣ въ 1837 г., очеркъ *Ад. П. Берже;*—Разсказъ правосл. латыша *Индрика Страумита,* 1845—1846 гг.;—Въ правит. сенатѣ въ 1840—1852 гг.;—Имп. Николай I: записка его объ укрѣпленіи границъ Россіи;—Кн. М. С. Воронцовъ и Н. Н. Муравьевъ въ письмахъ къ М. Т. Лорисъ Меликову (нынѣ графу), 1852—1857 гг.;—Князь Мих. Дм. Горчаковъ: записка о мѣрахъ въ случаѣ возстанія Венгріи, 1860 г.;—Имп. Александръ II на Кавказѣ въ 1861 г.;—Мих. Ник. Муравьевъ и его мѣропріятія въ с.-з. Россіи 1864 г.;—Ник. А. Милютинъ въ Ц. Польскомъ,—Вредныя секты, очерки *А. Пругавина;*—19 февраля: чествованіе этого дня лицами, принимавшими участіе въ созданіи Положенія о крестьянахъ 1861 г.—Писатели: А. П. Сумароковъ,—В. А. Жуковскій,—Н. И. Гнѣдичъ,—Д. В. Давыдовъ,—К. Н. Батюшковъ,—А. С. Пушкинъ,—М. Ю. Лермонтовъ,—Н. В. Гоголь,—Сырокомля,—Т. Г. Шевченко,—Н. Г. Помяловскій,—гр. А. К. Толстой,—Ѳ. М. Достоевскій—И. С. Тургеневъ,—В. В. Самойловъ—въ ихъ письмахъ, восном., очеркахъ жизни и литературной дѣятельности.

Цѣна за 12 книгъ ДЕВЯТЬ руб. съ пересылкою.

Открыта подписка на «Русскую Старину» изд. **1885 г.**

„Одесскій Вѣстникъ",

на 1885 г.

(ПЯТЬДЕСЯТЪ ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Со вступленіемъ въ соиздатели «Одесскаго Вѣстника» кандидата правъ *С. Ю. Ломницкаго,* средства газеты усиливаются. Вслѣдствіе этого, не позже первыхъ чиселъ декабря настоящаго 1884 года, послѣдуютъ значительныя улучшенія въ отношеніи содержанія и внѣшности газеты. Въ составъ редакціи приглашены новыя литературныя силы для восполненія бывшихъ пробѣловъ и болѣе чуткаго отношенія къ назрѣвающимъ вопросамъ.

Не смотря на увеличеніе объема газеты и другія улучшенія, требующія затратъ, подписная плата остается прежняя.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

безъ пересылки или доставки:		*съ пересылкой или доставкой:*	
За годъ (12 мѣсяцевъ)	12 р. — к.	За годъ (12 мѣсяцевъ)	14 р. — к.
За 6 мѣсяцевъ	7 р. — к.	За 6 мѣсяцевъ	8 р. — к.
За 3 мѣсяца	3 р. 85 к.	За 3 мѣсяца	4 р. 50 к.
За 1 мѣсяцъ	1 р. 30 к.	За 1 мѣсяцъ	1 р. 50 к.

На пересылку за границу *прибавляется 50 коп. въ мѣсяцъ.*

Для годовыхъ подписчиковъ допускается **разсрочка платежа подписной платы** по полугодіямъ и по четвертямъ года. При разсрочкѣ *полугодичной* вно-

и ошибокъ, неизбѣжныхъ во всякомъ дѣлѣ. Мы со свѣтлыми надеждами вступаемъ во второе десятилѣтіе, бодро и смѣло глядимъ впередъ и еще выше подымаемъ наше знамя, во имя котораго трудились десять лѣтъ.

Редакція «Новороссійскаго Телеграфа», не прибѣгая къ обѣщаніямъ и зазываніямъ, всегда стремилась къ увеличенію состава редакціи столичными литературными силами. Кромѣ сотрудничества извѣстнаго петербургскаго фельетониста **Буквы** (г. Василевскаго), украшающаго страницы «Новороссійскаго Телеграфа» въ теченіи шести лѣтъ, мы ежегодно пополняемъ редакцію новыми сотрудниками по отдѣламъ руководящихъ статей и фельетона. Кромѣ того, редакція и въ будущемъ году будетъ пользоваться услугами своихъ столичныхъ корреспондентовъ, которые ежедневно доставляютъ намъ важнѣйшія новости по внутреннимъ вопросамъ, которыя обыкновенно появляются въ «Новор. Телеграфѣ» 1—2 днями ранѣе (иногда одновременно съ телеграммами) появленія ихъ въ другихъ одесскихъ газетахъ, гдѣ онѣ помѣщаются уже въ видѣ перепечатокъ изъ столичныхъ изданій.

Вступая во второе десятилѣтіе, «Нов. Телеграфъ», не увеличивая подписной цѣны, **увеличиваетъ свой форматъ**, сравниваясь такимъ образомъ съ большими столичными газетами. Независимо отъ этого, мы удерживаемъ за собою право изданія **«безплатныхъ премій»**, которыя будутъ выходить не періодически, не въ опредѣленные сроки, а когда того потребуютъ особыя событія, накопленіе матерьяловъ и возможность изготовленія соотвѣтствующихъ рисунковъ.

Подписка принимается **исключительно** въ Одессѣ, въ конторѣ редакціи, на Преображенской улицѣ, домъ Ралли, противъ Херсонской улицы.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

	Безъ доставки и пересыл.	Съ доставкою и пересыл.		Безъ доставки и пересыл.	Съ доставк. и пересыл.
На 1 мѣсяцъ	1 р. 30 к.	1 р. 50 к.	На 7 мѣсяцевъ	8 р. 30 к.	9 р. 50 к.
» 2 »	2 » 60 »	3 » — »	» 8 »	9 » 60 »	11 » — »
» 3 »	3 » 85 »	4 » 50 »	» 9 »	10 » — »	11 » 50 »
» 4 »	5 » — »	6 » — »	» 10 »	11 » — »	13 » — »
» 5 »	6 » 30 »	7 » 50 »	» 11 »	11 » 50 »	13 » 50 »
» 6 »	7 » — »	8 » — »	» 12 »	12 » — »	14 » — »

За границу къ стоимости экземпляра въ Россіи слѣдуетъ прибавлять на пересылку за каждый мѣсяцъ по 50 коп., въ годъ 6 рублей.

Для **годовыхъ** подписчиковъ **допускается разсрочка** въ уплатѣ подписныхъ денегъ, если о ней будетъ заявлено въ началѣ при годовой подпискѣ. Взносы разсроченной платы могутъ быть или **полугодовые** (по 7 руб. къ 1 января и къ 1 іюня), или по **четвертямъ** года (по 3 р. 50 к. къ 1 января, 1-го марта, 1-го іюня и 1-го сентября), т. е. всегда за **мѣсяцъ впередъ** до наступленія срока разсрочки.

Для казенныхъ, земскихъ и городскихъ учрежденій, а также для лицъ, служащихъ въ сихъ учрежденіяхъ, **допускается подписка въ кредитъ**, по письменнымъ оффиціальнымъ бумагамъ чрезъ казначеевъ, съ условіемъ высылки денегъ въ теченіи первыхъ 3-хъ мѣсяцевъ 1885 года.

Левшина. Кирхнеръ, ушныя болѣзни, 2-ой отдѣлъ *Зелимюлера* и пр.), психіатрію *Мейнерта* подъ редакціей пр. *Ковалевскаго* и проч.

Редакція имѣетъ въ виду пополнить существующій пробѣлъ въ русской медицинской литературѣ по гигіенѣ и судебной медицинѣ (редакція заручилась обѣщаніемъ профессоровъ печатать ихъ труды по этимъ и другимъ предметамъ въ «Мед. Библ.»).

Отдѣлъ «хроники и новостей» даетъ возможность врачамъ, не выписывающимъ др. медиц. газетъ, слѣдить за вопросами дня.

Подписчики на 1885 годъ получаютъ безплатно при январьской книжкѣ Медицинскій Календарь (Новый Календарь для врачей).

Адресъ извѣстенъ петербургскому почтамту.

Редакторъ ординарн. профес. *И. М. Сорокинъ.*
Издатель *И. Л. Вилькинъ.*

„ГАЗЕТА А. ГАТЦУКА",

иллюстрированная, политическая, литературная и ремесленная.

Въ 11-й году своего изданія, т. е. въ **1885 году**, газета будетъ выходить на прежнихъ условіяхъ, безъ предварительной цензуры и въ значительно улучшенномъ составѣ, въ объемѣ 2-хъ, 3-хъ листовъ въ недѣлю.

Ежемѣсячно прилагаются особо *ПАРИЖСКІЯ МОДЫ*, съ рисунками модъ и узоровъ, и 6 разъ въ годъ—по листу модныхъ выкроекъ, заключающему въ себѣ 4—5 выкроекъ полныхъ костюмовъ.

Газета сообщаетъ подробно политическія и общественныя новости, распоряженія Правительства, новости торговыя и биржевыя, изобрѣтенія и открытія въ области ремеслъ, искусствъ и наукъ.

Для легкаго чтенія помѣщаются повѣсти и разсказы преимущественно историческіе, стихотворенія, статьи научнаго содержанія, имѣющія общій интересъ и изложенныя въ общедоступной формѣ, а также *критика, библіографія.* Газета даетъ въ годъ *болѣе 770 рисунковъ* въ текстѣ. Въ ней принимаютъ участіе своими трудами лучшіе наши ученые художники.

Преміи 1885 г. 1) Крестный Календарь на 1886 годъ на веленевой бумагѣ. 2) Повѣсти и романы иностранные (въ приложенія къ номерамъ). 3) Иллюстрированныя драмы Шекспира (выпускъ 5-й—драма «Макбетъ» въ прекрасномъ переводѣ С. А. Юрьева) и проч.

Новые подписчики могутъ, по особому заявленію съ ихъ стороны, получать безплатно большую олеографическую картину, представляющую точное (съ натуры) изображеніе **Священнаго Коронованія Ихъ Величествъ** въ 1883 году.

Большой еженедѣльный, художественно-лнжуирратетурный алъ

„РОССІЯ".

1885 г. (ТРЕТІЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ). г. 1885

Съ 1 января 1885 года будетъ выходить 4 раза въ мѣсяцъ: 1, 8, 15 и 22 числа, въ новомъ **увеличенномъ** объемѣ—2½ печатныхъ листа, съ **четырьмя** отдѣльными большими **оригинальными** рисунками при каждомъ №.

Кромѣ множества другихъ статей и произведеній **въ 1885 году будутъ напечатаны**: 1) Неизданныя письма *И. С. Тургенева*, 2) Новая Золушка, большой романъ, *гр. Е. А. Саліаса*, 3) Историческія повѣсти *Н. А. Чаева*, 4) Очерки изъ народной жизни *Н. Н. Златовратскаго*, 5) Фантазеръ, большой романъ, *Д. А. Линева*, 6) Тихія воды глубоки, повѣсть, *А. В. Круглова*, 7) Двѣ избранницы, романъ, *К. Н. Леонтьева*, 8) Воспоминанія о П. С. Мочаловѣ, *С. А. Юрьева*. 9) «День византійскаго императора», историч. повѣсть, *И. П. Аксакова*, 10) «Пасынокъ судьбы», повѣсть, *С. Н. Филиппова*. 11) «Что побудило?» деревенскій разсказъ, *Д. А. Линева*. 12) Разсказы изъ современной уголовной хроники, *В. А. Скрипицына*.

Независимо отъ названныхъ именъ, въ трудахъ редакціи принимаютъ участіе: *Д. Л. Мордовцевъ*, *Н. С. Лѣсковъ-Стебницкій*, *А. Н. Плещеевъ*, *Я. П. Полонскій*, *Л. Н. Пальминъ*, *В. С. Баскинъ*, *В. В. Чуйко*, *М. М. Ивановъ*, г-жа *Евгенія Туръ* и многіе другіе.

Художественный отдѣлъ журнала будетъ преслѣдовать въ сущности ту же цѣль, что и отдѣлъ литературный, т. е. представлять собою живописный сводъ иллюстрацій Россіи въ богатомъ многообразіи ея жизни, природы и искусства.

По прежнему къ каждому № будутъ прилагаться четыре отдѣльныхъ оригинальныхъ рисунка, исполненныхъ автографическимъ способомъ. «Россія» въ этомъ отношеніи представляетъ журналъ, рѣзко отличающійся по своему характеру отъ другихъ иллюстрированныхъ изданій, пользующихся зачастую заимствованными, иностранными клише.

Въ будущемъ 1885 году редакціей устанавливается систематизація рисунковъ, такъ-что впослѣдствіи подписчики могутъ образовать изъ нихъ нѣсколько отдѣльныхъ альбомовъ.

Такъ, между прочимъ, будутъ помѣщены въ будущемъ году:

1) 12 портретовъ извѣстныхъ русскихъ представителей литературы, науки и искусства.

2) 30 копій съ картинъ русской живописи или произведеній иностранной школы, находящихся въ Россіи.

3) около 25 отдѣльныхъ иллюстрацій къ беллетристическимъ произведеніямъ,

состоящихъ при немъ центральныхъ учрежденій, въ неофиціальной-же части онъ есть органъ с.-петербургской духовной академіи. Высшее церковное правительство, избравъ офиціальную часть академической церковной газеты своимъ офиціальнымъ органомъ для помѣщенія въ ней своихъ распоряженій и Высочайшихъ повелѣній по духовному вѣдомству и чрезъ то удостоивъ академическую корпорацію высокой степени своего довѣрія, не лишило въ то же время послѣднюю возможности имѣть *въ собственномъ смыслѣ неофиціальную часть*, въ которой-бы академическая корпорація свободно выражала свои сужденія по церковнымъ вопросамъ, сообщала полезныя для духовенства свѣдѣнія, а вмѣстѣ съ тѣмъ давала-бы возможность и духовенству высказывать свои нужды и желанія, и такимъ образомъ существовалъ бы взаимный обмѣнъ мыслей между людьми духовной науки и дѣятелями церковной жизни. Высоко цѣня такія истинно-пастырскія, въ духѣ древней церкви, отношенія высшей церковной власти къ высшей духовной школѣ, академическая корпорація, по мѣрѣ силъ въ теченіи десяти лѣтъ, старалась въ неофиціальной части «Церк. Вѣстн.» осуществлять прекрасный идеалъ свободнаго служенія истиннымъ интересамъ православной церкви на поприщѣ духовной публицистики,—идеалъ, глубокіе корни котораго скрываются въ характерѣ восточнаго православія.

Постепенно и свободно развиваясь, неофиціальная часть «Церк. Вѣстн.» получила въ послѣднее время слѣдующій видъ. Въ ней печатаются прежде всего разнообразныя статьи, посвященныя обсужденію различныхъ церковныхъ вопросовъ, именно: 1) *передовыя статьи*, 2) *корреспонденціи. статьи и сообщенія* внѣшнихъ сотрудниковъ, преимущественно духовныхъ лицъ и 3) *«Мнѣнія печати свѣтской и духовной по церковнымъ вопросамъ»*. Для помѣщенія различныхъ извѣстій имѣются слѣдующіе постоянные отдѣлы: 4) *«Лѣтопись церковная»*, представляющая обозрѣніе всѣхъ важнѣйшихъ событій и движеній въ области религіозной жизни нашей отечественной церкви по всѣмъ ея епархіямъ; 5) *Иностранное обозрѣніе*, сообщающее извѣстія изъ религіозной жизни православнаго востока и римско-католическаго и протестантскаго запада; 6) *«Лѣтопись общественной жизни за прошлую недѣлю въ Россіи и заграницей»*, сообщающая свѣдѣнія о всѣхъ важнѣйшихъ общественныхъ событіяхъ въ нашемъ отечествѣ и внѣ его; 7) *«Разныя извѣстія и замѣтки»*, содержащія разнообразныя интересныя свѣдѣнія, не укладывающіяся въ вышеозначенныхъ лѣтописяхъ и обозрѣніяхъ; не послѣднее мѣсто занимаютъ здѣсь сообщенія о современныхъ движеніяхъ въ расколѣ. Немалое вниманіе обращено также и на отдѣлы библіографическіе, которые суть слѣдующіе: 8) *«Журнальное обозрѣніе»*, представляющее обозрѣніе нашей духовной журналистики (каждый мѣсяцъ разъ); 9) *«Замѣтки читателя епархіальныхъ вѣдомостей»* (два раза въ мѣсяцъ), сообщающія извлеченіе интереснаго, по преимуществу историческаго матеріала изъ всѣхъ 44-хъ существующихъ епархіальныхъ вѣдомостей (это новый, только что организованный отдѣлъ) и 10) *«Библіографическія замѣтки»* или обозрѣніе вновь выходящихъ богословскихъ сочиненій (нѣсколько разъ въ мѣсяцъ); этотъ отдѣлъ съ новаго года предполагается преобразовать въ смыслѣ полноты и краткости библіографическихъ обозрѣній.

Такимъ образомъ, редакція имѣетъ смѣлость думать, что вышеозначенными *десятью отдѣлами* неофиціальной части «Церк. Вѣстн.» довольно полно обнимаются всѣ важнѣйшія проявленія церковно-общественной жизни, преимущественно въ нашемъ отечествѣ и въ значительной мѣрѣ внѣ его.

«Христіанское Чтеніе», составляющее прибавленіе къ «Церк. Вѣстн.», помѣщаетъ разнообразныя, преимущественно ученыя, статьи по всѣмъ отраслямъ богословскихъ знаній. Сверхъ того, въ немъ печатаются, съ особымъ счетомъ страницъ, «Толкованія на Ветхій Завѣтъ». Въ 1885 г. будетъ продолжаться печатаніе «Толкованія на книгу пророка Исаіи», такъ что къ концу года выйдетъ особою книжкою 6-й выпускъ «Толкованій».

Шестой (пятый вышелъ въ 1883 г.) выпускъ, содержащій продолжніе толкованій на книгу Псалмовъ, выйдетъ въ декабрѣ 1884 года. Ц. 75 к. безъ перес. и 1 р. съ перес.

«Церк. Вѣстн.» и «Христ. Чт.» съ «Толкованіями» составятъ въ годъ болѣе **двухсотъ шестидесяти** (260) печатныхъ листовъ («Церк. Вѣстн.» 142 л. и «Христ. Чтен.» 142 л.).

Цѣна.—Годовая цѣна въ Россіи *за оба журнала* **7 р.** съ пересылкою; *отдѣльно* за «Церковный Вѣстникъ» **5 р.**, за «Христіанское Чтеніе» съ «Толкованіями» **5 р.** За границей, для всѣхъ мѣстъ: за оба журнала **9 р.**, за каждый отдѣльно **7 р.** съ перес.

Подписка.—*Иногородные подписчики* надписываютъ свои требованія такъ: «Въ редакцію «Церк. Вѣст.» и Христ. Чт.», въ С.-Петербургѣ». *Подписывающіеся въ Петербургѣ* подписываются въ конторѣ редакціи (уголъ Коломенской улицы и Свѣчнаго переулка, д. № 10—16, кв. № 26), гдѣ получаются также отдѣльныя изданія редакціи и гдѣ принимаются объявленія для печатанія (по 10 к. за 1 строку петита за объявленіе болѣе 1 раза и 15 к.—за 1 разъ) и для разсылки при «Церк. Вѣстн.» (по 5 р. за тысячу). Можно подписываться сверхъ того въ Петербургѣ при книжн. маг. Тузова (бывш. Кораблева), въ Москвѣ—при кн. маг. Ферапонтова.

„ОДЕССКІЙ ЛИСТОКЪ",

ЕЖЕДНЕВНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ЛИТЕРАТУРНАЯ и КОММЕРЧЕСКАЯ ГАЗЕТА

въ форматѣ самыхъ большихъ столичныхъ изданій.

Каждый интересующійся политическою и общественною жизнью Россіи и внимательно слѣдящій за ея развитіемъ, могъ, безъ сомнѣнія, замѣтить быстрый ростъ провинціи, которая, не смотря на многія неблагопріятныя условія и экономическій кризисъ, переживаемый страною, успѣла освободиться отъ прежней обывательской замкнутости и занять болѣе самостоятельное мѣсто. Задачи и дѣятельности провинціи становятся съ каждымъ днемъ шире, сложнѣе, и лучшимъ представителемъ этого политико-экономическаго роста является Одесса, которая, въ

періодъ короткаго времени сдѣлалась интеллектуальнымъ и торговымъ центромъ юга Россіи и первымъ городомъ послѣ обѣихъ столицъ и Варшавы. Само собою разумѣется, что вмѣстѣ съ развитіемъ общеттвеннаго самосознанія въ провинціи, развивалась и крѣпла провинціальная печать, поставившая себѣ задачею знакомить Россію съ бытомъ, нуждами и потребностями.

«Одесскій Листокъ» въ качествѣ провинціальной газеты, всегда стремился къ осуществленію этой задачи, стараясь дать своимъ читателямъ возможно полное представленіе о всѣхъ событіяхъ дня, имѣющихъ то или другое общественное значеніе, и разработывая матеріалы, доставляемые жизнью провинціи. Но матеріалы эти съ каждымъ днемъ становились обширнѣе, такъ что обыкновенный форматъ газеты оказался недостаточнымъ для того, чтобы редакція имѣла возможность своевременно знакомить читателей съ выдающимися фактами, заслуживающими общественнаго вниманія. Въ виду этого редакція признала необходимымъ увеличить газету до такихъ размѣровъ, при которыхъ она могла бы помѣщать въ № болѣе подробное обозрѣніе общественной жизни, не затрудняясь при этомъ массою объявленій, являющейся результатомъ распространенности «Одесскаго Листка». Со второй половины ноября 1884 года, газета «Одесскій Листокъ» выходитъ въ форматѣ самыхъ большихъ петербургскихъ газетъ, въ семь столбцевъ вмѣсто шести, что, однако, не остановитъ редакцію передъ выпускомъ полуторныхъ номеровъ, вслучаѣ скопленія такого матеріала, который будетъ имѣть исключительный интересъ и нуждаться въ подробной разработкѣ. Съ преобразованіемъ газеты, редакціею обращено особенное вниманіе на отдѣлы: политическій, общественный (руководящія статьи какъ по общимъ, такъ и по краевымъ вопросамъ), городской, земскій, судебный, отдѣлъ корреспонденцій и вѣстей изъ всѣхъ городовъ Южной Россіи, музыкальный, театральный и фельетонный, въ которомъ, помимо печатанія беллетристическихъ и научныхъ произведеній и участія нашихъ постоянныхъ фельетонистовъ Барона Икса, Черноморца и Осы, будутъ помѣщаться фельетоны нашего даровитаго поэта *Д. Д. Минаева*, въ стихахъ и прозѣ, подъ общимъ заглавіемъ «Чѣмъ хата богата».

Не смотря на вышепоименованныя улучшенія, цѣна на «Одесскій Листокъ» все таки остается значительно ниже другихъ большихъ литературно-политическихъ газетъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Съ доставкою въ городѣ:		*Съ пересылкою въ другіе города:*	
на годъ	10 р.	на годъ	12 р.
— полгода	6 р.	— полгода	7 р.
3 мѣсяца	3 р. 50 к.	3 мѣсяца	3 р. 80 к.
1 мѣсяцъ	1 р. 30 к.	1 мѣсяцъ	1 р. 30 к.

Подписка принимается исключительно въ конторѣ «Одесскаго Листка», на углу Ришельевской и Полицейской ул., д. Баржанскаго, въ Одессѣ.

Редакторъ-издатель **В. В. Навроцкій.**

Отъ редакціи.

Журналъ **«Кіевская Старина»** выходитъ *неизмѣнно* 1-го числа каждаго мѣсяца и въ тотъ-же день разсылается городскимъ подписчикамъ, а 2-го и не позже 3-го числа сдается въ Почтовую Контору для отправки внутри Имперіи и за границу.

Редакція отвѣчаетъ за исправное полученіе журнала лишь при слѣдующихъ условіяхъ: 1) если въ *четко* написанномъ адресѣ означены: имя, отчество и фамилія, равно губернія, уѣздъ и почтовое учрежденіе, гдѣ *допущена* выдача журналовъ, 2) если жалоба на неполученіе книжки прислана непосредственно въ редакцію, хотя-бы подписка была сдѣлана въ одномъ изъ книжныхъ магазиновъ, 3) если жалоба послана, согласно объявленію Почтоваго Департамента, не позже полученія или срока выхода слѣдующей книжки, 4) если къ жалобѣ приложено будетъ удостовѣреніе мѣстной почтовой конторы, что книжка ею не была получена и 5) если о перемѣнѣ адреса было сдѣлано заявленіе редакціи и притомъ сдѣлано своевременно, т. е. съ такимъ разсчетомъ времени, чтобы редакція могла получить оное не позже выхода слѣдующей книжки.

За перемѣну адреса иногородняго на городской и обратно уплачивается *пятьдесятъ коп.*, а при перемѣнѣ иногородняго на иногородный-же высылается *четыре семикопѣечныя марки.*

Подписная цѣна на мѣстѣ 8 р. 50 к., съ доставкою на домъ и пересылкою внутри Имперіи 10 р., за границу 11 р. По той-же цѣнѣ высылаются и оставшіеся въ небольшомъ числѣ экземпляры 1882, 1883 и 1884 гг.

Подписка принимается въ редакціи журнала и конторѣ оной (*Кіевъ, Трехъ-святительская улица, № 8-й*), въ книжныхъ магазинахъ Оглоблина въ Кіевѣ и Петербургѣ, „Новаго Времени“ и Глазунова въ Петербургѣ и Москвѣ, Вольфа и Мартынова въ Петербургѣ, Өедорова, Розова, Динтера, Корейво и Малецкаго въ Кіевѣ и др.

Издателямъ и авторамъ книгъ и брошюръ по южно-русской исторіи и этнографіи, приславшимъ экземпляры своихъ изданій въ редакцію, обѣщаются рецензіи.

Статьи и матеріалы просимъ высылать по адресу редакціи, въ возможно *четкой* перепискѣ, безъ особыхъ помарокъ, и непремѣнно съ полями, а не съ сплошными и слишкомъ тѣсно стоящими строчками. Статьи, въ случаѣ надобности, подвергаются сокращеніямъ и исправленіямъ. Этнографическій матеріалъ, какъ-то: пѣсни, сказки, думы, и т. под. просимъ предварительно свѣрять съ существующими Сборниками и снабжать примѣчаніями о мѣстѣ и обстоятельствахъ записи.
